

**ДМИТРИЙ
САФОНОВ**

ЛАСКОВЫЙ
УБИЙЦА

Дмитрий Сафонов
Ласковый убийца

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

Сафонов Д. Г.

Ласковый убийца / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич»,

«Новенькая "девятка" бесшумно летела по ночному шоссе. Изредка проносились встречные машины: сначала между деревьями появлялось слабое свечение, затем из-за поворота выскакивали плотные конусы лучей, еще ближе — резкий желтый свет с разноцветными искрами бил прямо в глаза, и, наконец — прохладный ночной воздух, пропитанный запахом асфальтовых смол, плотной упругой волной врывается в открытое окно. На прощанье — сладкий запах выхлопа, и все: снова один на пустынной трассе. "Уже недалеко", — думал он про себя. "Еще минут тридцать-сорок, и буду на месте. Скорей бы. Эта чертова жара сведет с ума кого угодно. Приеду — пивка холодного на сон грядущий. Пару бутылочек. Хорошо!" Немного сбавил скорость — машина новая, обкатку еще не прошла, гнать не стоит. Он купил ее две недели назад — пришло время поменять старенькую "семерку" на что-нибудь более солидное. Вишневая "девятка" с литыми дисками, двигатель — инжектор от General Motors, все просто замечательно...»

© Сафонов Д. Г.

© Сафонов Дмитрий Геннадьевич

Содержание

Вступление,	5
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дмитрий Сафонов

Ласковый убийца

(Игра в детектив)

Всем женам – большим и маленьким, худеньким и толстеньким, первым и последним, красивым и очень красивым, умным и слишком умным, добрым и излишне добрым, моим и чужим, безо всякого злого умысла и с любовью – посвящается.

Вступление,

в котором автор предупреждает, что некоторые персонажи, обитающие на страницах этой книги, по степени своей подлости, мерзости, низости и гадости не имеют аналогов среди представителей животного мира средней полосы России. Поэтому любое, даже малейшее сходство вымышленных героев с людьми, реально существующими – никак не плод стараний рассказчика, а простое совпадение. Если же оно все-таки случилось – примите мои искренние извинения и глубочайшие соболезнования

Новенькая "девятка" бесшумно летела по ночному шоссе. Изредка проносились встречные машины: сначала между деревьями появлялось слабое свечение, затем из-за поворота выскакивали плотные конусы лучей, еще ближе – резкий желтый свет с разноцветными искрами бил прямо в глаза, и, наконец – прохладный ночной воздух, пропитанный запахом асфальтовых смол, плотной упругой волной врывается в открытое окно. На прощанье – сладкий запах выхлопа, и все: снова один на пустынной трассе.

"Уже недалеко", – думал он про себя. "Еще минут тридцать-сорок, и буду на месте. Скорей бы. Эта чертова жара сведет с ума кого угодно. Приеду – пивка холодного на сон грядущий. Пару бутылочек. Хорошо!"

Немного сбавил скорость – машина новая, обкатку еще не прошла, гнать не стоит. Он купил ее две недели назад – пришло время поменять старенькую "семерку" на что-нибудь более солидное. Вишневая "девятка" с литыми дисками, двигатель – инжектор от General Motors, все просто замечательно.

Кое-какие дела – по работе, конечно же, будь она проклята! – задержали его в городе, поэтому он выехал из дому на несколько часов позже, чем рассчитывал. А там уже, наверное, ждут, волнуются. Жалко, что на даче нет телефона – нельзя позвонить, предупредить о том, что задерживается. Ну ничего, скоро уже придет.

Дорога перестала петлять между деревьями, вытянулась в прямую, как стрела, линию и вышла на открытое пространство. Знак на обочине указывал, что через полтора километра – стационарный пост ГАИ.

Он еще немного сбавил скорость – мало ли что, придерутся, начнут голову морочить, а времени и так нет. Сделал магнитолу потише, переключился на четвертую передачу, и почти сразу же – на третью.

Полосатые красно-белые загородки, перекрывающие дорогу почти наполовину. Сержант с коротким автоматом через плечо. Черно-белый полосатый жезл, описав выразительный полукруг, повисает на шелковом шнурке, охватывающем правое запястье сержанта.

Николай вздохнул, включил правый указатель поворота и остановился на площадке перед квадратным домиком из желтого кирпича с огромными окнами во всю стену. Открыл дверь и вышел из машины. Жар поднимался от раскаленного за день асфальта, и Николай сразу же вспотел. Ветерок, так приятно освежавший во время езды, бесследно исчез – влажный воздух, облепивший тело со всех сторон, был неподвижен.

Подошел сержант – молодой худой парень в надвинутой на самые брови фуражке. Острый подбородок с уже наметившейся к концу дежурства щетиной торчал впереди козырька. Сержант невнятно, заученной скороговоркой, представился. Попросил документы. Подошел к свету, разглядывая:

– Бурмистров Николай Иванович. Так. Номера московские. Машина-то, я смотрю, у вас новая?

– Да. На обкатке. Еще и тысячи не прошла.

– Почем сейчас "девятки" – то?

– Четыре отдал.

Сержант зацокал языком:

– Хорошая. Куда едете, Николай Иванович?

– На дачу. Километров сорок по прямой, и там еще по бетонке километров десять.

Сержант кивнул:

– Понятно. Николай Иванович, попутчика не возьмете? Военный до своей части добирается, – он пристально посмотрел Бурмистрову в глаза и зачем-то добавил: – Капитан.

Николай пожал плечами:

– Не знаю. А далеко ему?

– Нет. Километров пятнадцать. Деревня Грибки.

Николай снова пожал плечами:

– Ну... пусть садится. Подвезу.

– Спасибо, – сержант по-прежнему не спускал с него глаз, – товарищ капитан! – крикнул он куда-то за спину, даже не оборачиваясь – из темноты возникла фигура человека в военной форме. Фуражку человек держал в руке, но как-то очень небрежно. – Николай Иванович вас подвезет, – сержант дернул своим острым подбородком, показывая на машину.

– Спасибо, товарищ сержант! – ответил военный и тут же забрался на переднее сиденье – рядом с водителем.

Бурмистров даже поморщился от такой бесцеремонности – ну что поделаешь, военный, САПОГ, что с него взять? – забрал документы, сказал сержанту: "До свидания" и сел за руль.

Машина тронулась, постепенно набирая скорость. Николай включил магнитолу и спросил у капитана:

– Далеко вам ехать?

– Да нет, землячок, – чересчур развязно отвечал тот, – я покажу. Давай вперед.

Николай скосил глаза на своего попутчика: капитан был небрит, верхняя пуговица на рубашке расстегнута, галстук сбился набок. Николай принохался: по салону расплзался запах водочного перегара.

"Защитничек Отечества!" – с досадой подумал Бурмистров. "Поскорее бы от него избавиться."

Нога непроизвольно, сама по себе, утопила педаль акселератора. Капитан был явно навеселе: что-то мурлыкал себе под нос и тряс головой в такт.

* * *

Это продолжалось недолго: минут пять. Дорога снова свернула в лес и начала петлять. На обочине показался выхваченный фарами из темноты знак: "Опасный поворот". Николай сбавил скорость, даже немного притормозил, и вдруг на выходе из поворота увидел человека в милицейском кителе, размахивающего жезлом. Николай послушно съехал на обочину.

Человек подошел, подбросил руку к козырьку и, почему-то постоянно оглядываясь по сторонам, негромко сказал:

– Ваши документы.

Николаю показалось странным такое обилие милиции на ночной дороге; он помешкал – несколько секунд, не больше, и протянул в открытое окошко документы:

– Да только что проверяли – на посту. Вон, офицера попросили подвезти.

Человек в форме кивнул, отошел от водительской дверцы, встал перед машиной в свете фар и принялся читать. Затем вернулся:

– А что это вы, Николай Иванович? В аварию попали? Или сбили кого?

Николай посмотрел недоуменно:

– Нет... А с чего вы взяли?

– А у вас весь передок разбит. Даже капот повело. Вон – посмотрите.

Николай обошел машину:

– Где? – решетка радиатора и капот были целы.

И вдруг капитан, оставшийся в машине, ловко перелез со своего места и уселся за руль.

– Эй! Ты чего? – Николай двинулся к нему. В это мгновение стоявший за спиной инспектор размахнулся и что было сил ударил его жезлом по голове. У Николая перед глазами все поплыло, и он ничком упал на теплый асфальт.

БОЛТУШКО.

Если хорошенько разобраться, то Алексей Борисович Болтушко был, в общем-то, неплохим человеком. Не то, чтобы уж очень хорошим, но, по крайней мере, неплохим.

Чуть выше среднего роста, плотного телосложения, с низким бугристым лбом и глубоко посаженными серыми глазками, он напоминал интеллигентного неандертальца.

Жизнь у него складывалась... Точнее, поначалу она никак не хотела складываться.

В детстве он мечтал стать разведчиком. Однако, отслужив в армии, поступил в педагогический. Учеба давалась легко, куда сложнее было избежать соблазна жениться, и, если бы его однокашницы были чуть менее деятельны и активны, он бы, глядишь, и женился на какой-нибудь, подвернувшейся под горячую руку. Но их назойливость (обусловленная катастрофическим соотношением полов в данном учебном заведении) сильно пугала трепетного юношу. Одним словом, за пять лет пребывания в стенах альма матер Алеша Болтушко привык находиться в эпицентре женского внимания, со своей стороны – не обращая на это никакого внимания.

По окончании института Алексей Борисович целый год учительствовал: преподавал русский язык и литературу в старших классах. Его опять любили: ученицы очень пылко, но платонически, а учительница зоологии – после уроков в лаборантской, тоже пылко и закрыв замок на два – непременно на два – оборота: она была очень основательной женщиной. Что примечательно: будучи почти на двадцать лет старше, к тому же обремененная наличием супруга и двух детей, она тоже собиралась замуж за Алексея Борисовича. Напрашивается соответству-

ющий вывод: видимо, подсознательный образ идеального (читай: надежного) спутника жизни более или менее одинаков у разных женщин.

Но речь не об этом. А вот о чем: одного года молодому педагогу хватило для того, чтобы окончательно убедиться, что он, высокопарно выражаясь, занимает не свое место в жизни; проще говоря – ненавидит детей и работу в школе. (Да к тому же совсем не хочет жениться на любвеобильной коллеге). И он позорно бежал – сломя голову и не оглядываясь.

Случаю было угодно привести Алексея Борисовича в редакцию газеты "Столичный комсомолец", которая всегда славилась невиданной демократичностью в отношении подбора молодых кадров: одно время туда брали всех, кто умел читать, считать и писать, а потом просто – всех.

Наступала эпоха гласности. Алексей Борисович встречал ее, находясь в авангарде тружеников бойкого пера – он избрал ампулу "скандального" журналиста, то есть пишущего исключительно о скандалах. Материала в ту пору (как, впрочем, и всегда в нашем возлюбленном отечестве – стараниями его верных сынов) было полно. И Алексей Борисович копался в нем самозабвенно – как петух в навозной куче на заднем дворе.

Так пришла известность. Наконец он собрался с духом и женился. Стали потихоньку расти гонорары. И вдруг... В один прекрасный (что за идиотское выражение: какой он, к черту, прекрасный?!) день у Алексея Борисовича появился конкурент: до той поры – вольный флибустьер, самостоятельно бороздивший под черным корсарским флагом грязные волны информационного океана, а ныне – решивший идти параллельным курсом с эскадрой "Столичного комсомольца" некто Ремизов Андрей Владимирович, семь футов ему под килем ("и семь раз по семь – над палубой", – злобствовал Алексей Борисович). Но... ничего не попишешь (опять дурацкая поговорка: как это журналист – и ничего не попишет?) – пришлось уступить свой фарватер более наглому и беспринципному, не имевшему даже зачатков совести – словом, более достойному.

Отныне все громкие скандалы самым подробнейшим образом освещались Ремизовым, а Алексей Борисович вел еженедельную рубрику "Криминальная хроника происшествий". Он появлялся в редакции все реже и реже, перестал общаться со старыми знакомыми, ну и, если уж вы непременно хотите знать с точностью до миллилитра объем той чаши позора, которую пришлось ему испить, то сообщаю – совершенно конфиденциально – что ходили разнообразные, но в целом похожие друг на друга слухи о якобы имевшем место бурном романе между Ремизовым и женой Алексея Борисовича, Наденькой. Впрочем, это только слухи, и за их обоснованность никто бы не поручился.

* * *

Понедельник начинался как обычно: Алексей Борисович проснулся от того, что зазвенел будильник. Не открывая глаз, Болтушко нажал на кнопку и повернулся на другой бок. В сладкой полудреме он провалялся еще полчаса. Он всегда так делал, и для этого специально ставил стрелку звонка на полчаса раньше, чем нужно. Наконец, взглянув на циферблат и убедившись, что лежать дольше нельзя, откинул одеяло и поплелся в ванную умываться.

Начиналась новая рабочая неделя: четыре дня подряд он будет собирать все пакости и гнусности, случившиеся в городе, а в пятницу после обеда сядет за статью, чтобы к вечеру сдать ее в набор, и тогда в субботнем выпуске она выйдет на последней странице целой полосой.

Болтушко чистил зубы и разглядывал себя в большое зеркало, висевшее на стене в ванной. Увиденным остался очень доволен.

Жена, Надя, уже убежала на работу, оставив на плите яичницу с помидорами, заботливо накрытую крышкой – чтобы не остыла – и записку на столе с неизменным "целую".

Они были женаты уже три года. Надя пришла в газету после окончания журфака университета. Ее сразу же взяли в штат: в основном – благодаря хлопотам Алексея Борисовича, находившегося тогда в зените своей славы. К сожалению, это продолжалось недолго: вскоре объявился Ремизов, и счастливая звезда Болтушко начала гаснуть. Обилие компромата, причем самого высококачественного, густого и липкого, который Ремизов один, а то и два раза в неделю щедро выплескивал на первые полосы "Столичного комсомольца", поражало самого Алексея Борисовича, а уж он-то считался мэтром жанра. А Ремизов – с первых же публикаций стал корифеем. Силы были неравны, и Болтушко, не дожидаясь, пока рефери выкинет девять пальцев и крикнет "аут!", ушел сам: сменил тему на более мирную и спокойную, и теперь писал еженедельный отчет о бытовых убийствах, а политику оставил Ремизову.

Однако на этом их противостояние не закончилось: злые языки (которых везде полно, не говоря уж о редакции крупной газеты, где сбор – достоверной и не очень – информации, ее анализ и последующее повсеместное распространение возведены в единственный принцип и смысл существования) стали судачить о чрезмерной взаимной симпатии Ремизова и Нади, жены Болтушко: якобы даже кто-то видел, как они целовались, а одна стареющая и не по годам экзальтированная дама, Богорубская, пишущая проблемные статьи на социальные темы, трагическим шепотом уверяла всех, что "они – любовники! Да-да! Уж можете мне поверить!". И хотя всерьез ее никто не воспринимал, а за глаза звали не иначе как Золушкой – тоже знаменитая падчерица – но все равно было неприятно.

Желая раз и навсегда пресечь эти гнусные слухи, Алексей Борисович задействовал все свои прежние связи и знакомства и пристроил жену корреспондентом на одном из маленьких телевизионных каналцев, тех, чью программу передач на неделю солидные газеты даже не печатают, оставляя это почетное право таким же маленьким, как и сами каналцы, газеткам.

Надя недолго была корреспондентом – скоро стала диктором, а спустя некоторое время – ведущей собственной еженедельной программы, что-то вроде "интервью с интересным собеседником". Такая уж у нее была особенность – всем нравиться, хотя порою казалось, что она не прикладывает к этому ни малейших усилий.

* * *

Алексей Борисович наспех позавтракал, обошел всю квартиру, проверяя, везде ли он выключил свет, запер дверь и спустился на улицу. У подъезда его дожидалась верная подруга – старенькая потрепанная "шестерка". Болтушко завел двигатель и медленно тронулся прочь со двора. С утра надо было заехать в редакцию, покрутиться там немного и потом, сославшись на необходимость "работы с источниками", свалить потихоньку домой. Именно так он и собирался сделать, но один телефонный звонок изменил его планы.

Только он успел явиться в редакцию, поздороваться со всеми знакомыми, которых встретил, проходя по бесконечным коридорам, отметить витиеватым комплиментом новую прическу у молодой журналистки из спортивного отдела, вернуть долг заместителю главного редактора и утвердиться наконец на своем законном рабочем месте – в крутящемся кресле у заваленного бумагами стола, как раздался этот телефонный звонок.

Алексей Борисович снял трубку:

– Редакция!

– Здравствуйте, – послышался женский голос, – будьте любезны, позовите пожалуйста, Алексея Борисовича.

– Я вас слушаю, – отчеканил Болтушко.

– Алеша, Коля погиб, – со слезами сказал голос.

Болтушко на мгновение замолчал, пытаясь сообразить, кому принадлежит этот голос и кто такой Коля.

Все женщины плачут более или менее одинаково – если, конечно, делают это искренне, без притворства. В спокойном состоянии женщина постоянно играет: ту или иную роль; стоит прислушаться повнимательнее, и сразу становится понятно, кто она на сей раз – пожирательница младенцев или бескрылая модификация ангела небесного. Но все это верно до известного предела, а именно до той поры, пока она может контролировать свои эмоции. А уж потом, когда эмоции начинают контролировать ее – лучше не слушать, отойти в сторонку и спокойно ждать, пока стихия успокоится: глупо плевать против ветра, особенно если он возникает совершенно неожиданно и так же быстро успокаивается.

Примерно так рассуждал умудренный жизненным опытом Болтушко, поэтому продолжал молчать.

– Алеша! – требовательно позвала трубка.

– Да! – откликнулся Болтушко.

– Ты меня слышишь? Это я, Марина Бурмистрова. Коля погиб!

– Да ты что? – охнул Болтушко. Журналист Чурилин, сидевший за соседним столом, прекратил писать и принялся аккуратно грызть ручку, делая вид, что погружен в размышления на тему: даст нам МВФ новые кредиты или нет? И если даст – то зачем, а если не даст – то почему?

Теперь все встало на свои места: с Колькой Бурмистровым Болтушко вместе служил в армии, и с тех пор они... не то, чтобы дружили, но поддерживали дружеские отношения: ходили друг к другу на дни рождения, перед Новым Годом – в баню (привычка, заимствованная из классического кинофильма), и примерно один раз в два месяца – напивались вместе до бесчувствия. Исподлобья – и крайне неодобрительно – взглянув на застывшую спину Чурилина, Болтушко понизил голос и сказал:

– Как это случилось?

– Разбился на машине... Под Гагариным, в Смоленской области... Я не знаю, как это могло случиться...

Алексей несколько секунд обдумывал, как правильнее поступить в этой ситуации:

– Ты сейчас дома?

– Да. Я не знаю, что мне делать. Звонили оттуда, из милиции, сказали, что надо приехать на опознание... Алеша, я прямо не знаю, что мне делать... – повторила Марина.

Болтушко с ненавистью уставился Чурилину в спину: еще немного, и черная полушерстяная материя, натянутая между острых лопаток, задымилась бы под его взглядом.

– Сиди дома, я сейчас приеду, – громко сказал он и положил трубку. Затем встал, с нарочитым шумом отодвинув стул, демонстративно положил в сумку пару блокнотов, несколько шариковых ручек и диктофон. Жизнь в комнате замерла, все с интересом разглядывали его приготовления. Алексею Борисовичу произведенный эффект показался недостаточным, поэтому он вытащил из сумки диктофон, включил, покачал головой, открыл ящик письменного стола, пошарил в поисках запасных батареек (хотя сроду их там не держал), захлопнул ящик, процедил сквозь зубы: "Эть! Твою...!" и вышел, гордо подняв голову и ни на кого не оглядываясь.

Даже если у кого-то и были сомнения по поводу того, куда он направляется, то теперь рассеялись окончательно: Алексей Борисович Болтушко, в недалеком прошлом – ведущий, а ныне – один из ведущих журналистов "Столичного комсомольца", шел на задание.

* * *

До дома Бурмистровых Болтушко добрался довольно быстро, благо было недалеко. Он поднялся по лестнице и коротко, деликатно позвонил. Марина открыла сразу же, словно ждала его за дверью.

– Проходи, – сказала она и ушла в комнату. Повсюду стоял терпкий запах корвалола. Болтушко снял ботинки, поискал глазами тапки, нигде их не обнаружил и, осторожно ступая, тихо пошел следом за Мариной. Она сидела в глубоком кресле и без конца подносила к заплаканным красным глазам скомканный влажный платок.

– Что случилось, Марина? – как можно более мягко спросил Алексей Борисович. – Как это произошло?

Марина еще несколько раз негромко всхлипнула:

– У нас дом неподалеку от Гагарина. Это дом моей мамы. Мы с дочкой всегда уезжаем туда летом: на месяц или на два. Николай должен был приехать в пятницу вечером, сразу после работы. Он собирался ехать на новой машине: мы ее купили как раз в прошлые выходные. Когда Коля ездил на старой, я за него не волновалась, а тут все-таки – новая "девятка" ... Я ему говорила: не надо, лучше на электричке, но разве можно заставить его ездить на электричке, когда есть машина? Эта чертова машина!! Я ждала его всю субботу. Ходила на почту, звонила домой, но никто не отвечал. У нас автоответчик, я несколько раз наговаривала сообщения ... В воскресенье после обеда собралась и поехала домой. Дочка осталась с мамой, а я приехала сюда. Но Коля не пришел ночевать. Он вообще больше не появился. А когда я прослушала автоответчик, то там было вот что, – она подошла к аппарату и нажала кнопку.

Послышался треск, шипение, а потом надтреснутый голос, борясь с одышкой (Болтушко прямо-таки видел этого капитана или майора: толстый, коротко стриженный, с проседью и в мокрой рубашке, прилипшей к широкой спине) сообщил, что Бурмистров Николай Иванович погиб в дорожно-транспортном происшествии в ночь с пятницы на субботу, и что вместе с ним погиб случайный попутчик. Пока, по результатам предварительной экспертизы, трудно судить, в чем причина произошедшего, это выяснится только после окончания расследования. Управление внутренних дел города Гагарина приглашало кого-нибудь из близких родственников погибшего приехать для опознания тела по адресу: ... Телефон для контактов: ...

Марина снова заплакала. Болтушко сидел некоторое время в оцепенении, затем встал:

– Ну что же? Надо ехать.

Он подошел к креслу, на котором сидела Марина, нежно взял ее за руку и поцеловал:

– Собирайся, поедem.

Марина молча кивнула и пошла в ванную. Вскоре она вернулась: посвежевшая, умытая, без косметики на лице. Она собрала все документы, какие только могли понадобиться, взяла с собой деньги и сказала Болтушко:

– Я готова.

– Поедем на машине, – сказал Болтушко. – До Гагарина, я думаю, километров двести.

По дороге они заскочили к Болтушко домой: Алексей Борисович быстро поднялся в квартиру и оставил Наденьке записку, в которой сообщал, куда он направился: чтобы жена не волновалась.

* * *

КОЛЬЦОВ.

Ведущая мило улыбнулась и посмотрела прямо в камеру.

– Добрый вечер, дорогие друзья! Сегодня у нас в гостях – председатель фонда "Милосердие и справедливость" Кольцов Сергей Иванович.

Она повернулась вполборота к камере и, боднув воздух очаровательной головкой, приторным голосом произнесла:

– Здравствуйте, Сергей Иванович!

Кольцов весь подался вперед, прокашлялся – тщательно, словно собирался петь – и, растянув губы в ответной улыбке, несколько напряженно произнес:

– Здравствуйте!

Девушка нахмурила брови, слегка склонила головку набок и, подпустив в голосок немножко трагизма, нараспев сказала:

– Сергей Иванович! Ни для кого не секрет, что в настоящее время в России существует огромное количество самых разнообразных благотворительных фондов – или, по крайней мере, называющих себя благотворительными – которые занимаются делами, порою весьма далекими от благотворительности. А некоторые одиозные организации, названия которых у всех на слуху, поэтому я не буду сейчас их называть, так вот, эти организации зачастую создавались лишь для того, чтобы получить от государства определенные налоговые или таможенные льготы. Как Вы можете прокомментировать эту ситуацию и не могли бы Вы рассказать подробнее, какие задачи ставит перед собой Ваш фонд.

Кольцов еще раз откашлялся, глядя на столик перед собой. Никаких бумаг там не лежало, столик был пуст – просто он зачем-то смотрел на него. Потом поднял глаза на камеру.

– Да, вы правильно заметили, что в последнее время появилось очень много различных организаций, у которых в уставе записано, что основная их деятельность – это благотворительность. И много таких, которые, пользуясь своим привилегированным положением, пытаются получить от государства какие-то льготы. В этом смысле наш фонд резко отличается от других: в нашем уставе черным по белому записано, что "Милосердие и справедливость" – организация не коммерческая, что никакими импортно-экспортными операциями мы не занимаемся и никогда не будем заниматься. Основные задачи, основные направления работы определены в самом названии нашего фонда. И это не громкие слова: в наше очень непростое, трудное, порою даже жестокое время люди больше всего нуждаются в милосердии и доброте. И, конечно же, справедливости.

Ведущая, сощуриив глазки, кивала. Пару раз она вставила:

– Да... Да... – и поджала губки.

Кольцов, ободренный такой ее заинтересованностью, продолжал:

– Наш девиз: "Меньше слов, больше дела". Мы стараемся не афишировать свою деятельность, но хотим, чтобы как можно больше людей знали, что такое фонд "Милосердие и справедливость" и чем он занимается.

Логика в его словах было маловато, но ведущая опустила брови и затрясла головой, очевидно заинтригованная. Кольцов продолжал:

– Все знают, что нам с большим трудом удалось прекратить кровопролитие в Чечне.

Увидев несколько удивленный взгляд девушки, он поправился:

– Когда я говорю "нам", я имею в виду позитивно мыслящие политические силы и вообще всех людей доброй воли. Будущие поколения смогут дать произошедшему правильную оценку, они рассудят, кто был прав, кто виноват. Я бы не хотел сейчас искать правых и неправых. К сожалению, в случившемся виноваты все, и это надо честно признать. Но мы хотели бы исправить, насколько это возможно, некоторые ужасные последствия этой войны – да, самой настоящей войны, давайте уж будем называть вещи своими именами. Много не похороненных российских солдат лежит сейчас на чужой земле, много томится в плену. На сегодняшний день на территории Чечни находятся сотни людей, жителей приграничных районов, которые были взяты в заложники. Вернуть их всех домой – вот это первоочередная задача, которую мы ставим перед собой. У нас достигнуты определенные соглашения с официальными властями Чеченской республики Ичкерия, мы ведем переговоры с некоторыми полевыми командирами для того, чтобы получить максимально возможную информацию о пленных, о заложниках, о местах захоронений российских солдат. Я хочу особо подчеркнуть, что мы – организация не государственная, и к политике никакого отношения не имеем. Наша главная задача – это люди. И ради их спасения мы считаем своим долгом идти на контакт с любыми силами, существующими сегодня в Чечне.

– Скажите пожалуйста, Сергей Иванович, – с нажимом вдруг произнесла ведущая, – а какими методами Вы собираетесь действовать?

Кольцов опустил глаза и закряхтел.

– Мы будем использовать все доступные нам законные – я подчеркиваю – законные методы.

– Значит ли это, что Вы готовы платить выкуп, если его потребуют? Не будет ли это являться поощрением преступного бизнеса?

– Нет, – с неожиданной горячностью возразил вдруг Кольцов, – я считаю, что, если это единственный способ вернуть матери сына, а жене – мужа, то надо использовать и его. Не забывайте, мы же возвращаем обществу активного, как правило, молодого человека, который в дальнейшем способен принести огромную пользу своей стране. Я думаю, это все окупится сполна.

– Да, но ведь для этого Вам потребуются значительные суммы. Что является источником финансирования вашего фонда?

Кольцов приподнялся в кресле, поправил галстук.

– Вы знаете, на сегодняшний день уже очень многие организации готовы предоставить нам финансовую помощь. Просто люди поняли, какое это большое и нужное дело. Так что очень многие готовы нас поддерживать.

Девушка посмотрела куда-то вбок от камеры: режиссер делал знаки, что пора заканчивать.

– Да, Сергей Иванович. Большое спасибо, что Вы, при всей вашей занятости, все-таки смогли найти время и придти к нам на передачу... Позвольте мне от имени всех наших телезрителей, от лица всех солдатских матерей, от всех россиян поблагодарить вас за то тяжелое, но такое благородное и нужное дело, которым вы занимаетесь и пожелать вам успеха, мужества и удачи на этом трудном пути. До свидания.

Последние слова ведущая произнесла с нажимом: голосок ее прямо-таки звенел, как натянутая струна; от самой позы ее веяло трагизмом.

Кольцов снисходительно кивал головой; последний кивок был более энергичным, нежели предыдущие – должно быть, он означал "до свидания!".

– Нашу программу продолжит художественный фильм "Универсальный солдат – 2", а я прощаюсь с Вами, до скорых встреч. Передачу вела Надежда Макарова.

На экране появилась заставка.

Яркий свет, до того момента заливавший всю студию, погас. Кольцов шумно выдохнул и ослабил узел галстука.

– Ну и жара тут у вас!

Надя виновато улыбнулась:

– Да, под софитами жарко. Я же вас предупреждала.

– Я даже взмок, – не обращая внимания на ее слова, продолжал Кольцов. – Не желаете ли охладиться? Вместе со мной? Какие у вас планы на вечер?

Надя задумалась:

– Я еще не решила...

– Вот и хорошо, – уверенно произнес Кольцов, – я помогу вам определиться.

Впрочем, выбор ресторана за Вами. Какую кухню предпочитаете?

Через полчаса большой черный "Мерседес" стремительно уносил их

за город. На заднем сиденьи Кольцов нежно гладил Надину руку и шептал на ухо:

– Да, и в этом наши вкусы совпадают... Это обнадеживает. По-моему, у нас вообще много общего, тебе не кажется?

За свою жизнь Надя слышала это с небольшими вариациями, наверное, в сотый раз. И все равно тихонько млела: что подделаешь – природа!

* * *

ЕФИМОВ.

Черноволокный кудрявый человек порывшись в пепельнице, выбрал окуроч подлиннее, чиркнул спичкой и с наслаждением закурил. Он сделал несколько глубоких затяжек, медленно выпустил дым в потолок. Посидел, откинувшись на спинку стула, затем хрустнул пальцами и придвинулся к письменному столу.

"Надо работать! Писать, писать и писать! Насколько мне известно, это единственный способ стать писателем."

Человека звали Сашка Ефимов. У него была привычка разговаривать с самим собой.

"Хорошо, что я не выбрасываю бычки. Что бы я теперь делал, если бы не был таким бережливым? Деньги кончились. Причем уже давно. Занимать больше не у кого – и так всем должен. На последние купил две пачки бумаги для машинописи – самой дешевой, тонкой и прозрачной. Да еще пачку копирки – чтобы печатать сразу в двух экземплярах. Ну ничего – теперь все в моих руках! Я напишу этот роман! Он подведет итог всей детективной литературе двадцатого века! На этот раз я буду умнее – никому не позволю его украсть, как это случилось с первым."

– Нет, ну надо же! – Ефимов и не заметил, как начал говорить вслух, – написать такую рецензию: мол, не годится, не дотягивает, к чему эти авторские отступления, и так далее, и так далее... А через полгода – на всех прилавках, на всех лотках – мой сюжет! Мой! Никто так больше не придумает! Никто! Но все переделано – имена, фамилии, марки машин, время года и так далее! Вот козел!

Догоревший окуроч обжег пальцы; он аккуратно затушил его, раскрошил и ссыпал остатки табака в банку, стоявшую на подоконнике – в случае крайней необходимости можно сделать самокрутку.

Видимо, это немного успокоило его, потому что он снова замолчал.

"Ничего! Мы еще посмотрим, кто кого! Ты думаешь, я ненормальный? Ну и что из того? Все талантливые люди изначально безумны, потому что талант – это особая форма психического нездоровья, а посредственности вроде тебя – они сходят с ума постепенно, от постоянной борьбы с мыслями о собственной бездарности!"

Он хрипло засмеялся, запрокинув голову назад. В тощей небритой шее задергался острый кадык.

Внезапно он прекратил смеяться – словно захлебнулся. Опустил голову и снова придвинул стул к письменному столу, с неприятным скрежетом царапая ножками крашеный деревянный пол.

"Как там написал в рецензии этот дурак? Действие в детективе должно начинаться сразу же, с первой страницы? Типа: "я открыл дверь, и в лоб мне ударило что-то тяжелое"? Или еще лучше: "я проснулся от выстрела в голову"?"

Он снова засмеялся; буквально зашелся в смехе, содрогаясь всем телом – итогом был мучительный приступ кашля.

"Но ведь так нельзя начинать – это же детектив, самый естественный из всех литературных жанров. Он же – как любовный акт: сначала – невинный флирт, ухаживания, затем поцелуи, затем... Ах!"

Ефимов закрыл мечтательно глаза.

"Зачем я себе вру? Почему не признаюсь честно, что все это – ради нее? Чтобы она не считала меня неудачником? Чтобы пришла ко мне? Чтобы я мог купить ей что-нибудь с гонорара? Каково звучит? С гонорара! Ну почему? Почему все не так? Почему все самое лучшее достается дебилам? В утешение? Только потому, что они – дебилы? Так ведь они же не знают,

что они – дебилы? Нет! Довольно! Рассуждаю, как неудачник. Но ведь это не так. Я – молодой, сильный, красивый. Я все могу!"

Он отвернулся от зеркальных стенок шкафа, чтобы не видеть собственное отражение.

"Я – писатель! Мне подвластно Слово, значит, мне подвластно все! Я – творец параллельной реальности. Кто помнит, как звали жену Гомера? Никто! У него, кстати, по-моему, ее и не было. Тем более! А вот про Одиссея – все слышали! И про Ахилла – тоже. Не про него – так про его сухожилие. Или пяtku – неважно. Шекспир, к примеру, умер, а Гамлет – живет! А Шерлок Холмс – и теперь живет всех живых! Ты понял, гад? Я раздавлю тебя, потому что лучше тебя умею писать детективы. В детективе главное – это не сбивать темп, наоборот, по ходу действия все ускоряться и ускоряться. А финал должен наступать, как оргазм! Вот как должно быть! Так оно и будет! Этот роман принесет мне славу! А главное – она вернется. Все остальное – ерунда, только бы она вернулась. Только бы вернулась!"

Он вытащил из пачки пару листов, положил между ними копирку, сладострастно трепеща кончиками пальцев, выровнял бумагу и заложил в каретку. Пальцы полетели, отталкиваясь от клавиш; комната наполнилась стрекотанием машинки...

* * *

РУКОПИСЬ. "КРОВАВОЕ ЗОЛОТО". НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ.

Валерий Топорков по прозвищу Стреляный проснулся посреди ночи оттого, что его словно кто толкнул. Резким движением он откинул одеяло и легко вскочил на ноги: нанес невидимому противнику несколько сокрушительных ударов, чтобы размять еще спавшие мышцы, и подошел к тумбочке.

Он протянул руку и взял лежавший рядом с настольной лампой хронометр – подарок одного очень крупного и известного бизнесмена, знак благодарности за то, что Валерий спас его дочку от похитителей. Часы были изготовлены в Швейцарии из очень диковинного материала: из этого материала делают обшивку для "Шаттлов". Стоили часы безумно дорого – главным образом, из-за того, что были супернадёжны: производитель давал гарантию на две тысячи лет; они могли лежать в воде, вариться в кипятке, жариться на сковородке, их можно было долбить молотком и кидать под колеса тяжелого грузовика, и все равно они продолжали идти, и идти очень точно; в очереди за чудо-часами стояли миллиардеры всего мира, а те, кто победнее – миллионеры и прочая шушера – пока только облизывались, потому что выпускались эти часы даже не мелкими партиями, а штуками. Единственным обладателем такого хронометра в России был Валерий Топорков по прозвищу Стреляный.

Свое прозвище он получил не зря: за тридцать семь лет жизни бывший капитан спецназа, обладатель черного пояса по каратэ и чемпион Вооруженных Сил России по стрельбе из автомата Калашникова, а также рекордсмен в стрельбе по-македонски – из двух pistols одновременно – успел многое: побывать во всех "горячих точках" – от Афганистана до Чечни, обрести множество боевых друзей, помочь огромному количеству несправедливо обиженных и оскорбленных людей и поставить прочный заслон на пути кровавого беспредела, мутными волнами захлестнувшего в последние годы нашу Родину.

Родина – это слово не было для Топоркова пустым звуком. Он прекрасно знал, что должен сделать все от него зависящее, чтобы жизнь в этой некогда прекрасной, сильной и великой стране завтра стала лучше, чем сегодня. И он делал для этого все, что мог.

Топорков взглянул на светящийся циферблат – стрелки показывали половину третьего ночи. Под ложечкой засосало в томительном ожидании чего-то неотвратимого, чего-то такого, что в ближайшие дни в корне изменит всю его жизнь. Но Валерий не верил в предчувствия: там, в Афгане, выживали только те, кто полагался не на приметы, а на свои тренированные мускулы, верный АКС и плечо друга, который, если потребуется, прикроет тебе спину.

Он потер волевой подбородок с ямочкой посередине, провел мощной широкой ладонью по коротко стриженному затылку – так надо, чтобы в схватке враг не смог ухватить тебя за волосы и пригнуть к земле – и подумал: "Нет, ерунда. Это все глупые фантазии. Надо лечь и постараться уснуть – предстоит тяжелый день". И только он так подумал, как раздался телефонный звонок – Валерий даже вздрогнул от неожиданности.

Топорков жил один, он давно привык к ежеминутному риску, но считал, что не вправе рисковать жизнью другого, близкого ему человека. Поэтому в доме у него не было даже собаки, и неожиданный ночной звонок никого не мог разбудить.

Уверенным жестом он снял трубку. Сердце кольнуло воспоминанием: выжженные палящим солнцем афганские горы, столбы пыли до самого неба, стрельба, взрывы гранат, крики врагов... И он крутит ручку полевого телефона, кричит в трубку надрывно: "Цветочный! Цветочный! Срочно пришлите подмогу!", но связи нет, и никто на том конце провода его не слышит. А друзей все меньше и меньше, они падают, сраженные душманскими пулями, и вот уже остался последний магазин с патронами, и тогда старший лейтенант Топорков...

Валерий подавил вздох и четко, по-военному, сказал:

– Топорков слушает.

В трубке послышалось сосредоточенное сопение, и затем немного хриплый мужской голос – о, он знал этот голос слишком хорошо! – сказал:

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Извините, что беспокою Вас в столь поздний час...

– Вы же знаете, – холодно сказал Валерий, – для Вас и Ваших друзей я никакой не Валерий Иванович, а Стреляный.

– Да, извините, – сказал после паузы мужчина, – я помню.

Это был Степанов, заместитель министра внутренних дел Тотошина.

Однажды Валерию уже приходилось иметь дело со Степановым, и, честно говоря, никакого удовольствия ему это не доставило. Топорков тогда расследовал дело одной преступной группировки, и, тщательно проанализировав полученные результаты, пришел к выводу, что у бандитов имеется очень высокопоставленный покровитель, занимающий ответственный пост в ФСБ. Но Степанов из своих, шкурных интересов хода делу не дал, потому что очень боялся потерять теплое местечко, а до пенсии ему оставалось не так уж много. С тех пор Валерий решил, что он должен действовать своими методами, не оглядываясь на людей с большими звездами на погонах. И он боролся с преступниками – один на один! – как тогда, много лет назад в знойной пустыне Афганистана. И не было в этой борьбе пощады никому: ни чиновнику, разворовывающему народные деньги, ни "шестеркам" в кожаных куртках, ни "крутым" паханам, – никому! И все его знали, но не как Валерия Топоркова, а как Стреляного! Знали и боялись!

* * *

БОЛТУШКО.

Пожилая "шестерка" скрипела и вздрагивала дряхлым телом на каждой кочке. За свой долгий – и не очень счастливый – век она успела повидать всякое: Болтушко был ее четвертым и, по всей видимости, последним хозяином. И этот пробег по жаре – двести с лишним километров – давался машине с трудом.

Болтушко не включал магнитолу – ситуация не располагала к веселью, поэтому все нюансы жизнедеятельности автомобильного организма были отчетливо слышны.

Двигатель визгливо ревел, иногда, впрочем, переходя на утробный вой – когда машина шла в гору.

Марина не захотела ехать на переднем сиденьи; она расположилась сзади и чуть справа. Алексей Борисович прекрасно видел ее отражение в зеркале заднего вида; время от времени он оглядывался и ободряюще смотрел на нее. Марина отвечала ему слабой полуулыбкой.

Болтушко отводил глаза, скользя взглядом по ее круглым белым коленям: было очень жарко, Марина не надела колготки, и гладкие ноги блестели под лучами солнца.

Алексей Борисович злился на себя за то, что не может не думать о ее голых ногах. "Как глупо! И это – в то самое время, когда Колька, мертвый – лежит в морге!"

"Но с другой стороны", – возражал он сам себе: "я-то еще жив. И Марина – тоже."

Так они и ехали почти три часа – молча. Только один раз Марина начала причитать:

– Ой, что же мне теперь делать?.. – и захныкала. Болтушко тяжело вздохнул, не удержался – развернувшись вполоборота, все же потрепал ее по коленке и сказал:

– Как-нибудь... Чего уж тут поделаешь... Жизнь такая... – и оба замолчали окончательно, словно добавить к этим пустым словам было больше нечего.

* * *

Гагарин оказался обычным провинциальным городком: маленьким, невысоким, пыльным, – каким-то тесным. Одним словом, провинциальным. Люди не ходили по улицам: стояли, или, в лучшем случае, лениво передвигались. Несколько раз Болтушко спрашивал, где находится отдел ГАИ. Аборигены, как правило, пожимали плечами и начинали рассуждать вслух, что, наверное, там – и показывали направо. И тут же, безо всякой паузы, утверждали, что, может быть, вовсе не там, а, скорее всего, в другой стороне – и показывали налево. Алексей Борисович даже не мог сердиться на них – все очень старались, и напряженная работа мысли читалась в каждом движении мимических мышц.

Наконец, уже подъезжая к центру, они увидели на перекрестке милицейский "уазик". Болтушко остановился, вышел из машины и направился к нему. На переднем сиденьи сидел лейтенант и как-то обреченно курил: конечно, мало кому понравится курить в такую жару, но больше делать было нечего.

Алексей Борисович обратился к нему с вопросом, и уже через полчаса получил ответ. За это время он успел: дважды предъявить документы – свои и Маринины; рассказать о цели приезда; выслушать соображения лейтенанта на тот счет, что все москвичи – сумасшедшие; несколько раз объяснить, что они очень торопятся; сочувственно покивать головой в знак согласия с тем, что "жизнь ужасно подорожала" и в заключение побеседовать о видах на урожай в этом году. Только после этого им было разрешено ехать дальше.

Около трех часов они приехали в отдел. Нашли указанный кабинет и, робко постучавшись, вошли.

За столом, заваленным бумагами, сидел грузный седоватый мужчина и отчаянно потел. Похоже, что это занятие поглощало его целиком. Еще с порога Болтушко услышал, как тяжело мужчина дышит, и подумал, что это, наверное, именно он оставил сообщение на автоответчике.

– Здравствуйте, – сказал, входя, Болтушко. Марина молчала. – Нам звонили. Мы из Москвы. Мы – близкие погибшего Николая Бурмистрова. Я – его друг, а это – жена. Точнее...

– Здравствуйте, – ответил мужчина. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Он достал из ящика стола папку.

– Вот, посмотрите. Здесь отчет следственно-оперативной группы, выезжавшей на место происшествия. Заключение судмедэкспертизы еще не получено. Мы ждем его сегодня, – он передал папку с документами Болтушко. Марина тихонько заплакала.

Алексей Борисович вчитывался в сухие строчки протокола:

"...надцатого июля, в 02. 50 по местному времени, на двадцать девятом километре шоссе Гагарин – Москва, автомобиль ВАЗ-2109, государственный номер..., двигаясь в сторону Москвы со скоростью около ста тридцати километров в час без включенных приборов освещения, врезался в прицеп стоявшего на обочине грузового автомобиля КамАЗ, в результате чего легковой автомобиль получил значительные повреждения. Сидевший за рулем мужчина через разбитое лобовое стекло вылетел на проезжую часть и от полученных травм скончался на месте. Автомобиль правой своей частью врезался в заднюю балку прицепа, в результате чего пассажир, сидевший на переднем сидении, получил повреждения в виде открытого перелома шеи (с полным отделением головы от туловища). В салоне ВАЗа найдена мужская кожаная сумка типа "визитка" коричневого цвета, в которой лежали документы на имя Бурмистрова Николая Ивановича. На теле второго пострадавшего найден военный билет на имя капитана Щипакова Валентина Сергеевича. Водитель автомобиля КамАЗ Малахов А.П. показал, что остановился на обочине дороги, соблюдая правила остановки. Световая сигнализация находилась в исправном состоянии и была включена. Внезапно раздался сильный удар в заднюю часть автомобиля. Малахов утверждает, что, когда он подошел к пострадавшим, оба были уже мертвы. Остановив попутную машину, Малахов попросил вызвать сотрудников ГАИ и "Скорую помощь". Следственно-оперативная группа прибыла на место происшествия через тридцать восемь минут, в 3. 28. Были составлены протоколы осмотра места происшествия, протоколы осмотра трупов и записаны показания водителя КамАЗа. Тела погибших отвезены в морг городской больницы."

Алексей Борисович не понял ничего из прочитанного, буквально ни единого слова. Все было непонятно: почему Николай летел с такой скоростью ночью, почему не включил фары, почему ехал в сторону Москвы, хотя ему надо было в противоположную и, почему, наконец, он взял попутчика.

– А что это за пассажир? – спросил он. – Странно, насколько я знал Николая, он никогда бы не взял ночью пассажира.

Милиционер за столом пожал плечами:

– Пассажир как пассажир. Правда, оказалось, что это другой человек. Не тот, что указан в военном билете.

– То есть? – Болтушко поперхнулся от удивления. – Как это?

Человек за столом был напротив, непробиваемо спокоен:

– Мы позвонили в воинскую часть, номер которой был указан в военном билете в графе "Место службы". Капитан Щипаков там действительно служит, он как раз стоял в наряде – дежурным по части, – мужчина скривил губы: наверное, улыбнулся, вспоминая этот забавный эпизод. – Так что такой вот вышел случай: капитан Щипаков приехал в морг, чтобы опознать самого себя.

Болтушко замотал головой, пытаясь уложить вихрем носившиеся мысли:

– Так кто же это был?

– лейтенант Игнатенко, – снисходительно ответил мужчина. – Он служил взводным в роте, которой командовал Щипаков. Полтора года назад уволился в запас. У Щипакова тогда пропал военный билет: он даже выговор за это схлопотал. Оказывается, все это время его документами пользовался Игнатенко. Жена Игнатенко знала об этом, она сказала, что муж поступил так, чтобы иметь бесплатный проезд на общественном транспорте: офицеров контролеры не трогают. Денег в семье не было: знаете, как трудно сейчас найти работу. Особенно уволившемуся в запас офицеру.

Неудивительно: у нас полгорода ездит по каким-то поддельным удостоверениям – денег нет у народа. Это в Москве, может, зарплату выдают регулярно. А здесь... – мужчина махнул рукой. – Вот и шустрит каждый, как может.

Болтушко молчал, обдумывая услышанное.

– А может, этот Игнатенко угнал машину? – выдвинул он свое предположение.

– Как это? – удивился мужчина. – За рулем-то сидел ваш друг. Игнатенко был рядом. И потом – на месте происшествия не нашли никакого оружия. Как он его мог заставить выключить фары и влететь под грузовик на такой скорости?

Марина заплакала громче. Болтушко с опером прекратили препирательства и посмотрели на нее:

– Ну ничего, Марина. Ничего, – ласково сказал Болтушко, слегка приобнимая ее за плечи.

– А вот, не хотите ли водички? – участливо спросил мужчина, взял стакан, плеснул туда воды из графина, покрутил стакан в толстой руке, ополаскивая стенки, и вылил в засыхающий на подоконнике цветок. Затем налил уже почти полный стакан и протянул Марине. Она высморкалась, вытерла глаза и кивком головы поблагодарила их за участие.

Мужчины посмотрели на нее: вроде успокоилась, переглянулись, и Болтушко продолжил:

– Как он вообще попал в машину, этот Игнатенко? Почему Николай посадил его? Среди ночи? Это очень странно. Николай был осторожным человеком, – он с опаской скосил глаза на Марину; но она сидела тихо и внимательно слушала.

Опер пожал плечами:

– Не знаю. Тут могут быть разные варианты. Может, они были знакомы? – он перевел взгляд на Марину. Она энергично замотала головой. – Ну, вы могли об этом и не знать. И потом – военный человек подозрений не вызывает. Погибший мог посадить его в людном месте: например, еще в Москве. Или где-нибудь на посту ГАИ по пути следования. Чтоб не скучно было ехать.

Болтушко покачал головой, давая понять, что эти объяснения его не устраивают:

– А почему они направлялись в Москву? Ведь Николай ехал из Москвы. На дачу. Почему они ехали в Москву?

Мужчина развел руками:

– Ну, дорогой мой. Кто ж теперь об этом знает? Может, потеряли чего по дороге, возвращались назад. А может... Я не хотел говорить при жене... Про покойных, как говорится... Но все-таки, дело было, наверное, так: Бурмистров со случайно встреченным попутчиком употребил алкогольные напитки и, управляя автомобилем в нетрезвом виде, совершил ДТП. Со взаимным смертельным исходом.

Марина опять зарыдала – в голос. Болтушко, пылая праведным гневом, привстал со стула:

– Да вы что? Он вообще почти не пил! А за рулем – никогда! Это невозможно!

– А-а-а, – мужчина помахал рукой, – так часто бывает: никогда не знаешь, чего можно ожидать от человека. Сейчас, подождите минуточку, – он снял телефонную трубку и набрал какой-то номер. – Але! Александр Наумович? Здравствуйте! Тарасов из отдела ГАИ беспокоит. Скажите, по Бурмистрову готово заключение? Да, у меня тут сидят жена и ее друг, – Болтушко сверкнул глазами. – Что? Можно приезжать? Ну а так, предварительно? Вкратце? Ага. Ага. Спасибо. Мы скоро приедем, – он повесил трубку. – Вот видите? Тяжелая степень алкогольного опьянения. Ну что? Поедьте на опознание? Вы на машине?

– Да, – кивнул Болтушко.

– Вот и хорошо. Служебной не дожدهшься. Это не очень далеко – минут пятнадцать-двадцать, – опер собрал со стола бумаги, запер в сейф. – Ну что ж, пойдете.

* * *

Больница занимала обширный пустырь на окраине города. Судебный морг, небольшое двухэтажное кирпичное здание, почти полностью скрытое от глаз густыми зарослями декора-

тивных кустарников и молодых деревьев, располагалось в дальнем углу больничной территории.

Въезд на территорию больницы преграждал шлагбаум, но Тарасов предъявил охранникам удостоверение, и машину пропустили.

Александр Наумович оказался милым подвижным человеком лет пятидесяти. Он был очень коротко подстрижен – под машинку. Его крючковатый мясистый нос плотно сжимала золотая оправка очков.

– Здравствуйте, – он вежливо поклонился Марине, – примите мои соболезнования, – Болтушко он просто пожал руку. – Вы готовы? – снова обращаясь к Марине. Она кивнула. – Тогда прошу вас, пройдемте сюда, – они спустились по темной лестнице в подвал. Здесь было сыро и прохладно. Низкий потолок давил на плечи. Алексею Борисовичу стало не по себе, и он зябко поежился.

Санитар, флегматичный мужчина несколько запущенного вида, открыл тяжелую дверь, обитую железом. Она противно заскрипела, царапая бетонный пол. Санитар знаком предложил им войти. Действительно, любые слова – самые обычные, что-нибудь типа: "проходите, пожалуйста", звучали бы сейчас по меньшей мере глупо. И даже зловеще. Болтушко, Тарасов и Марина остались у входа, тесно прижавшись друг к другу.

Санитар подошел к большому, разбитому на множество секций холодильнику, отыскал нужную ячейку и с помощью Александра Наумовича ловко достал труп и положил его на каталку. Подвезли каталку поближе.

Марина заплакала и уткнулась Болтушко в плечо:

– Это он. Это Коля.

Алексей Борисович шагнул вперед, чтобы получше разглядеть тело.

Лицо покойника было словно вылеплено из воска: бледно-желтое и, казалось, прозрачное. Правая половина лица выглядела естественно, а левая была как бы смята, скомкана и затем наспех замазана толстым слоем грима. "Да, это он", – подумал Болтушко, но для верности обошел каталку справа и присмотрелся к левому плечу покойника. Так и есть, на плече виднелись бледно-синие буквы Кр. Ур. В. О. – следы татуировки, сделанной в армии – по глупости и от безделья. Это должно было означать: "Краснознаменный Уральский Военный Округ". Причем точки и маленькая "р" в сокращении "Краснознаменный" получились совсем плохо, отчетливо было видно: К Ур В О: не удивительно, что Николай потом стеснялся этой татуировки.

– Это он, – выдавил Болтушко. Тарасов кивнул санитару, и тот повез каталку обратно к холодильнику.

На этом опознание закончилось.

* * *

Словно кто-то невидимый выключил огромный рубильник: в воздухе раздался сухой щелчок, и солнце, целый день провисевшее над головами как раскаленный добела диск электрической плитки, краснея, стало потихоньку остывать и заваливаться набок, падая за неровный обрез леса, зыбкой дымкой синевшего вдали.

Печальные хлопоты близились к завершению: Алексей Борисович договорился с водителем грузовой машины, и тот обещал – сравнительно недорого – отвезти гроб с телом в Москву.

Болтушко и Марина переночевали на даче Бурмистровых, а на следующий день, проснувшись рано утром, снова поехали в Гагарин. Николая уже подготовили: одели в привезенный женой костюм и положили в гроб. Санитары помогли погрузить гроб в кузов, кузов накрыли тентом, и печальная процессия отправилась в Москву. Марина ехала с Алексеем Борисовичем, а грузовик – следом за ними.

В тот же день Николая похоронили. Поминки были более чем скромные.

* * *

РЕМИЗОВ.

"Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу". Так сказал один умный дядька. Видать, действительно умный, коли сказал такую правильную штуку. А штука действительно правильная: умный всякую ерунду говорить не станет.

Это к тому, как люди становятся "скандальными" журналистами.

Андрюша Ремизов с детства любил подсматривать, как девочки писают. В школе он всегда стремился сесть за первую парту, но не потому, что был зубрилой и выскочкой, а потому, что учительница – крупная женщина с тонкими губами, выгнутыми дугой кверху, и пышной прической в виде большой копны, а на ней – копенки поменьше, водруженной как раз над проекцией затылка – частенько раздвигала полные ноги немного шире, чем следовало бы: по забывчивости или в силу природной склонности – неизвестно, поскольку Андрюша был еще слишком мал для того, чтобы разбираться в подобных тонкостях.

Этот живой интерес к пикантным подробностям не пропал с годами (как это часто бывает), и не стал меньше ни на йоту – напротив, он развивался и рос, подчиняя себе все существо мальчика Андрюши.

Как-то раз родители, желая хорошенько отдохнуть от любознательного сына, определили его в пионерский лагерь на все три летние смены. Ремизов тут же записался в фотокружок, и к осени освоил фотографию в совершенстве. Так в арсенале молодого исследователя окружающей действительности появился еще один могучий, если не сказать – убийственный, метод познания мира.

После школы Андрей не стал поступать в институт – он изо всех сил рвался в армию. Его рвение было столь необычным, что даже врачи военкоматовской медкомиссии относились к нему с подозрением и некоторой опаской.

Все два года службы Ремизов регулярно навещался к начальнику отдела контрразведки, на двери кабинета которого красовалась двусмысленная надпись: "Без стука не входить!". И Ремизов исправно стучал.

В запас он уволился старшиной – это высшая ступенька солдатской карьеры – и, кроме того, его приняли кандидатом в члены КПСС.

Имея столь солидный багаж, дополненный блестящей характеристикой, солдатской медалькой "За отличную службу" и двенадцатью публикациями в газете "Красный воин", Ремизов без особого труда поступил в МГУ на факультет журналистики.

Когда Советский Союз вывел свои войска с территории Афганистана, то больше всех жалел об этом третьекурсник Андрей Ремизов – он ужасно хотел отснять цикл фотографий: "Правда о войне". Он подошел к делу сугубо профессионально и даже составил план предстоящей выставки, которая непременно должна была произвести фурор: пяток фотографий, на которых мирные жители (желательно старики в чалмах – или что там они носят на головах?! – и голые грязные дети), затем несколько общих планов, передающих суровое обаяние природы тамошних мест, разбитая бронетехника на фоне гор, обломки вертолетов, желательно несколько изуродованных трупов (это подействует на психику!), ну, и крупным планом глаза солдат, вспоминающих погибших товарищей.

И вдруг – его так обломали! Ну что за свинство! Будто не могли повоевать еще несколько годиков!

Но скоро его переживаниям пришел конец: вооруженных конфликтов стало хоть отбавляй, да и ехать далеко было не нужно – все в пределах любимой Родины.

Помимо склонности к авантюризму, покоившейся на мощном фундаменте несгибаемого цинизма, дрожала где-то там внутри у Андрея Владимировича и предпринимательская жилка. Он был единственным студентом, кто смог самостоятельно – безо всякой помощи родителей! – купить себе машину: новенькие "Жигули". Необходимые деньги он ухитрился заработать за два месяца летних каникул. Делал это следующим образом: приезжал в какую-нибудь воинскую часть, проходил на территорию и предлагал солдатам сделать цветной снимок, который обещал потом отправить домой, на родину бойца. Стоило это десять рублей вместе с отправкой. Он никогда не обманывал: обещал отправить – значит, отправлял. Через некоторое время солдат получал из дома восторженное письмо со словами благодарности, радовался и раздувался от гордости, что его цветной портрет видела вся деревня или весь аул, и обязательно рекомендовал Ремизова своим сослуживцам. Скоро к нему стали выстраиваться в очередь; самыми хлебными местами были Кантемировская и Таманская дивизии – в то время в каждой из них служило по десять тысяч человек! Чтобы подогреть и без того немалый спрос на свои услуги, Ремизов заказал сильно пьющему умельцу из соседнего двора деревянные модели разнообразного оружия: от автомата Калашникова до пистолета маузер. Особенно любили сниматься с муляжами в руках солдаты из нестроевых частей: всякие южные товарищи, начиная от среднеазиатских и заканчивая кавказскими. Правда, такой снимок стоил уже пятнадцать рублей, что, в общем-то, было справедливо, поскольку изображение на карточке, сопровождаемое первичными признаками воинской доблести (поди разбери, что это – настоящий "ствол" или крашенная деревяшка?), автоматически превращалось в удостоверение джигита.

Конечно, солдаты фотографировались и без него, сами, но на черно-белую пленку: какой любитель сможет в каптерке грамотно обработать цветную? Поэтому бизнес Ремизова процветал: целых три года, до тех пор, пока проклятый "Поляроид" не начал вторжение в пределы отчизны. С грустью в сердце – впрочем, довольно мимолетной! – похоронив свое первое коммерческое предприятие, Андрей Владимирович пришел к выводу, что все беды русского народа – и его лично, как неотъемлемой части этого самого народа – от иностранцев, и еще более укрепился в патриотических чувствах, наличие коих считал обязательным для образованного и порядочного человека.

Вскоре эти чувства смогли найти новый выход, не имевший ничего общего с поддержанием боевого духа личного состава Советской Армии на должной высоте: Андрей Владимирович решил собственноручно взяться за всякого рода нечисть, пену, густой грязно-белой шапкой крутившуюся в самом центре российского водоворота. Говоря проще, без метафор – Ремизов начал собирать компромат: на всех, на кого только мог.

Несколько раз ему удавалось заполучить порочащие сведения о таких важных людях, что потом ни одна газета не бралась их публиковать. Но по-настоящему звездный час настал для Ремизова в тот момент, когда его пригласили в "Столичный комсомолец".

По прихоти судьбы тот же самый день черной датой навсегда врезался в память Алексея Борисовича Болтушко: не побоюсь этого избитого литературного штампа – уж сказал, как припечатал!

* * *

КОЛЬЦОВ.

Сергей Иванович Кольцов имел все основания быть полностью довольным жизнью. К своим тридцати четырем годам он успел добиться очень многого.

Белобрысый долговязый паренек с вытянутым лицом, усеянным множеством юношеских прыщей, приехал поступать в Московский университет из славного города Иваново. Мальчика с детства интересовала химия. По сути дела, она была его единственной страстью.

Приемные экзамены Кольцов сдал с блеском, учился – еще лучше. Победитель всевозможных студенческих олимпиад, завсегдатай научных обществ и кружков, он с первых же дней обратил на себя внимание преподавателей. Все прочили ему блестящую карьеру ученого.

После окончания университета Кольцов поступил в аспирантуру и принялся писать кандидатскую диссертацию. Для него это было делом нетрудным.

Попутно Кольцов занимался проблемами синтеза высокомолекулярных соединений, и однажды понял, что сможет на примитивном оборудовании получить высококачественный сильнодействующий наркотик. Пока это было только догадкой, теоретической схемой, но Кольцов не сомневался в правильности своих выкладок. Потребовалось какое-то время, чтобы проверить их на практике, и результат превзошел все ожидания.

Оказалось, что из доступных веществ можно варить зелье чуть ли не на кухне. Итак, производство можно было наладить в любую минуту; теперь надо было организовать сбыт.

Среди университетской "золотой молодежи" всегда было достаточно любителей покурить "травку" или "наклеить марочку": устойчивый спрос порождал предложение. Кольцов начал посещать дискотеки, концерты, вечера и довольно скоро смог выявить постоянных продавцов наркотиков. Он предложил им свой товар – "на пробу". "Проба" прошла успешно, и у него появились первые деньги. Потом Кольцов нашел двух студентов-химиков, таких же, как и он сам – полуголодных гениев из провинциальных городков, живущих в общежитии на одну стипендию, и предложил им войти в дело. Ребята согласились. "Бизнес" набирал обороты. Денег становилось все больше и больше, но надо было серьезно подумать о собственной безопасности. И тогда Кольцов нашел простое и эффективное решение – он исключил себя из цепочки: "изготовитель" – "продавец". Если раньше он находился посередине, то сейчас – немного сбоку. Достигалось это очень просто: Кольцов завел дружбу с некоторыми спортсменами, как правило, борцами или боксерами. Они – за определенную плату – помогали осуществлять контроль над двумя запуганными парнишками. Продавцы брали товар прямо у них, расплачивались на месте, а львиную долю прибыли забирал Кольцов. Деньги были быстрые, шальные, и все прекрасно понимали, что в любой момент это может кончиться, поэтому торопились пожить в свое удовольствие.

Кольцов успел купить квартиру, "Мерседес", и войти в так называемое "общество". Он стал открыто интересоваться женщинами, а главное – женщины стали интересоваться им. Умный, талантливый, богатый – что еще надо?

Случилось так, что в его сети угодила Анжела Ивановна Красичкова, студентка-старшекурсница экономического факультета, более известная как дочь своего папы, Ивана Степановича Красичкова – очень ответственного работника Внешторга.

Естественно, папа был против: он считал, что надо блюсти чистоту рядов. "Все-таки люди нашего круга должны крутиться в своем кругу", – настаивал косноязычный папа, видимо, забывая, что сам он – вовсе не столбовой дворянин, а шестой ребенок из большой крестьянской семьи. Дочка же придерживалась более прогрессивных взглядов: ведя жизнь более чем безбедную – благодаря заслуженным родителям – она полагала, что главное – не то, чей ты сын или дочь, а то, что ты из себя представляешь. В общем, ей легко было так думать.

И все-таки Кольцова приняли в семью. Решающую роль сыграли, как всегда, деньги. На радостях новоиспеченные родственники задумали открыть семейный бизнес, и вскоре на свет появилось совместное предприятие, занимающееся поставками карельского леса в Финляндию. Это стало возможным благодаря связям тестя и шальным, бесконтрольным капиталам зятя. Кольцов вложил в СП очень много денег. Дело закрылось!

Но... Как всегда, появилось одно маленькое но... Милиция вышла на след группы студентов, занимавшейся изготовлением и распространением нового синтетического наркотика. Пошла волна арестов, нити потянулись к Кольцову; скоро взяли и его. И вдруг оказалось, что

мнимое могущество Кольцова – вещь очень зыбкая, что никакие телохранители из числа бывших спортсменов помочь не в состоянии, и что срок ему светит очень даже не маленький.

Тогда Иван Степанович Красичков (заботясь, впрочем, более о собственной репутации, нежели о свободе зятя) задействовал старые знакомства, обзвонил всех, кого только мог, раздал всем, кому нужно, взятки, и Кольцов, проведя на нарах четырнадцать незабываемых ночей, вернулся в ряды строителей капитализма (тех, которые пока по эту сторону тюремной ограды).

И вот тут-то Красичков уперся, как старый козел: ноги этого бандита больше не будет в моем доме! Дочери было предложено выбирать: или – или. И она, конечно, выбрала отца, тем более, что правильность такого выбора в свете последних событий стала совершенно очевидной.

Кольцов остался, образно говоря, у разбитого корыта. Но это образно, потому что на самом деле даже корыта у него не осталось. Красичков сказал, что все кольцовские деньги ушли на взятки, а квартира, машина и прочие прелести жизни были в свое время переписаны на жену, чтобы в случае чего не подлежать конфискации.

Развод оформили быстро, и Кольцов вернулся в общежитие. Правда, ненадолго – из университета его вскоре поперли: кандидатскую он так и не защитил. О том, чтобы начать все заново, не могло быть и речи: Кольцов постоянно чувствовал живой интерес к своей персоне со стороны правоохранительных органов. Одним словом, историческая справедливость торжествовала победу на всех фронтах.

И он залег на дно. Конечно, не то, чтобы уж на самое дно, нет. "Мерседес" он все-таки купил. Года через два. Эти годы были ознаменованы неустанным трудом в сфере торговли изделиями бытовой химии: как это часто бывает у людей романтического склада, первая любовь – к химии – оказалась сильней.

А потом случилось нечто такое, что в корне изменило его жизнь.

* * *

ЗА ПОЛТОРА ГОДА ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ.

На дворе был конец января. Все замело. Снег тяжелыми хлопьями ложился на ветви могучих деревьев, оседал на изогнутых спинках скамеек, заносил летние беседки и заметал дорожки парка. Все это было хорошо видно через огромные, высотой в два человеческих роста, окна. А внутри, по эту сторону стекла, было тепло и тихо.

Двое мужчин неторопливо прогуливались по краю бассейна. Один из них – тот, что постарше – был одет в спортивные брюки и белую тенниску, а другой – в дорогой темно-синий костюм. Тот, что постарше, был маленького роста, лысый, с внимательными черными глазками под треугольными веками. Второй был повыше, моложе первого лет на пятнадцать, с густыми темно-каштановыми волосами.

Первого звали Аркадий Львович Борзовский, а второго – Феликс Георгиевич Иосебашвили. Он был правой рукой и консультантом Борзовского – по всем без исключения вопросам.

Правда, в помещении находился еще один мужчина, но на него не обращали внимания, словно бы он являлся частью обстановки.

Звали третьего мужчину солидно – майор Прокопенко. Он был широк в плечах и суров на вид. Майор Прокопенко являлся действующим офицером ФСБ и по совместительству – начальником службы личной охраны Борзовского. Помимо этого, он активно участвовал в разработке различных мероприятий, направленных на защиту и обеспечение безопасности финансовой империи, основателем и единственным полноправным хозяином которой был Борзовский.

Майор Прокопенко внимательно наблюдал за каждым шагом двух собеседников, поворачиваясь следом за ними всем своим большим тренированным телом. Время от времени он что-то негромко говорил в маленький микрофон, укрепленный на лацкане пиджака.

Тихо плескалась неестественно голубая вода. Мужчины медленно ходили по длинной стороне бассейна: туда и обратно.

– Конечно, Аркадий Львович, это большое зло. Не берусь даже спорить. Однако опыт развития человечества показывает, что оно, к сожалению, неизбежно. Причем это в равной степени относится ко всем странам – независимо от уровня экономического развития, независимо от климатических особенностей и географического расположения, независимо от менталитета и господствующей религии, – ко всем. И Россия не исключение. По всем прогнозам уровень потребления в ближайшие годы только возрастет. А упущенные сегодня возможности обернутся не просто миллионными – миллиардными! – убытками.

– А что, у этого рынка большая емкость? – быстро стрельнув колючими глазками из-под кустистых бровей, спросил Борзовский.

– По моим подсчетам, на сегодняшний день – около трех миллиардов долларов. Больше половины приходится, естественно, на Москву. Остальное – на другие крупные города.

Борзовский опять задумался. Иосебашвили продолжал:

– Они хотят контролировать всю продажу, по всей стране.

Борзовский усмехнулся:

– Короче, стать монополистами?

– Да. Сеть сбыта давно готова – они просто подмяли под себя "таджиков" и "азербайджанцев", для которых это всегда было традиционным бизнесом. Стало быть, теперь основной вопрос – централизация поставок. Здесь два ключевых момента – во-первых, они хотят, чтобы весь товар, продаваемый в России, исходил от них. Они даже готовы в два раза снизить цены.

– Хм, – промурлыкал Борзовский, – грамотный ход. Отсекают конкурентов и вовлекают новых потребителей. Молодцы!

Иосебашвили кивнул:

– Чувствуется твердая рука. Но пока кукловод остается за кадром. По крайней мере, те люди, с которыми я беседовал, не производят впечатления разумных существ. Вряд ли кто-нибудь из них смог бы все это придумать. Тут нужна богатая фантазия.

– Понятно. А во-вторых?

– А во-вторых, для централизации поставок нужен канал. Они не хотят терять на транспортировке ни грамма. То есть канал должен быть абсолютно надежным. Естественно, организовать это без влияния на самом верху – невозможно, поэтому они и обращаются к нам. А чтобы МВД не сидело без работы, они берутся сообщать о других поставщиках товара.

– Даже так? – удивился Борзовский. – То есть сдавать конкурентов?

Иосебашвили позволил себе короткий смешок:

– Да. Помогать милиции бороться с преступным промыслом.

– Молодцы! – повторил Борзовский. – Лихие ребята! А какова будет наша доля?

– Четверть от общего оборота, – со значением произнес Иосебашвили.

– Приятная сумма, – удовлетворенно отозвался Борзовский. – Только меня это настораживает: откуда такая готовность расстаться почти с миллиардом долларов? Может, они просто хотят нас "кинуть", эти воины ислама? Я бы, честно говоря, даже спрашивать у них "который час?" поостерегся, не то что крупные дела вести.

– Но ведь оружие мы им продавали, – мягко напомнил Иосебашвили. – Никаких проблем не возникало.

– Ну, это делалось через посредников, – возразил Борзовский. – И потом, тогда они от нас зависели.

– Ситуации очень похожи, – старался убедить его помощник. – В органах, да и в обществе в целом к ним сейчас отношение негативное – особенно не развернешься. А граница с каждым днем все менее проницаема – крупные партии уже не провезешь. Поэтому, если они хотят работать на перспективу, партнеры просто необходимы. Прибыльность этого бизнеса – около 1000 %. Это по самым скромным оценкам. Прибыльнее – только торговля оружием. Суть идеи в том, чтобы товар не стекался мелкими ручейками, а шел регулярным потоком. Основные потери случаются как раз на этапе транспортировки. Ведь всю милицию не подкупишь – денег не хватит. А создать один работающий канал и прикрыть его со всех сторон – это нам по силам. И это будет стоить семьсот пятьдесят миллионов долларов в год. Или около того.

– Хорошо, хорошо. Я понял. А чем это может грозить в случае неудачи?

– Ничем – если правильно организовать дело.

– У тебя уже есть какие-то планы?

– Конечно. Я бы не пришел к вам с пустыми руками.

Борзовский одобительно улыбнулся:

– Излагай.

– Предположим, что некая организация занимается тем, что разыскивает тела солдат, погибших в ходе военных действий, а также освобождает людей из чеченского плена. Хорошее это дело? Безусловно. При всем при том у государства эта организация не просит ни копейки, а существует, ну, скажем так, на добровольные пожертвования состоятельных граждан.

Борзовский молча слушал. Иосебашвили продолжал:

– Естественно, что для проведения такой работы необходимо часто ездить в Чечню. И не просто ездить – летать. С какого-нибудь подмосковного военного аэродрома – к примеру, из Чкаловского. Естественно, что вернувшиеся из плена солдаты могут представлять оперативный интерес для спецслужб, поэтому ничего удивительного, если в аэропорту самолет будет встречать группа офицеров госбезопасности, скажем, во главе с этой гориллой, – Иосебашвили едва заметно кивнул через плечо, туда, где стоял майор Прокопенко. Борзовский молчал. – Я представляю себе, что это будет... ну, допустим, благотворительный фонд со звучным и запоминающимся названием. "Милосердие и справедливость"? Неплохо? Или что-то в этом духе. Это уже организационные вопросы. Теперь основное. Кадры! Они, как известно, решают все. Есть человек на главную роль. При выборе я исходил из следующих соображений: чистый славынин, безо всяких примесей, открытое симпатичное лицо – ну, это всегда можно подправить при желании, компетентность в вопросах особого рода – вы понимаете, что я имею в виду – и, конечно же, нейтральность. Это должен быть ничей человек. Подкидыш с улицы. Этакая козявочка, которая не смогла бы возомнить о себе черт знает что – с одной стороны. А с другой – которую можно было бы легко прихлопнуть, если понадобится. По сути дела, перед ним будут стоять только две задачи: первое – вести учет поступающего товара, чтобы мы точно знали причитающуюся нам долю, и второе – вовремя переводить деньги на те счета, которые ему укажут.

– Я тебя понял. И что это за человек?

– Есть такой. Некий Кольцов. Дело "химиков" из МГУ, может, помните?

– Да, что-то такое припоминаю.

– Пролетарского происхождения. Сам родом из Иваново. По образованию – химик, с наркотиками знаком не понаслышке – это он тогда закрутил все дело. Сейчас ведет какой-то копеечный бизнес, максимум, на кого имеет выход – это бандиты районного масштаба. Был когда-то женат на дочери Красичкова, но семейная жизнь не заладилась. Его как раз тогда повязали, хотели запустить "паровозом", но тесть помог – вытащил. Вытащил и выкинул. Красичков теперь с Берзоном Питер окучивают. На пару. А Кольцов – тут прозябает. Сирота! Никто за ним не стоит. Живет одиноко, не женат. И что очень важно – сам он не колется. Это хорошо.

– Ну и что, – спросил Борзовский, – ты думаешь, ему можно будет доверять?

– Конечно. Главное – это не давать ему почувствовать себя самостоятельным. Показывать, что он постоянно находится под нашим контролем.

– Не знаю, Феликс. Речь идет об очень больших деньгах. От этого люди сильно меняются. Иосебашвили широко улыбнулся:

– Не позволим, Аркадий Львович! Не позволим!

Борзовский в сомнении покачал головой:

– А если что случится – опять скажут: "рука Борзовского"? На меня и так уже всех собак вешают – чуть ли я не младенцев на завтрак ем. А тут еще эти наркотики...

– Ну что вы? – поспешил успокоить патрона Иосебашвили. – При чем здесь вы? Фонд будет абсолютно независимым, проследить пути перемещения денег тоже вряд ли удастся. А Кольцову знать лишнее совершенно ни к чему. И потом: вы же не собираетесь фотографироваться с ним в обнимку? Он – просто пешка. Причем заведомо непроходная. Нет, Аркадий Львович. Поверьте мне, при такой схеме работы вы практически ничем не рискуете. Доказать вату связь с поставкой наркотиков в Россию – невозможно.

– Потихе, – недовольно поморщился Борзовский. – Мало ли что... – он неопределенно покрутил пальцами в воздухе. – Знаешь, что мне не совсем понятно? – вдруг задумчиво спросил он Иосебашвили и сам продолжил:

– Почему они хотят поставлять товар именно через Чечню? Ведь традиционные пути наркотиков: из Пакистана и из Южной Америки. При чем здесь Чечня?

– Как мне объяснили, это дела политические. Богатые исламские страны, желая поддержать своих братьев в войне против неверных, тратят много денег. А себестоимость производства героина не так уж и высока. Поэтому им выгоднее оказывать помощь натуральным продуктом, отдавая наркотик за бесценку. Выходит – помогли героином на миллион, а чеченцы получили – десять миллионов. И к тому же все при деле.

– Все равно, что-то здесь нечисто... – недоверчиво сказал Борзовский. – Надо будет еще раз все тщательно взвесить. Ладно?

– Конечно, Аркадий Львович. Я займусь этим. Пока все не проверю, определенного ответа не дам: ни "да", ни "нет".

– А Кольцов этот – кандидатура неплохая. Скажи Прокопенко, чтобы занялся им вплотную. Пусть выяснят про него все, что только можно, включая то, сколько раз в день он ходит в туалет. И не страдает ли запорами. Понял?

Иосебашвили с готовностью кивнул:

– Все понял, Аркадий Львович. Уже работаем!

* * *

Примерно через два месяца Иосебашвили позвонил Кольцову и предложил встретиться. Раздумывать над ответом не приходилось: людям такого уровня отказывать не принято. Да и опасно. Кольцов сказал: "Да-да, конечно. Когда Вам удобнее?" и на следующий день – точнее, вечер —

сидел в глубоком кожаном кресле перед маленьким столиком в доме приемов одной из крупных коммерческих структур, входивших в состав империи Борзовского. От волнения он тихонько ерзал и украдкой вытирал вспотевшие ладони об дорогие брюки.

Иосебашвили некоторое время ходил по комнате, задавал пустые, ничего не значащие вопросы и внимательно выслушивал ответы. Наконец он сел в кресло напротив и пристально посмотрел на Кольцова.

– Сергей Иванович, я, собственно, хотел предложить вам возглавить одно дело. Мне кажется, что вы, особенно если принять во внимание ваше образование и некоторый довольно

специфический опыт, как нельзя лучше подходите на роль руководителя этого м-м-м... предприятия.

Иосебашвили помолчал, видимо, желая, чтобы смысл сказанного дошел до Кольцова.

– Работа самостоятельная, вами никто управлять не будет. Подчиненных тоже будет немного. Суть работы заключается в том, чтобы вести строгий учет и контроль за движением некоторого товара, а также регулярно переводить деньги на разные счета. Но это уже детали. Основное – это учет.

Кольцов помялся.

– Вы позволите, я закурю? – он огляделся: пепельницы нигде не было.

– Да, конечно, не смущайтесь. Сейчас договорим, я уйду, а вам принесут пепельницу и тогда курите. А пока – извините, но я бы просил вас воздержаться. Видите ли, у меня, к сожалению, астма. Не переношу табачного дыма. Мне сразу становится плохо. Еще раз извините, – несколько заискивающе говорил Иосебашвили, но выражение лица у него было холодное: скорее даже надменное.

Кольцов смешался еще больше.

– Феликс Георгиевич, нельзя ли поподробнее узнать, что это за работа? – опять невпопад спросил он, хотя сам уже догадывался.

Иосебашвили склонил красивую голову набок и устало посмотрел на Кольцова.

– Сергей Иванович, мы пока говорим о довольно отвлеченных вещах. Поэтому вы еще имеете возможность сделать выбор. Если наш разговор будет более предметным, эта возможность исчезнет. Вы меня понимаете? Коммерческая тайна и так далее. В данном случае речь идет вот о чем: хотите вы стать членом нашей команды или нет? Поверьте, такого предложения удостоивается далеко не каждый. И никто еще не отказывался. И уж тем более – не жалел. Думаю, что вам тоже не придется. Когда вы сможете дать мне обдуманый ответ?

Кольцов потер ладонями колени и шумно вздохнул:

– Я согласен, Феликс Георгиевич.

Иосебашвили едва заметно улыбнулся и назидательно произнес:

– Что вы вздыхаете, Сергей Иванович? Не надо драматизировать ситуацию: вы же не душу дьяволу продаете. Просто в вашей жизни начинается качественно новый этап: другие возможности, деньги, сила, власть – все другое. И я рад за вас. Поздравляю!

– Спасибо, – смутившись под его взглядом, сказал Кольцов, – просто я, наверное, еще не до конца это осознал.

– Да, скорее всего, – согласился Иосебашвили. – Сейчас вам принесут пепельницу, а у меня, извините, неотложные дела. Завтра они появятся и у вас. А сегодня – пока отдыхайте, – он встал и направился к выходу. – С вами свяжется кто-нибудь из моих помощников. До свидания, – и он вышел из комнаты.

Не успела дверь закрыться, как на пороге показалась высокая красивая девушка с пепельницей в руке. Она учтиво поинтересовалась, не желает ли он еще чего-нибудь, но Кольцов поблагодарил ее и поспешил домой.

Так все начиналось: чуть больше года назад, а теперь зловещий бизнес все больше и больше набирал обороты.

* * *

ЕФИМОВ. НАПИСАНО КАРАНДАШОМ НА ОБОРОТЕ МАШИНОПИСНЫХ ЧЕРНОВИКОВ.

А ведь я пью уже четвертый день... Боже мой, если бы вы только знали, как мне плохо! Но вряд ли с вами случалось нечто подобное – смешно даже допустить такую мысль! А вот со мною случается... И в последнее время – все чаще и чаще.

Попробую описать свое состояние – исключительно для того, чтобы расширить ваш кругозор.

В порядке, так сказать, поэтажном: голова болит. Я мог бы написать: мучительно, невыносимо, нестерпимо, раскалывается от боли и так далее, словом, подпустить определений, нанести несколько бойких мазков, которые бы оживляли и веселили общую картину, как белые барашки пены на гребнях морских волн у живописца Айвазовского. Но она просто болит: не останавливаясь ни на минуту, не больше, но и не меньше, в любом положении и даже во сне. Эта тупая боль (тупая не в том смысле, что по ощущению противоположна острой, а тупая, как песни группы "Доктор Ватсон" и детективные романы писательницы Тамариной) представляется мне в виде рога, который растет прямо изо лба. Словно какая-то неведомая сила могучей рукой собрала мои волосы, кожу на голове и сами мозги в тугий пучок и стянула этот пучок шершавой резинкой на самом центре лба, и теперь голова болит: сзади наперед. Это направление боли – от затылка кпереди – опускаясь этажом ниже, в область рта и глотки, вызывает постоянное чувство тошноты. Добавьте сюда противный вкус от бесчисленного количества дешевых сигарет: человек, уходящий в многодневный запой, как моряк – в море, вынужден быть экономным, чтобы запасов хватило до самого конца рейса, поэтому я заблаговременно купил на оптовом рынке побольше дешевых сигарет и выиграл на этом одну бутылку водки.

Кашель... Он донимает меня постоянно. Кашель раздирает мое несчастное горло, он надсадный и сухой: вся вода, что была во мне, перелилась в мешки под глазами и пальцы. Теперь я не могу надеть свое обручальное кольцо (которое всегда было чуть-чуть великовато) даже на мизинец, а ботинки ужасно натирают распухшие ноги, и поэтому, когда я выхожу из дома, чтобы дойти до ближайшего ларька, я не надеваю теплых носков. Оттого ли я так сильно дрожу, что не надеваю теплых носков? Наверное, все же не только от этого содрогается мой пустой, обожженный изнутри живот.

В животе сосет. Даже нет, не сосет. В животе такое ощущение, будто там сидит еще одна голова, и она все время кружится. Этакое головокружение в животе. (По-моему, это не моя метафора. Но она очень точная, не буду искать другую.) Простите за еще одну подробность, но уже три дня у меня не было стула: а все потому, что я ничего не ем; попробуйте запихнуть в себя хоть что-нибудь, если вас постоянно тошнит. А водку я не закусываю, запиваю водой – обыкновенной, хлорированной, из-под крана.

Теперь про ноги. Нет, сначала – про то, что между ними: вы же все-таки не юная девица, разрешите быть с вами откровенным. А я не могу себе позволить быть неполным и неточным в угоду каким-то идиотским приличиям.

Раньше я всегда просыпался с Эрекцией. И даже тогда, когда я засыпал, совершенно измученный самыми сладкими мучениями, которые только можно себе представить, и утомленный самыми приятными томлениями, какие только можно себе вообразить, то есть засыпал после счастливой, прекрасной ночи, проведенной с прекрасной, счастливой, любящей и любимой женщиной, после того, как тугими струями белого огня, извергнутыми из своих чресел, я завершал и подкреплял, подводил итог извержениям словесным, которые то потоком, то по капельке, то шепотом, то стоном я вливал в улитковый завиток самого изящного в мире ушка, окруженного разлетающимися от моего горячего прерывистого дыхания прядями темно-русых волос, даже тогда я просыпался с Эрекцией. (Пишу с большой буквы, во-первых, потому, что питаю к ней глубочайшее уважение, а, во-вторых, потому, что она действительно была велика.)

А теперь? Я уже не ощущаю приятной тяжести между ног, там болтается нечто вроде пустого кисета. Там пусто... И это не просто физиология, это уже некий символ. Вот чего я по-настоящему боюсь – собственной несостоятельности. Во всем...

Боюсь так сильно, что подкашиваются ноги. Хотя, вполне возможно, ноги подкашиваются еще и оттого, что я три дня ничего не ел, и оттого, что отравленный алкоголем мозг дает мышцам неверные команды, а, может, еще по какой-либо причине... Нам ли с вами не знать,

что на одну и ту же вещь могут существовать разные взгляды, что на одно и то же событие есть несколько точек зрения, что одинаковые следствия могут быть вызваны множеством различных причин?.. В этом, если хотите, наша общая задача – искать (и найти) оборотную сторону предмета, посмотреть на него так, как никто прежде не смотрел, увидеть то, что еще никто не видел; понять, осознать и затем передать свое восприятие.

Ни на кого не похожее, личное осмысление одинаковой для всех действительности – это еще не искусство. Но уже предпосылка к искусству; если угодно, прелюдия к нему...

* * *

"КРОВАВОЕ ЗОЛОТО". НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

– Зачем я вам понадобился? – довольно резко спросил Топорков – он не считал нужным скрывать от Степанова свое неприязненное отношение.

– Валерий Иванович... Извините, Стреляный! Вы не могли бы прямо сейчас приехать в министерство, на Житную? Министр хочет лично поговорить с Вами.

– Лично? – недоверчиво переспросил Топорков. – А почему же тогда Тотошин сам не позвонил? Или он уже забыл, как это делается?

На другом конце провода повисло напряженное молчание; спустя какое-то время раздалось обиженное сопение – видимо, Тотошин все слышал, сняв трубку параллельного аппарата.

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Это Тотошин.

Топорков подобрался и даже вытянулся по стойке "смирно": несмотря на неоднозначность фигуры министра внутренних дел, Стреляный относился к нему с большим уважением – министр был человеком слова.

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич! Простите мне мой выпад – я был неправ.

– Ерунда, – отрезал министр, – сам виноват: уж такому человеку, как вы, мог бы позвонить лично – в стране только один Валерий Топорков. А министров пруд пруди. Спасибо, что поставили на место: с этой прорвой бумажной работы на многое начинаешь смотреть по-другому, утрачиваешь понятие об истинных ценностях. Но перейдем к делу – оно не терпит отлагательств. Я прошу Вас сейчас же приехать в министерство: я бы приехал сам, но боюсь, что моя охрана разбудит всех Ваших соседей, – Тотошин засмеялся.

– Конечно, – заверил его Топорков, – я уже выезжаю. Минут через пятнадцать буду у вас. Скажите парковщикам, чтобы не брали с меня денег за стоянку – я же все-таки по государственному делу.

Тотошин снова засмеялся – он оценил шутку Стреляного.

– Не волнуйтесь, Валерий Иванович! Мы Вас в обиду не дадим. К тому же поздно уже, все парковщики спят крепким сном. Они, конечно, вампиры, кровососы, но дневные, и режим соблюдают строго. Так что приезжайте без опаски – никто с Вас денег брать не будет.

– Еду, Владимир Сергеевич! – сказал Валерий и, положив трубку, начал быстро собираться.

Он надел костюм, сшитый нарочно таким образом, чтобы не бросалась в глаза, не ступала выпуклостью при движениях кобура скрытого ношения. Сзади, от самого воротника и вдоль спины были вшиты в пиджак потайные ножны, в которых покоился до времени металлический нож: плоский, с тяжелым лезвием и узкой рукояткой. В брючный ремень был вделан тонкий тросик, способный выдерживать большую нагрузку. В левом ботинке Валерий носил капроновую удавку. А вообще-то, наиболее совершенным оружием, которое постоянно находилось в распоряжении Стреляного, было само его тело, сильное, мускулистое и отлично натренированное – послушный железной воле хозяина идеальный боевой механизм.

Валерий Топорков подошел к входной двери и внимательно посмотрел на монитор камеры наружного наблюдения. На лестничной площадке перед его квартирой никого не было.

Топорков осторожно, стараясь не шуметь, открыл бронированную дверь и вышел, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Но в подъезде все было тихо. Тогда Валерий тщательно запер дверь на все замки и стал быстро спускаться по лестнице – лифтом он никогда не пользовался из соображений предосторожности.

Выйдя из подъезда, он достал ключи от машины и нажал кнопку на брелоке сигнализации: верный "джип", стоявший неподалеку, с двойным писком мигнул ему фарами. Валерий завел двигатель и, рванув с места, помчался по ночной Москве в сторону министерства внутренних дел.

* * *

Здание министерства внутренних дел на Житной улице имеет в плане вид правильного четырехугольника. Внутри этого четырехугольника находится маленький дворик, куда выходят окна кабинетов самого министра и его заместителей.

Топорков отлично знал это, но его удивило, что все остальные окна были тоже ярко освещены. Видимо, действительно случилось что-то из ряда вон выходящее.

На проходной его ждал Степанов.

– Здравствуйте, Стреляный! Прошу вас, пройдемте. Министр ждет.

Валерий руки Степанову не подал, отвечать на приветствие тоже не стал, лишь едва заметно кивнул головой. Он прошел сквозь блестящую дугу металлоискателя, и тот тревожно зазвенел. Прапорщик, стоявший в стеклянной будке, положил руку на кобуру и шагнул к нему.

Топорков посмотрел ему прямо в глаза и с силой сжал руку в кулак, так, что хрустнули костяшки пальцев:

– Знаешь, что это звенит? Моя железная воля! Понял? А еще у меня – стальные нервы. Я дождусь, пока ты вытащишь свою пукалку, снимешь с предохранителя, а потом успею всадить в тебя пяток пуль прежде, чем ты нажмешь на курок. Неужели хочешь рискнуть? Разве он, – Валерий кивнул на Степанова, – не предупредил, что у тебя нет никаких шансов?

– Он может пройти с оружием, – поспешил Степанов на помощь часовому. – Под мою ответственность.

Прапорщик изо всех сил старался показать, что не испугался, но все же было заметно, как он побледнел: уж про подвиги Стреляного знали все, а тем более здесь, в стенах МВД – про него просто ходили легенды.

Стреляный в сопровождении Степанова пересек огромный вестибюль. Замминистра нажал кнопку вызова лифта.

– Поезжайте один. Я пешком, – тоном, не терпящим возражений, сказал Топорков.

– Вы же в здании МВД. Что здесь может случиться? – немного свысока спросил Степанов. Валерий рассмеялся ему прямо в лицо.

– В наше время может случиться все. И в том числе – в здании МВД. Попомните мое слово. Это во-первых. А во-вторых, за долгие годы опасности и смертельного риска у меня выработались привычки, которые не раз сохраняли мне жизнь. Не вижу особых причин для того, чтобы изменять им.

Поэтому я пойду пешком, – Топорков развернулся и упругим шагом стал подниматься по лестнице.

– Кабинет министра на третьем этаже! – крикнул ему вдогонку Степанов.

Топорков остановился, перегнулся через перила:

– Берегитесь! Вас могут обвинить в разглашении секретной информации! – крикнул он в ответ.

На третьем этаже его встретили офицеры из группы личной охраны министра. Сразу три человека застыли напротив Топоркова.

"Хорошие ребята!" – думал про себя Валерий. – "Вон тот – с перебитым носом и слегка сутулится, втягивает голову в плечи, видимо, боксер. У него из этой троицы должна быть самая хорошая реакция. Он быстрее всех достанет пистолет и сразу же после выстрела будет стремиться уйти с линии огня. Его я убил бы первым, если потребовалось бы. Второй – с "дипломатом" в руке. "Скрипач". Знаем мы эти фокусы. На ручке кейса находится кнопка, при нажатии на которую панели "дипломата" разлетаются, и в руках у стрелка оказывается "скрипка" – готовый к стрельбе автомат. Вот только держит он этот чемоданчик не в левой руке, а в правой, и часы носит не на левом запястье, а на правом, и левый ботинок с наружной стороны у него стоптан сильнее, чем правый. Из этого напрашивается вывод, что он – левша. Но вряд ли футляр для "скрипки" делали специально для него, нет, футляр стандартный, для правши, а это значит, что у меня перед ним преимущество примерно в полсекунды. За это время я могу засадить ему три пули между глаз, но к чему три? С такого расстояния стыдно стрелять больше одного раза. А третий – просто увалень. Видно по фигуре. Вон какие ляжки и ягодицы – скорее всего, бывший хоккеист. Его задача – перекрыть директрису, то есть закрыть охраняемый объект собственным массивным телом. Он наоборот – не прячется, сам на пулю лезет. Этого – в последнюю очередь. Вон, у него и пиджак не расстегнут. Он бы и пистолет достать не успел."

Все это вихрем пронеслось в голове у Топоркова. Он застыл на месте, зорко озирая все вокруг.

– Ребята, меня пригласил Владимир Сергеевич, – дружелюбно сказал Валерий.

– Мы знаем, – нервно подергивая плечом, ответил "боксер". – Но оружие вам придется сдать. Таков порядок.

Стреляный по-прежнему улыбался, но в голосе его послышались суровые нотки:

– Ребята! Я сам по себе – оружие. Поэтому сдам я вам пистолет или не сдам – значения не имеет. Понятно?

Охранники напряглись. Топорков видел, как "боксер" нервно шевелил узловатыми пальцами, словно готовился схватить ребристую рукоять своего ПСМа. "Скрипач" согнул руку в локте, выставив "дипломат" вперед. "Хоккеист" потянулся к пуговицам пиджака.

"Поздно ты раздеваться надумал, браток", – усмехнулся про себя Топорков.

В этот момент за спиной у охранников раздались шаги, и широкие двери кабинета распахнулись. На пороге в позе футболиста перед штрафным ударом стоял сам Тотошин. Дымчатые стекла его очков светились умом и проницательностью.

– А ведь он прав, – негромко сказал Тотошин. – Иначе бы я его не позвал.

Охранники расступились, и Топорков подошел к министру.

– Вы готовы послужить Родине? – спросил Тотошин.

У Валерия перехватило дыхание: а разве вся его жизнь не является ответом на этот вопрос?

– Всегда готов! – тихо, но очень твердо, по-военному, сказал верный сын Отечества Валерий Топорков.

* * *

БОЛТУШКО.

Николая Бурмистрова похоронили во вторник. Алексей Борисович сильно напился на его поминках, возвращался домой на такси, и в дороге его укачало. Он дважды просил шофера остановить машину и ходил в ближайшие кусты, чтобы освободить организм от излишков выпитого и съеденного.

Соответственно среда явилась для Болтушко черным днем. Настроение было траурным, а физическое состояние – близким к коматозному. К сожалению, Алексей Борисович еще

не выработал спасительной привычки опохмеляться, поэтому принимал муки по полной программе, наивно пытаясь облегчить их шипучим аспирином.

В четверг он вернулся к жизни. А во второй половине дня даже робко подумал, что жизнь все-таки хороша. И жить – в определенном смысле – тоже хорошо!

Настала пятница, и после обеда он должен был засесть за итоговую статью о происшествиях за неделю.

Утром прибежал молодой, но уже подающий большие надежды журналист широкого профиля – Станислав Скобликов.

– Старик! – закричал он с порога. – Есть потрясающий сюжет для твоей субботней статьи. Только что снял с телетайпа. И стоит недорого – всего сто грамм в редакционном буфете. Идет?

Станислав собирал самые свежие и самые "стреляющие" новости, и выдавал их в рубрике "Срочно!". В данном случае речь шла о том, выйдет ли эта новость под броским заголовком в рубрике Стаса или будет описана в статье Болтушко: информация не должна повторяться, а тем более в одном номере.

Болтушко посмотрел на него оценивающе:

– А если мне не подойдет твой сюжет?

– Старик, тут же "сотку" возвращаю. Получится, словно выпили на брудершафт. Каждый по "сотке". Минус на минус дает знак "равно". Согласен?

– Ладно. Пойдем, – словно бы нехотя ответил Болтушко, и встал из-за стола: как правило, Стас подбрасывал хорошие сюжеты.

В буфете царил прохладный полумрак. Болтушко заказал две рюмки водки по пятьдесят граммов (чтобы не привлекать внимание любопытных глаз одним большим заказом) и бутерброд с колбасой. Они отошли в уголок. Первую рюмку Стас выпил сразу же и принялся жевать.

– Ну, давай, рассказывай! Время поджимает! – поторопил его Болтушко.

– Представляешь, в "Склиф" поступает мужик с ножевым, – начал Стас. – Его спрашивают: кто это, мол, тебя так? Он мнетя, мнетя, а потом и говорит: жена, мол. А за что? На почве ревности, отвечает. И рассказывает свою историю. Оказывается, у него давно уже был роман с соседкой, которая живет этажом выше. Соседка – женщина одинокая, а он, как ты сам понял – мужчина женатый. И вот такая получается ситуация: вроде бы есть где встречаться, да некогда. Супруга, понимаешь, все время на посту, и все время бдит. Однажды он говорит жене, что едет в командировку на две недели. И, действительно, уезжает. Но только через неделю потихоньку возвращается, и – напрямик к соседке. И живет там у нее, и пилит ее по несколько раз на дню, и все такое остальное. А соседка буквально расцветает от повышенного внимания, и ходит сама не своя, аж светится – такая вся счастливая. А он из ее квартиры – ни ногой; не дай Бог – жена засечет. Но... сколь веревочке не виться... Короче, однажды соседка ему и говорит: сходи-ка, мол, Гоша, ведро мусорное вынеси. Ну чего тут идти? До мусоропровода? Он – закуривает, и с ведерком – на лестничную клетку. А мусоропровод – между этажами. Вот он свое ведро вываливает, и по привычке – домой, к законной жене. На полном автомате. Звонит в дверь, жена открывает, и что она видит? Стоит ее благоверный, в спортивных штанах, в майке и в чужих тапочках на босу ногу, а в руке, понимаешь, – вражеское ведро. А она-то думает, что ее муж – в командировке. Ну, и какая у бедной женщины может быть реакция? Естественно, она встала на защиту моральных устоев и непреходящих семейных ценностей, и сгоряча слегка порезала муженька: как говорится, Платон мне друг, но истина! – Стас ткнул пальцем в потолок, – истина! она, понимаешь, дороже! Кстати, мужик-то ничего, оклемается. А вот жена может пострадать за свои убеждения, буквально как Софья Ковалевская...

– Перовская, – поправил его Болтушко.

– Ну какая разница? – обиженно спросил Стас. – Она тебе что, родственница? Извини. Тогда пусть она пострадает, как, например, Достоевский. Это тебя устраивает?

Болтушко махнул рукой; даже немного выпив, Стас начинал нести всякую ерунду: он вообще был не очень крепкий на алкоголь.

– Сюжет хороший. Заработал, – Алексей Борисович хлопнул Стаса по плечу и поспешил назад, в кабинет, чтобы поскорее приняться за работу.

Он сел за стол, достал чистый лист бумаги и принялся карандашом составлять план статьи. Перед ним лежали записанные на отдельных маленьких листках сообщения – разные случаи, произошедшие за минувшую неделю в Москве. Почти все они имели трагический конец, но Болтушко считал высшим шиком описать чью-то смерть так, чтобы это было даже немножко забавно: вероятно, он полагал, что основную массу читателей составляют маньяки, садисты, моральные уроды, а немногие оставшиеся – настоящие ценители черного юмора.

Цинизм Болтушко уступал цинизму Ремизова – по размаху и всеохватности, но в изяществе и даже некоей утонченности – явно превосходил Скобликова с его шокирующими заголовками.

Болтушко открыл ящик, достал оттуда ластик, стер пару грязных пятен с бумаги и замер, ожидая вдохновения.

В этот момент раздался телефонный звонок. Он снял трубку.

– Редакция! – раздраженно крикнул Болтушко.

– Алеша, это ты? – спросил знакомый женский голос.

– Я, – ответил Болтушко.

– Алеша, это я, Марина.

– Да, здравствуй. Я узнал тебя. Что-нибудь случилось?

В ответ он услышал всхлипывания.

– Алеша, приезжай, пожалуйста. Мне очень страшно. Я не знаю, что делать. Они мне угрожают.

– Кто? – обескураженно спросил Болтушко.

– Я не знаю. Приезжай, пожалуйста.

– Но... Марина... Я сейчас не могу. У меня – статья.

Марина заплакала. Болтушко крепче прижал трубку – чтобы никто не слышал, потому что мембрана у этого аппарата была очень сильная.

– Марина... Марина, я приеду, как только освобожусь. Хорошо? Закройся на все замки и никому не открывай. Ты одна дома?

– Одна-а-а... Мне стра-а-а-шно...

– Я скоро буду. Примерно часа через три-четыре. Хорошо? Ты сиди дома, никуда не уходи. Перед тем, как выехать, я позвоню. Поняла?

– Поняла.

– Ну все. Жди звонка.

Он положил трубку. Что за чертовщина? Кто ей угрожает? Что происходит? Может, она немножко тронулась рассудком? На нервной почве? А что, с женщинами такое часто бывает. Понервничают – тронутся, успокоятся – и вроде как на место вернутся.

Он стал рисовать какие-то узоры, заштриховывать их, потом все стирал и рисовал заново.

Теперь он и сам занервничал, поэтому торопился написать статью, что сразу же отразилось на качестве: получилось не смешно, а как-то мрачно. И даже такая веселая история про то, как пожилой вор залез в квартиру бывшего капитана дальнего плавания, а в коридоре был установлен в качестве охранной сигнализации корабельный ревун, и он сработал, а вор испугался и умер от сердечного приступа, – даже эта история получилась немного печальной.

Алексей Борисович был собой недоволен. Он отнес статью, позвонил Марине, что выезжает и после этого покинул редакцию.

.....

У Марины были припухшие губы и заплаканные красные глаза. Узенький поясок перехватывал на талии короткий махровый халат. "Извини, что я так, по-домашнему", – сказала она.

"Ничего себе, по-домашнему", – подумал Болтушко. "Неужели она хочет убедить меня, что всегда ходит по квартире в таком виде? Домашний халат совсем не такой. Домашний халат – это что-то длинное и бесформенное. А здесь – какой-то пеньюар или как там его... У меня трусы и то длиннее. В общем, не то. Не вдовый наряд, одним словом."

Он придал лицу суровый вид и прошел в комнату. Окинул безразличным взглядом стены, уселся поглубже в кресло и принялся рассматривать книги, стоявшие на полках зеркального шкафа – надо же было отвести глаза куда-нибудь подальше, прочь от голых Марининых ног.

А она словно и не замечала этой неловкости. Или делала вид, что не замечает.

Она была расстроена и напугана. Алексей Борисович прокашлялся и спросил:

– Ну, что у тебя произошло? Кто тебе угрожает?

– Не знаю, Алеша, – ответила Марина и подалась всем телом к нему. "Ого! Да она еще и без лифчика!" – отметил Болтушко. Ему стало совсем не по себе.

– Вот что я нашла на автоответчике, – она подвинула аппарат поближе к Болтушко и нажала кнопку: "Коля, я очень волнуюсь. Что случилось? Я перезвоню через час", – послышалось сквозь треск.

– Это я звонила в субботу утром, – пояснила Марина. – Потом было сообщение из милиции о том, что Коля погиб. После этого я снова позвонила, но никого не было дома. А спустя еще какое-то время, – она сделала погромче, – вот послушай.

Болтушко наклонился ухом к динамику телефона. Раздался сигнал, а потом, словно через подушку, тихо-тихо: "Дома никого нет. Я же говорил, что жена на даче."

Болтушко узнал голос Николая. Как это? Ведь он уже был к тому времени мертв? И почему он говорит в сторону? А затем: "Звони еще раз, падла!" – сказал хриплый мужской голос. И все прекратилось.

– Что это такое? – обратился Болтушко к Марине. – Кто это говорит?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Я так закрутилась, так была поражена смертью Коли, что не прослушала сразу всю кассету до конца. Только недавно обнаружила. И не знаю, что теперь делать. Но если бы только это! Мне сегодня позвонили. Мужской голос, хриплый такой, бандитский. Очень похож на этот, – Марина кивнула на телефон. – Который сказал: "Звони еще раз." Требуется три тысячи долларов. Говорит, что Коля ему должен. А если я не отдам, угрожает расправиться со мной и с дочерью. Алеша, что мне делать? – и Марина опять заплакала.

Болтушко сидел, ошеломленный. Сказанное Мариной с трудом укладывалось у него в голове. Все было непонятно: как это Николай погиб, а потом позвонил домой, почему, если уж позвонил, он не оставил никакого сообщения на автоответчике и говорил в сторону, и кто это угрожает Марине? Почему требует деньги?

– Ты знаешь, – выдавил он, – по-моему, тебе надо обратиться в милицию.

Марина вытерла тыльной стороной ладони слезы, откинула назад волосы и вдруг громко рассмеялась. Болтушко с опаской посмотрел на нее.

– В милицию? – сквозь смех спросила Марина. – И что я им скажу?

– Ну, покажешь эту кассету. Пусть послушают, – сказал Болтушко.

– Ну и что? Они скажут, что я просто перемотала пленку на свободное место и забыла об этом, а потом перемотала еще раз, и вышла такая накладка. И вообще – голос неразборчивый, экспертизу, что ли, устраивать? Теперь ведь эту запись с голосом Николая не сравнишь. Сравнить-то не с кем.

– Ну, хорошо. Скажи тогда, что тебе угрожают.

– Кому сказать, Алеша?

– Ну, обратись в РУОП. Они такие дела быстро раскрывают. Сейчас с вымогателями строго. А в РУОПе ребята суровые.

– Я боюсь, Алеша. Во-первых, у меня нет доказательств. Во-вторых, я опасаясь за Настю. Звонок-то был междугородний. Наверное, они звонят откуда-то из Гагарина. А если с ней действительно что-нибудь случится? Я же никогда себе этого не прощу. Я боюсь, Алеша. Алеша, ты такой сильный, умный, – Марина вдруг упала перед ним на колени и обхватила их руками. Халатик распахнулся, и ее голые груди заколыхались: но не обреченно – вверх-вниз, а бодро, в разные стороны – одна вправо, другая влево. Они блестели на солнце и тихонько звенели, ударяясь друг об друга. Марина не делала ни малейшей попытки прикрыться. На Алексея Борисовича напал столбняк. В буквальном смысле этого слова – даже воздух в трахее застыл неподвижно. "Третий номер, не меньше. А то и четвертый", – пронеслось в голове. – Алеша, помоги мне! – голосила Марина, хватая его за руки и прижимая их к своей груди. Болтушко попытался отстраниться и покрепче сжал ноги, чтобы не было видно предательски вздвухнувшегося гульфика – еще несколько минут назад он был плоским, а сейчас напоминал лыжный трамплин на Ленинских горах.

– Кха... Кха... Кханечно, я помогу тебе, – дребезжащим голосом ответил Болтушко. – Давай вместе пойдем в милицию, – еще раз предложил он. Погладил дрожащей рукой Марину по голове. "Какая у нее на левой груди родинка. С копеечную монету, не меньше. И на самой ареоле, вокруг соска, волосы какие-то. Обломные волосики. Но в целом ничего... Интересно выкусывать их зубами – по одному."

– Не надо в милицию. Лучше отдать им эти деньги. Я боюсь, – продолжала Марина, и ее руки, совершавшие стремительные круговые движения, замедлились и стали постепенно сужать круги, приближаясь к эпицентру.

Болтушко окаменел. Он явственно слышал, как крупные капли густого пота со скрипом пробираются у него между лопаток. Болтушко хотел что-то сказать, но не смог – единственной мыслью, крутившейся в голове, было давнее воспоминание из школьного учебника по анатомии: "... с помощью зрительных рецепторов человек воспринимает до 95 % поступающей в мозг информации...". А зрительные рецепторы Алексея Борисовича воспринимали в этот момент кружевные трусики Марины. Эта замечательная часть женского туалета была устроена таким образом, что могла помешать только органам осязания и никаким другим.

– Давай все-таки обратимся в милицию, – прохрипел он и положил ей руки на плечи. Затем как бы случайно его руки сдвинулись вниз, еще больше открывая и без того неплохой обзор. "Отличная передняя подвеска! Такая энергоемкая! А багажник – просто супер!" – лезли в голову крамольные мысли. Такое, слава Богу, случается нечасто – только отпетым автомобилистам может придти в голову сравнивать женщину с машиной.

– Не надо, Алеша, я прошу тебя! Не надо! – вскрикивала Марина, воюя с его ремнем из дешевого кожзаменителя. Ремень противно щелкал гладким лакированным телом со следами глубоких трещин на местах перегибов и глухо звякал пряжкой. Болтушко втянул живот, чтобы облегчить ей задачу. В животе заурчало. "Я же еще не обедал сегодня", – не к месту вспомнил Алексей Борисович. – Не надо в милицию! Только не в милицию! – просила Марина.

– А куда же? Куда?! – задыхаясь, спросил он.

– Сюда!! – воскликнула Марина и, стянув с Болтушко штаны, повалила его на себя. – Иди ко мне!

* * *

Через двадцать минут все было кончено – в буквальном смысле. Болтушко, тяжело дыша, собирал раскиданные по полу доспехи. Марина сидела на краю дивана и смотрела на него сверху вниз. Было в этом нечто унижительное: она мгновенно запахла халат и теперь наблю-

дала за Алексеем Борисовичем свысока, будто бы даже с некоторым удивлением и презрением. А он лазил на четвереньках возле ее голых, слегка полноватых ног и собирал рассыпавшиеся из карманов брюк ключи и мелочь. Ремень нашелся под телевизором, а бумажник с документами завалился за обивку кресла.

Наконец, вернув все вещи на свои места, Болтушко сел в кресло, но так, чтобы не видеть стоявшую за стеклянными дверцами шкафа фотографию Николая в траурной рамке. Не решаясь поднять глаза на Марину, он пробурчал под нос:

– Чем же я могу тебе помочь? В милицию ты обращаться не хочешь, а у меня там какие – никакие, но все-таки связи. А что я еще могу сделать?

– Алеша, – ласково, но очень твердо сказала Марина, – ты же мужчина. Ты большой, сильный, умный. Я хочу, чтобы ты отвез им деньги. Я – женщина, существо слабое. Они меня будут шантажировать еще и еще, пока все не высосут. А ты можешь решительно сказать: мол, хватит. Берите деньги и чтобы я вас больше не видел. Понимаешь?

У Болтушко похолодело все внутри:

– Нет... Как это? Почему они должны меня послушать? Они точно так же будут продолжать тебя шантажировать. Нет, давай лучше в милицию. В милиции разберутся. Им же за это деньги платят.

Марина закатила глаза. Скорее всего, это должно было означать: "Ну и дурак! Зачем я только с ним связалась!". Но вместо этого она спокойно произнесла:

– Алеша, ты где вырос?

– Ну, как это где? Я родился Сокольниках в, а потом мы переехали на Таганку...

– Короче, в Москве? – перебила Марина.

– Ну, конечно. Сокольники – это же Москва.

– А я родилась в Гагарине. Тогда, когда его только назвали Гагариным. Он еще городом не был. Ты знаешь, что такое жить в маленьком городе?

– Ну... – неуверенно протянул Болтушко.

– Вот тебе и ну. Там все друг друга знают. Все, понимаешь? И милиция там прекрасно знает всех бандитов и хулиганов. И если бы они захотели, то давно бы уже всех посадили. Но не хотят. Объяснить тебе, почему? Неужели до тебя до сих пор не дошло, что Николая убили? Убили и все спокойно. А милиция никого искать даже и не собирается. Подумаешь, москвич разбился на машине! Мало ли их таких! А этот звонок? Неужели ты ничего не понял? – Марина говорила, постепенно повышая голос, и в конце своей речи почти перешла на крик.

Болтушко сидел, вжимая голову в плечи:

– Может быть, конечно, ты права... Действительно, все как бы похоже на то... Но все-таки... Я не понимаю, как можно было это сделать.

– Алеша, – назидательно сказала Марина, – за деньги можно все. А в Гагарине и сто долларов – уже большие деньги. Понимаешь?

Болтушко кивнул.

– Они мне назначили встречу на завтра, – продолжала Марина, – в двенадцать часов на дороге Москва – Гагарин. Там есть поворот на деревню Вороново – это примерно не доезжая до города километров пятнадцать, и сразу за поворотом дорога входит в небольшой лесочек. А прямо на опушке – стоянка для грузовиков. На стоянке – небольшая шашлычная, летнее кафе и все такое. Они сказали, что в двенадцать там будет стоять белая "копейка" – так они сказали. Что это такое – "копейка"?

– "Копейка"? – переспросил Болтушко. – "Жигули" первой модели.

– Ну вот. "Жигули" первой модели. Нужно подойти к машине и отдать деньги.

– А если там будет не одна белая "копейка" или они приедут на другой машине?

Марина укоризненно посмотрела на Болтушко:

– На какой другой? Дай Бог, чтобы эта ездил, какая там другая? Я же тебе объясняю, Гагарин – это не Москва.

– А они там со мной... ничего не сделают? Еще возьмут, не дай Бог, в заложники?

Марина поморщилась:

– Я сказала, что с деньгами не поеду, приедет один московский бандит. Так что они тебя еще бояться будут.

Болтушко на мгновение потерял дар речи:

– Как? Я – бандит? Я что, похож на бандита?

– Успокойся, – остановила его Марина, – сейчас все похоже на бандитов. Если не будешь заикаться и дрожать от страха, тоже сойдешь. Поменьше говори и делай суровое лицо. И все будет в порядке.

– Но я же приеду на "шестерке". Не на шикарном БМВ, а на старенькой, убитой "шестерке".

– Ну и что? Они-то вообще на "копейке", – резонно возразила Марина. – Так что ты круче.

Болтушко недоверчиво усмехнулся:

– Не думаю, что они мне поверят.

– Да тебе и не надо их ни в чем убеждать. Отдал деньги – и домой. Ладно? А уж я тебя, – ее голос опять стал вкрадчивым и нежным, – отблагодарю. Будешь доволен, обещаю, – последние слова она прямо-таки промурлыкала.

Алексей Борисович густо покраснел и опустил глаза.

– Ладно. Я согласен. Давай деньги.

Марина протянула руку: в целлофане была туго завернута пачка долларов. Странно, отметил про себя Болтушко, я и не успел понять, откуда она их взяла. Приготовила заранее?

– Хорошо, – буркнул Болтушко, – сделаю все так, как ты хочешь.

– Спасибо, милый, – Марина поцеловала его прямо в губы и тут же потянулась рукой к ширинке.

Болтушко дернулся, как испуганный конь, и больно ударился плечом об шкаф.

– Я тебе завтра позвоню, – быстро сказал он, закрывая за собой дверь.

"Ну, блин, попал!" – думал Алексей Борисович, прыгая сразу через две ступеньки.

* * *

РЕМИЗОВ.

Когда-то в детстве Андрей Владимирович занимался самбо. Не очень долго – год или около того, но привычка к регулярным физическим упражнениям осталась. По утрам он бегал, отжимался, подтягивался, качал мышцы брюшного пресса, и два раза в неделю обязательно ходил в бассейн. В общем, вел здоровый образ жизни.

Спиртного почти не употреблял – не находил в этом никакого удовольствия; если же и случалось ему выпивать, то только в хорошей компании и совсем немного.

Изредка он позволял себе выкурить сигаретку – как правило, с ментолом. Говорил, что это стимулирует умственную деятельность.

В редакции Ремизов общался практически со всеми, но близких отношений ни с кем не поддерживал. В первое время знакомства он казался открытым, искренним человеком, но скоро это обманчивое впечатление проходило. Собеседник чувствовал себя как гость, которого не пускают дальше прихожей: тот, настоящий Ремизов и не думал открываться.

Одевался он стильно и аккуратно: чаще в строгие костюмы темных оттенков. Был всегда выбрит и неизменно распространял в радиусе одного метра запах дорогого одеколлона.

У него была машина – неновая, но очень ухоженная и в любое время года чистая "восьмерка": в погоне за материалами приходилось накручивать много километров.

На поясе он носил пейджер, а в кармане – мобильный телефон. Пейджер был куплен на собственные деньги, а телефон оплачивала редакция.

Конечно, большую часть времени Ремизов проводил не в редакции, а "в поле": собирал богатый урожай чужих гадостей и глупостей.

* * *

Этот день начинался как обычно: Ремизов ненадолго заехал на работу, предупредил заместителя главного, что материал будет готов на следующей неделе, скорее всего, в среду и, поздоровавшись со всеми коллегами – лично с каждым, нельзя же портить отношения с сослуживцами! – спешно покинул здание редакции.

Он сел в машину, отъехал пару кварталов, остановился рядом с телефонной будкой и стал читать сообщения, пришедшие на пейджер. Просмотрел все, но того, что хотел найти, не было.

"Вот стерва!" – раздражаясь, подумал Ремизов. "Могла бы и скинуть что-нибудь. Знает ведь, как я этого жду."

Ремизов вышел из машины, нащупал в кармане жетон и направился к таксофону. Он мог бы воспользоваться своим мобильным, но не позволяли принципы: нельзя смешивать работу и личную жизнь.

Андрей Владимирович по памяти набрал номер и стал ждать ответа, поглядывая по сторонам. За последние несколько лет у него выработалась такая привычка: всегда смотреть по сторонам, стараясь заметить как можно больше. Наконец на том конце провода кто-то снял трубку:

– Телевидение! – ответил женский голос, абсолютно гнусавый и лишенный какой бы то ни было интонации.

– Добрый день! – со сладкими модуляциями пропел Ремизов. – Будьте любезны, позвоните, пожалуйста, Макарову Надежду Викторовну.

– Ее нет, она в городе, делает репортаж, – отрезала строгая бабка (может, и не бабка вовсе, а так – женщина в возрасте, но Ремизов окрестил ее бабкой, как и всех прочих женщин, которые не сразу уступали его обаянию).

– Спасибо! – бросил торопливо в пустоту Андрей Владимирович, чувствуя, что не успевает – там уже положили трубку.

Он выпятил нижнюю губу и покачал головой, словно желая сказать:

"Вот тебе и раз! Делает репортаж!", в задумчивости пересек тротуар и сел в машину.

Все-таки он очень любил Надьку, скучал по ней, и эти нечастые звонки на работу были единственной возможностью хоть как-то поговорить. Звонить домой Надя не разрешала – опасалась ревнивого мужа, ведь Алексей Борисович всегда – по мере сил – был начеку.

Ремизов завел двигатель и бесцельно поехал по городу.

* * *

Пейджер запищал, когда он ехал по Беговой. Ремизов тут же остановился и принялся читать. Это было сообщение от Ильи. С Ильей он познакомился еще в армии: армейская дружба вообще такая – спокойная, неторопливая и прочная. После армии Илья Бурлаков подался в органы внутренних дел, окончил высшую школу милиции и получил звание младшего лейтенанта. Карьера Бурлакова продвигалась быстро, и уже через несколько лет он занимал неприметную, но очень важную должность в аппарате МУРа. По роду своей деятельности он имел доступ к различной информации, и, если это было возможно, охотно делился ею

со старинным армейским другом. Он прислал Ремизову на пейджер сообщение с указанием места и времени встречи. На этот раз Илья выбрал начало Ленинградского проспекта: там между полосами проезжей части есть два длинных газона, засаженных чахлой зеленью – место открытое, вокруг все хорошо просматривается, постоянно стоит гул от проезжающих мимо машин, – словом, подходящее место.

Ремизов взглянул на часы: в запасе есть еще полчаса. Он медленно тронулся, проехал справа от въезда в тоннель и повернул на Ленинградский проспект.

Миновал арку, украшенную конными скульптурами Клодта, точными копиями двух из тех четырех, что стоят на Аничковом мосту в Петербурге, затем дом, который называют "ажурным" за его резные каменные панели или "антисоветским" – за то, что стоит напротив бывшей гостиницы "Советская", миновал фабрику "Большевик" – в открытое окно ворвался запах свежей сдобы – и въехал во двор дома № 1 – большого желтого здания напротив Белорусского вокзала. Здесь он запер машину, осмотрелся и вернулся на проспект.

Он купил в киоске мороженое и перешел на другую сторону улицы, к часовому заводу "Слава". Пятнадцать минут быстрого шага – и он оказался около театра "Ромэн"; спустился в подземный переход и, пройдя по нему, вышел не на противоположной стороне, а поднялся чуть раньше – и оказался на том самом газоне, который имел в виду Илья.

Ремизов посмотрел на часы: еще десять минут. Он не торопясь, так же внимательно оглядывая все вокруг себя, пошел обратно, по направлению к центру.

Едва ли в его действиях был какой-то смысл; просто ему очень нравились эти шпионские игры – тем более, что пока он неизменно выходил победителем.

* * *

Илья опоздал на двенадцать минут. Его машина двигалась по Тверской со стороны центра, перевалила через мост и сразу же нырнула под него. Развернувшись под мостом, Илья припарковался прямо к газончику, вылез из машины и, нарушая правила, быстро перебежал проезжую часть.

– Здорово! – издали крикнул он Ремизову.

Тот огляделся – нет ли рядом подозрительных личностей – и молча протянул Илье руку.

– Давно ждешь? – поинтересовался Илья.

– Я приехал вовремя, – последовал лаконичный ответ.

– Извини, очередь была в столовой. Не мог же я говорить с тобой на голодный желудок?

Ремизов, укоризненно сощурился, покачал головой:

– Эх ты! Живот для тебя важнее, чем... Чем... – он и сам не знал, чем что.

Но Илья не стал вдаваться в подробности:

– Конечно! Ведь он – мой. Собственный. О чем же мне еще заботиться в первую очередь?

Друзья рассмеялись.

– Ну ладно, – махнул рукой Ремизов. – Ты мне нашел то, что я просил?

Илья пожал плечами:

– Нет. Представляешь, у нас на нее ничего нет.

– Совсем ничего? – с подозрением спросил Ремизов.

– Ну, может, что-то и есть, – согласился Бурлаков. – Но если есть, то вне пределов моей досягаемости. Пойми, старик, я же не могу тащить тебе все, что вижу. У нас существует служба собственной безопасности, которая следит за всеми сотрудниками. Если имеется длительная утечка информации, обязательно проверяют, через чьи руки эта информация проходила, кто имел к ней доступ – и так, методом сравнения, потихоньку находят "крота". Понимаешь? Так что – уволь. Я не Штирлиц, и ради твоей газеты в сейф к Мюллеру не полезу. Опасно это, пойми.

– Да? – Ремизов помрачнел; для Ильи это не осталось незамеченным.

– Слушай, Андрюха, ну чего ты на нее взелся, на эту свою Гюльчатай? На фиг она тебе сдалась?

– Да понимаешь, – начал раздосадованный Ремизов, – газетный бизнес – штука тонкая. Борьба за читателя, за подписчика, за рекламу...

– Ну и что? А причем здесь Гюльчатай? – не понял Бурлаков.

– У нас главный конкурент в Москве – это еженедельник "Факты и комментарии". Неделю назад они опубликовали большую статью о российских женщинах-бизнесменах. То есть о бизнесвуменах. Ну и расписали там: мол, ах, Плотникова, ах, какая умница эта Гюльд-жан Ивановна! Кстати, Плотникова она по последнему мужу. Все остальные фамилии, включая девичью – не очень приличные. Во всяком случае, запомнить их, а тем более выговорить – просто невозможно. Но дело не в этом. Понимаешь, они поют дифирамбы, мол, Гюльджан Ивановна всего добилась своим умом, а я поднял архив – оказывается, у нее всего десять классов, а потом работала инструктором ЦК ВЛКСМ. Завела нужные связи, ну и пошло-поехало. Короче, делишки там наверняка нечистые. А если бы удалось чего-нибудь накопать... Это же нам плюс, а "Факты и комментарии" пусть утрусся. Слушай, ну неужели ничего нет? Даже какой-нибудь оперативной разработки не ведется?

– Еще чего?! – фыркнул Илья. – Во-первых, даже если бы велась, я бы тебе не сказал. А во-вторых, зачем ты рискуешь? Зачем тебе печатать непроверенную информацию – данные оперативной разработки? Иск предъявят – до конца жизни не рассчитаешься.

– Ничего, – усмехнулся Ремизов, – профсоюз поможет.

– Профсоюз, – презрительно процедил Илья. – Нет, Андрюха, пока ничего нет на твою Гюльчатай. Пусть эта добрая женщина живет в мире.

– Понятно, – Ремизов был явно разочарован. – А зачем же ты меня тогда позвал?

– А-а-а! – Илья погрозил ему пальцем, – с тебя причитается. Бутылку хорошего-хорошего коньяка. Или даже две бутылки.

– Договорились. Выкладывай.

– Нет, Андрюха. Ты не сердись – я тебе ничего не скажу. Я сам слышал эти разговоры на дне рождения у одного высокого начальника из ФСБ. У кого – не скажу! – протестующе замахал руками Илья, увидев в глазах у Болтушко немой вопрос. – Меня и так позвали туда в нарушение всяческой субординации: чтобы я потом шефа до дома довез на его же машине – он, видишь ли, общественным транспортом не может, на служебной – не хочет, а на такси – его жаба давит. Ну, а у меня – права. Так я вот о чем. Если хочешь найти "бомбу", поезжай во вторую инфекционную больницу и попробуй разговорить начальника тамошней микробиологической лаборатории – Феоктистова Евгения Алексеевича. Он – бывший военный, человек строгий. Умница – каких мало! Ну так вот. Аккуратненько расспроси его про СПИД и про задание, которое им поручило МВД.

– Какое задание? – спросил Ремизов.

– Андрюха, ну это несерьезно. Я же тебе сказал – его расспрашивай, а не меня. Я и так уже наболтал на три строгих выговора и два понижения в должности. Давай не будем, ладно? Я же тебя знаю – проскользнет где-нибудь в твоём репортаже пара моих словечек... Нет! Ты лучше к нему. И с диктофоном – мол, поведай миру, дорогой Евгений Алексеевич. Это – бомба! Просто бомба! Ты таких еще не видел. Поднимешься моментально! У тебя еще все западные агентства интервью брать будут, попомни мое слово!

– Да ну тебя, – обиделся Ремизов. – Плетешь тут черт знает что, а в чем дело – не говоришь. Я буду окучивать этого микробиолога, потрачу кучу времени, а потом окажется, что твоя бомба яйца выеденного не стоит.

Бурлаков, до того момента хихикавший, стал вдруг серьезным:

– Стоит, Андрюха. Очень дорого стоит. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Честное слово!

– Ладно, – согласился Ремизов. – Вот когда выясню, в чем дело, тогда и коньяк получишь.

– Да хрен с ним, с коньяком. Ты главное – напиши. Подними волну.

– Надоел ты мне, – окончательно рассердился Ремизов. – Говоришь загадками, играешь со мной, как с дурачком, "втемную". Все! Хватит! Есть еще чего сказать?

– Конечно, – опять заулыбался Бурлаков. – В воскресенье пивка попьем?

– Ну а почему ж нет? Конечно, попьем. Звони.

– Нет, ты лучше сам звони. У тебя же есть мой телефон.

– Да я могу тебе и на пейджер скинуть, – на поясе у Ильи висел точно такой же пейджер, как и у Ремизова.

– Нет, – твердо сказал Илья. – Не надо. Это пейджер для начальства. Только для начальства, чтобы они могли меня разыскать, если вдруг срочно потребуется.

– Хочешь показать, что готов служить Родине круглые сутки? – подколот его Ремизов. – Карьерист!

– Дело не в этом. Просто я иногда бываю нужен, а как еще со мной связаться?

– По телефону, – ответ напрашивался сам собой.

– Нет, – отрезал Бурлаков. – На работе никто мой домашний телефон не знает. И вообще я снимаю квартиры. И часто их меняю.

– Так ты что, не доверяешь никому? Даже начальству? – удивился Ремизов.

Илья посмотрел на него исподлобья:

– На прошлой неделе у одного следователя пропало дело. Понимаешь? Уголовное дело! Из сейфа! И все знают, кто взял. Но молчат. Потому что боятся.

Ремизов не нашел, что сказать. Он тоже молчал.

Илья цокнул языком:

– Вот так вот! А ты говоришь – номер телефона!

– Но мне-то дал! – довольно произнес Ремизов.

– Конечно, – снисходительно усмехнулся Илья. – Ты ведь кто? Журналиюга! Человек без чести, без совести, но для жизни не опасный. Громко кричишь, но не кусаешь.

– Ага! – подхватил Ремизов. – Вроде клопа – не трогаешь его, он и не пахнет.

Приятель засмеялся и ударил по рукам.

– Ну все, пока! Мне пора! Обеденный перерыв заканчивается, – сказал Бурлаков, развернулся и быстро пошел к машине. Он опять перебежал дорогу, открыл дверцу и сразу резко тронулся с места.

Ремизов вернулся чуть назад, до ближайшего пешеходного перехода, в глубокой задумчивости пересек Ленинградский проспект и вошел во двор, где стояла его машина. Он уже мысленно прикидывал, как можно подобраться к этому микробиологу. Но сначала нужно было заехать в редакцию.

* * *

В редакции Ремизова заслуженно уважали: он действительно был асом журналистских расследований. Номер, в котором выходила его статья, раскупался гораздо быстрее – поэтому руководство газеты закрывало глаза на некоторые его... как бы это помягче выразиться – проделки. Одно было несомненно: что бы Ремизов ни принес – все пользовалось успехом у публики, все вызывало огромный интерес, как, впрочем, и любое разоблачение – достаточно вспомнить классику.

В последнее время работать стало немного полегче – помогала сложившаяся репутация "скандального" журналиста, и если раньше Ремизов гонялся за информаторами, то теперь они сами бегали за ним.

Не все из них были добросовестными: кое-кто пытался использовать прессу в личных целях – скомпрометировать конкурентов или наоборот, выставить себя в выгодном свете.

Поэтому Ремизов всегда тщательно проверял документы, которые попадали к нему – он прекрасно понимал, насколько велика может быть цена ошибки.

Обычная уголовщина его, как правило, не интересовала – изданий, специализирующихся на таких вещах, более чем достаточно. Нет, он любил глобальные разоблачения – чтобы поднятые им волны захлестывали самые "верхи".

Ремизов старался опубликовать добытые сведения как можно быстрее – так безопаснее; кто же будет убивать журналиста, если он уже все написал? Это равносильно открытому признанию своей вины.

Подлинники документов Ремизов хранил в надежном месте, а многочисленные компьютерные копии, записанные на дискеты, всегда были готовы разлететься – в случае необходимости – по агентствам, издательствам и телевизионным каналам.

Ремизов обладал мертвой хваткой и не поддавался ни на уговоры, ни на угрозы, хотя и тех и других в его адрес раздавалось немало.

* * *

Он шел по зданию редакции и опять здоровался с каждым встречным, даже если уже видел этого человека утром. Когда-то он специально целый месяц ходил к психиатру, наблюдал, как врач ведет прием, строит беседу с больными. Это помогло овладеть навыками правильного общения с людьми. Андрей Владимирович оказался талантливым учеником, и теперь мог за считанные минуты, перекинувшись всего парой фраз, найти общий язык с любым собеседником – очень ценное для журналиста умение.

Дойдя до кабинета заместителя главного редактора, Ремизов вежливо постучался. Вообще-то, они были на "ты", называли друг друга "Андрей" и "Виталик", но когда Виталий Вениаминович Спрогис "пошел на повышение", вопрос о соблюдении субординации возник сам собой. Поэтому в присутствии сотрудников редакции Ремизов обращался к Спрогису только как "Виталий Вениаминович", не дожидаясь, пока тот сам попросит его об этом. Сказывалась характерная черта Ремизова – он не терпел никакого давления, даже в самой мягкой форме.

– Да! – послышался из-за двери голос Спрогиса.

Ремизов вошел. Виталий был один в кабинете. Он увидел Ремизова, улыбнулся и поднялся ему навстречу.

– Акробату пера! Как дела? – воскликнул он – видимо, у Спрогиса было хорошее настроение.

– Шакалу ротационных машин! Мое почтение! – в тон ему отозвался Ремизов.

Приятели рассмеялись и пожали руки.

– Ну что? Как статья? – спросил Виталий, знаком приглашая Ремизова сесть напротив. – В среду напечатаем?

– Нет, – Ремизов решительно мотнул головой. – Не получится.

– Почему? – насторожился Спрогис. – У меня твоя статья уже в плане стоит. Ты же мне утром обещал, что к среде будешь готов.

– Понимаешь, – Ремизов не знал, что сказать – такие проколы случались с ним нечасто. – Понимаешь, не смог я накопать чего-нибудь такого... Нет подходящего материала.

– То есть? – не понял Спрогис. – Вообще нет?

Ремизов пожал плечами в ответ.

– Ты хочешь сказать, что статьи не будет ни в среду, ни в четверг, ни в пятницу? Так? – уточнил Спрогис.

Ремизов утвердительно кивнул.

– Ладно, – Спрогис развел руками – что ему еще оставалось делать? – Ну дай хоть что-нибудь. Ты же знаешь, у нас договор с рекламодателями. Два частных сыскных агентства и одно охранный хотят видеть свою рекламу только в тех номерах, где выходят твои статьи. Они за это деньги платят, а ты уже неделю не давал никакого материала. А сейчас заявляешь, что еще неделю ничего не дашь? Андрюха! Ну ведь без ножа режешь! Давай что есть!

Ремизов задумался:

– Виталь, нет ничего. Если б было что законченное – дал бы. А так – ничего нет. Может, скоро удастся нарыть что-нибудь интересное. Прошла кое-какая информация, но ее еще нужно проверить.

– И долго ты ее будешь проверять?

– Не знаю.

Спрогис покачал головой – он был сильно расстроен:

– Да, Андрей. Подставил ты меня. Как теперь выкручиваться? Придется в качестве неустойки в следующий раз им цену снижать. Процентом на двадцать. Клиенты солидные. К тому же постоянные. Имеют полное право быть недовольными. Ах, Андрей! Хоть бы предупредил заранее.

– Так вот – предупреждаю. Да ладно, ты не переживай раньше времени – может, к следующей неделе у меня что-нибудь появится. Кто знает? – утешал Ремизов шефа.

Спрогис с надеждой взглянул на него:

– Андрюха, правда! Ты уж постарайся! Ты...

В этот момент постучали.

– Да! – крикнул Спрогис. – Войдите!

Дверь бесшумно отворилась, и в кабинет аккуратно проник молодой журналист, пишущий на политические темы. Он пришел в "Столичный комсомолец" совсем недавно, из какой-то второразрядной газетки, и был принят в штат с испытательным сроком.

– Извините, Виталий Вениаминович! – тихо сказал он. – Вы заняты?

Журналиста звали Борис Туманов. Был он худенький, белобрысый и некрасивый. Но в этой пустяковой – иначе и не скажешь – внешности имелось нечто особенное. Какой-то азартный блеск в глазах. Туманов принадлежал к великому племени охотников, но только опытный взгляд таких матерых волков, как Спрогис или Ремизов, мог это заметить.

Подрастающий хищник прикрыл узкой ладошкой рот и, сгибаясь в позвоночнике, прошелестел:

– Я могу зайти позже.

– Нет, нет. Проходите. Мы, в общем-то, уже закончили, – пригласил его Спрогис. И, обращаясь к Ремизову, – Андрей Владимирович, я вас прошу. Уж постарайтесь! Ладно?

Ремизов встал, машинально огладил пиджак, пальцами проверил пуговицы (нижняя всегда должна быть расстегнута – иначе примут за швейцара и начнут кидать рубли в руку), сдержанно ответил:

– Конечно, Виталий Вениаминович. Я сделаю все возможное.

– Спасибо, – Спрогис остался сидеть. – До свидания, – он не стал протягивать Ремизову руку.

– До свидания, – Ремизов учтиво кивнул и вышел.

* * *

КОЛЬЦОВ.

Дела у фонда "Милосердие и справедливость" сразу пошли в гору. Поначалу вспыхнула была война: некоторые авторитеты не захотели терять контроль над российским рынком наркотиков. Однако серьезной угрозы для объединившихся чеченцев, азербайджанцев и таджиков они не представляли: скорее всего потому, что в этом виде преступного бизнеса "славян" почти не было.

Но те немногие, которые попробовали возмутиться, немедленно поплатились за это: чеченцы действовали предельно жестко и агрессивно, вели себя нарочито вызывающе, грубо попирая все "законы" и "понятия". Случалось так, что, договорившись с конкурентом о "мирной" встрече, чеченцы приезжали на "стрелку" с оружием и безжалостно истребляли противников.

В конце концов с ними просто решили не связываться, и они стали монополистами. Помимо мощной чеченской группировки как таковой, спешно создавались бригады бойцов, которые вливались в состав азербайджанских и таджикских группировок – они охраняли сеть сбыта и следили за порядком. Проблем с "молодыми кадрами" не возникало: на родине было полно парней, не имевших ни работы, ни денег, зато обладавших реальным опытом боевых операций. Этот опыт, помноженный на природную воинственность, подкрепленный культом физической силы и примененный в условиях Москвы, приносил ощутимые результаты: заняв однажды какие-либо позиции, чеченцы никому их уже не уступали, а, напротив, только стремились усилить и постепенно расширить сферу своего влияния.

Противостоять им было очень тяжело.

* * *

Кольцов был лицом фонда, даже давал интервью, в то время как всю черновую работу выполняли чеченцы. Мотивировалось это очень убедительно: кто, как не уроженцы этих мест, лучше знает обстановку в республике?

Схема работала просто, изящно и эффективно. Примерно раз в неделю с подмосковного военного аэродрома "Чкаловский" взлетал грузовой самолет и брал курс на Чечню. На его борту находились несколько членов чеченской группировки, обосновавшейся в Москве. Все они числились работниками благотворительного фонда "Милосердие и справедливость". Старшим был некто Зиявди Макаев. В больших бронированных чемоданах они везли деньги.

В аэропорту Грозного их уже ждали боевики, извещенные о прилете заранее. Поэтому практически сразу после приземления самолет начинали грузить. Несли деревянные ящики и брезентовые мешки с человеческими останками, иногда приводили двух-трех несчастных, забитых и трясущихся от страха солдатиков, за которых некому было уплатить выкуп. Отчаявшись получить хоть что-нибудь, бандиты отдавали пленников за бесценок, к тому же Макаев всегда отчаянно торговался.

Однажды это привело к трагедии: бандит, который привел "на продажу" двух пареньков, требовал сорок тысяч долларов за обоих, но Макаев не соглашался и больше тридцати не давал. Препирательства продолжались долго – никто не хотел уступать. В конце концов работороговец, маленький гнилозубый человечек с кривыми ногами и желтым лицом, выхватил пистолет и застрелил одного из пленников.

Бородатые боевики с автоматами наперевес, плотным кольцом окружавшие место торга, радостно засмеялись, словно увидели что-то веселое. Макаев досадливо поморщился, зацокал языком, махнул рукой и сказал на своем наречии: "А-а-а, это твое дело. Хочешь – можешь

застрелить и второго, все равно больше десяти тысяч я за него не дам." Доблестный воин, подогревавший свой деланный гнев страшными проклятиями и грязными ругательствами, вмиг притих и, обежав кругом отвернувшегося Макаева, заглянул ему в глаза: "Слушай, почему десять? Ты за двоих давал тридцать, значит, один стоит пятнадцать, да, слушай?"

"Тот мне нравился больше", – лениво сказал Макаев: "а за этого и десять много". "А-а-а, слушай, давай десять. Мне он тоже не нужен", – согласился наконец гнилозубый и они ударили по рукам.

Затем приезжали поставщики: им предназначалась основная часть денег. Молодые бородачи, все, как на подбор, в новеньком камуфляже, с новым оружием, забирались в объемистое брюхо самолета и сосредоточенно пересчитывали зеленые пачки долларов. Бронированные чемоданы пустели. Их наполняли пакетами с "порошком" и снова закрывали на кодовые замки. Чемоданы складывали где-нибудь в углу, накрывали брезентом, и сверху на них ставили ящики с изуродованными солдатскими телами.

Эти, с позволения сказать, операции отличались невиданным размахом. Общий вес контрабандного героина часто превышал триста килограммов. Без мощного прикрытия это было невозможно – кто стал бы рисковать такими деньгами? Поддержку обеспечивали люди из команды майора Прокопенко: все – действующие офицеры ФСБ, они встречали самолет, прилетавший обратно в "Чкаловский". Таможенники самолет не досматривали – хоть номинально, но Чечня все же считается частью России, а если бы и возникли какие-то вопросы, то люди Прокопенко объяснили бы, что показания пленных могут представлять оперативный интерес, и что этот самолет и груз внутри него находятся под опекой компетентных органов. Однако одного их присутствия хватало для того, чтобы никаких вопросов не возникало. И все-таки – береженого Бог бережет, поэтому в течение всего обратного полета Макаев сидел рядом с кабиной пилотов, чтобы не пропустить, если вдруг случится, экстренного предупреждения с земли.

В "Чкаловском" неопознанные тела и бывших пленных грузили в одну машину, а чемоданы – в другую. Под присмотром офицеров и Макаева зелье доставляли на секретный склад, где Кольцов лично проверял чистоту наркотика и подсчитывал его количество. Уже после того, как учет был закончен, партию дробили на множество мелких и "азербайджанцы" с "таджиками" принимались за реализацию.

* * *

Зиявди Макаев получил блестящее образование, и сейчас имел прекрасную возможность применить свои знания на практике. Благодаря его четкой аналитической работе, умелой организации и недюжинной изобретательности община только укрепляла свои позиции в Москве – и это несмотря на войну и общее, в целом негативное отношение к чеченцам!

Начинал он как консультант группировки по юридическим вопросам – за плечами был юрфак МГУ. Его советы всегда были очень дельными, потому что Макаев учитывал всевозможные нюансы и различные варианты развития ситуации. Постепенно он стал пользоваться неограниченным доверием самых крупных чеченских авторитетов, несколько раз помогал закрывать уголовные дела, хотя работал всего лишь скромным следователем прокуратуры.

Что самое ценное в наше время? Информация. А что может быть ценнее информации? Умение правильно ею распорядиться. Макаев очень хорошо это умел. Он досконально изучил законы, структуру правоохранительных органов, узнал все ходы и выходы, приобрел нужные связи и знакомства, – словом, был человеком незаменимым. Он легко находил общий язык со всеми – сказывались безукоризненные манеры и хорошее знание человеческой натуры.

И вот однажды (после долгого и жаркого обсуждения, ибо кто захочет добровольно поделиться властью?) лидеры чеченской группировки решили, что гораздо полезнее (и для группи-

ровки, и для общины в целом) будет, если Макаев станет принимать более деятельное участие в вопросах стратегического руководства.

Результаты не заставили себя долго ждать: за каких-нибудь два-три года чеченцы подчинили себе автомобильный бизнес в Южном порту, а затем – львиную долю всего московского автобизнеса, через азербайджанцев контролировали овощные и цветочные рынки, и вот теперь – рынок наркотиков. Это была глобальная идея, и ее правильность Макаев хотел проверить сначала в Москве, а потом уже начать постепенную экспансию и за пределы столицы.

До сих пор пути поступления оптовых партий героина в Москву были разрозненны. То здесь, то там в средствах массовой информации всплывали сообщения о перехваченных партиях зелья: но самой крупной на его памяти была партия в шестьдесят килограммов, крупнее не было. Почему? Макаев видел очень простое объяснение: если переправляется по-настоящему большая партия, то хозяин денег не жалеет, покупает всех и вся, кто только имеет даже малейшую возможность помешать.

А почему бы не попробовать централизовать это до предела? То есть создать супернадежный канал, делиться с кем надо, но зато не терять на перевозке ничего? Это же – прямая дорога к монополии, к вытеснению всех конкурентов, а значит – большие деньги. Очень большие деньги. А они только так и делаются – если поделишься с кем надо.

Макаев поставил на Борзовского – и не прогадал: у Аркадия Львовича репутация была, мягко говоря, не самая безупречная. Никто из зарубежных партнеров не хотел иметь с ним дело, справедливо полагая, что состояние его приобретено еще менее законным путем, чем все прочие, сделанные в России за последние несколько лет. Строго говоря, Борзовский был человеком не брезгливым. Когда Иосебашвили рассказал ему о возможности сотрудничества с чеченцами, Борзовский думал прежде всего о том, как его могут обмануть, и где его могут подставить, потому что эти вопросы – самые главные, а все остальное – лирика.

В то время Борзовский находился на пике своего могущества: с одной стороны, это хорошо, но с другой, пик – состояние нестабильное, за ним неизбежно следует спад, и Макаев это предчувствовал, поэтому рассматривал Борзовского как временного партнера, который поможет создать работоспособную систему, а уж дальше система будет крутиться сама, без постороннего вмешательства, останется только контролировать ее работу.

Обе стороны хотели использовать друг друга в своих целях и затем "кинуть" в подходящий момент.

Для достижения этих самых целей Борзовский собирался использовать Кольцова, как пешку, но Макаев имел на него другие виды.

А пока они напряженно делали деньги, в любую минуту ожидая подвоха от "делового партнера".

* * *

Макаев великолепно играл в шахматы. В умении комбинировать ему не было равных – по крайней мере, среди тех людей, которые являлись его постоянными партнерами. Когда-то, еще в студенческие годы, ему довелось играть против самого Карпова – чемпион мира давал в университете сеанс одновременной игры. К чести молодого самоучки Зиявди, его именованному противнику с трудом удалось свести к ничьей. Макаев помнил наизусть все турнирные партии Алехина и комментарии к ним, сделанные самим великим маэстро, очень уважал Фишера и буквально боготворил Каспарова.

Он никогда не ходил в шахматный клуб, хотя его туда неоднократно приглашали, не принимал участия в состязаниях между факультетами и институтами – ему это было неинтересно. Зато он мог часами просиживать за столом, анализируя ту или иную партию. Очень скоро он

понял, что доска ему не нужна, что он может чувствовать и, главное, понимать позицию вслепую, не расставляя фигуры.

В дальнейшем, когда его занятия приобрели менее невинный характер: будь то аферы с фальшивыми авизо, или разработка планов похищения людей, – он по привычке называл их не махинациями и не операциями, а комбинациями.

Любая комбинация задумывается для решения конкретной стратегической задачи. Решить такую задачу путем осуществления той или иной комбинации – это как подняться по лестнице этажом выше. Но любой лестничный пролет состоит из нескольких ступенек, каждую из которых тоже нужно преодолеть. Шаг на одну ступеньку выше – это задача тактическая. Успешное решение совокупности тактических задач приводит к решению задачи стратегической, а это, в свою очередь – к победе.

Вывод: хочешь победить – планируй свою победу. Хочешь победить наверняка – спланируй свою победу так, чтобы учесть все возможные варианты ответов противника. Победа приходит к тому, кто готов к ее приходу.

* * *

В настоящее время перед Макаевым стояла сложная задача. Близились выборы депутатов городской думы в Питере.

Питер – второй по значению город страны, крупный порт и "окно в Европу" – неудивительно, что борьба намечалась нешуточная.

Каждый вложенный в предвыборную кампанию рубль сулил – в случае удачи – принести тысячу рублей прибыли.

Власть – самое выгодное вложение денег, поскольку позволяет поддерживать их постоянное воспроизводство и, кроме того, обеспечивает личную неприкосновенность – до известной степени, конечно.

Макаеву нужны были свои люди во власти. По его распоряжению община финансировала четырех кандидатов в различных округах. Естественно, это делалось через подставные фирмы, организации и фонды: поддержка со стороны чеченской группировки – не самая лучшая реклама.

Были выбраны четыре человека из народа: можно сказать – от сохи, точнее, от станка; с простыми широкими лицами, крепкими руками и ясными глазами. Дураки, но довольно амбициозные, считавшие, что жизнь много им чего еще должна. Таким было все равно, от кого получать деньги. К тому же Макаев всегда производил неотразимое впечатление – высокий плечистый брюнет с аккуратным пробором, в безукоризненном дорогом костюме, на руках – никакого золота, зато – тщательный маникюр и отполированные ногти, покрытые бесцветным лаком. Чистый выговор, безо всякого акцента. (А ведь он, помимо родного и русского языков, знал еще несколько кавказских наречий и английский).

Он никогда не угрожал, не пугал, не давил на людей – в подчинении Макаева было полно бойцов, прекрасно знающих свое дело, но Зиявди умел главное – он умел нравиться.

Он неизменно вызывал симпатию и внушал доверие. Даже самые недоверчивые партнеры "по бизнесу" успокаивались и начинали думать, что слухи о чеченском коварстве все-таки сильно преувеличены. Макаев всегда стремился выглядеть открытым и доступным, но никто – даже люди из его ближайшего окружения – не знал, что он думает на самом деле.

Да, в общем-то, это было не нужно: вряд ли кто-нибудь, узнав о его планах, (точнее, "комбинациях"), смог бы поверить в реальность их осуществления. И, тем не менее, все, что придумывал этот изошренный мозг, становилось действительностью. Рано или поздно.

На сегодняшний день главная задача была одна – прорваться во власть: везде, где только можно, чтобы усилить свое влияние. Борзовский начинал слабеть. У него не было будущего. У

него не было преемников – тех, кто взял бы дело в свои руки и защитил дряхлеющего льва от нападков осмелевших шакалов. У него были только деньги и умная голова на плечах: но этого мало, чтобы быть уверенным в спокойной старости. Для уверенности нужна семья, наследники, преданные друзья, а не обманутые партнеры и вкладчики.

"Хождение во власть" – дело дорогостоящее, и не всякому по карману. Но, даже собрав необходимые деньги, все равно оказываешься не один – приходится соперничать с другими состоятельными людьми.

Макаев несколько раз заказывал социологические исследования, чтобы реально оценить шансы своих кандидатов. В двух округах результаты были обнадеживающие. Но в двух других явного перевеса голосов не было. Его кандидатам буквально наступали на пятки и дышали в спину протеже Берзона, решившего тоже помаленьку начать укрепляться в северной столице. О том, чтобы договориться между собой, не могло быть и речи. Их сферы влияния в Москве никак не пересекались, потому и контакты были сведены к минимуму. Они просто знали о существовании друг друга, и все. Но столкновение интересов неизбежно должно было вызвать более или менее открытое противостояние. Это не вызывало сомнений ни у кого, как не вызывало сомнений тот факт, что любая попытка предложить мирные переговоры могла быть расценена как проявление слабости и неуверенности в своих силах. Макаев внимательно следил за Берзоном. Он не мог себе позволить действовать наудачу: Макаев не любил рулетку. Его игрой были шахматы. А комбинация намечалась интересная. Он собирался задействовать все имевшиеся в его распоряжении фигуры. И Кольцов должен был сыграть в этой комбинации ключевую роль.

* * *

ЕФИМОВ. НАПИСАНО КАРАНДАШОМ НА ОБОРОТЕ МАШИНОПИСНЫХ ЧЕРНОВИКОВ.

Я всегда завидовал своей жене. Обычно я говорил ей так: "До чего же бестолково устроен этот мир! Сколько в нем несправедливости и несовершенства! К чему далеко ходить за примером – взгляни хоть на меня! Как бы я хотел вращаться среди людей пишущих! Я бы загадочно улыбался, поднимая брови. Или задумчиво молчал, поглаживая лоб кончиками пальцев. Или смотрел бы отрешенно в пустоту, прозревая там нечто, видимое только мне. Время от времени я бы тихонько вскрикивал, словно застигнутый врасплох внезапным вдохновением. Уж я бы хвалил всех без разбору – и менее талантливых, и более бездарных – всех! Хвалил бы на чем свет стоит – в надежде на ответную любезность. И все-таки у меня нет ни одного знакомого писателя. А ты? Мало того, что у тебя такой писатель есть, так ты еще и замужем за ним. Почему? За что тебе эта честь?"

Зато лет этак через тридцать, когда обрюзгшие современники, поджав сиреневые губы и покручивая большими пальцами сцепленных на животе рук, будут мычать нечто вроде: "Незаярядность и даже, можно сказать, некоторая масштабность его личности бросались в глаза тотчас же...", ты, приглушенно сверкая фарфоровыми зубами, томно прогудишь: "В быту это был очень сложный, если не сказать откровенно – тяжелый человек..." Увы! Таков удел российского писателя! Мне, чтобы кануть в Лету с большими пузырями и громким плеском, придется всю жизнь работать, а тебе – достаточно один раз удачно выйти замуж. Так кто же из нас счастливчик и баловень судьбы?" – обычно говорил я жене еще до того, как... Но все по порядку. Так я говорил своей жене, и она, кстати, в долгу не оставалась, отвечала что-то этакое – она у меня вообще редко молчит, даже во сне иногда разговаривает.

Ну да речь сейчас не об этом. А о том, что у меня, в отличие от жены, не было ни одного знакомого писателя.

С одной стороны, это довольно скверно – для молодого автора желательно с самого начала точно знать отведенное ему в литературе место. Но с другой... Отсутствие достоверных ориентиров позволяет допускать некие вольности в оценке собственного таланта – естественно, в сторону его увеличения (и даже преувеличения). Словом, писателю все на пользу – он все сумеет обратить к своей выгоде: скорми ему любую гадость, и он будет какать красивыми моральями и пукать сладким фимиамом.

Так может, оно и к лучшему, что у меня не было ни одного знакомого писателя.

А потом и жены не стало...

* * *

Хорошо писать простым карандашиком на дешевой до прозрачности бумаге: мириады незримых атомов, из которых соткутся выдуманнные тобой миры, срываются с кончика копеечного грифеля; в этом есть какой-то символ – ведь и Господь создал нас из того, что валялось под ногами – праха и пыли. То есть фактическая себестоимость человека и литературы на самом деле не очень велика.

Хорошо перечитывать: стирать ненастоящее и писать заново, и потом опять перечитывать: оставлять живое и безжалостно распылять мертворожденное в катышах и крошках китайского ластика...

Хорошо вострить карандашик до состояния колючей иголки и царапать им бумагу: текст не должен быть гладким.

Хорошо негромкими словами раскатать читателя в тонкий блин, заставить его переживать, может быть, даже плакать, и, усмехнувшись, сказать на прощанье: "Это – карандаш, бумага, ластик и точилка – стоило мне десять рублей. И всей жизни – вместе с написанным..."

Хорошо написать такую книгу – как колоду игральных карт: ни брошюровать, ни переплетать, – напечатать на больших пластиковых листах и тасовать их, как угодно. И на каждом листе – маленький рассказ, или стихотворение, всего – примерно триста. И пусть всякий раскладывает свой пасьянс – как хочет, и находит в этом порядке единственный смысл – какой сможет.

* * *

Или вот еще идея: как составить композицию детективного романа. Надо придумать историю, и разбить ее на пятьдесят четыре приблизительно равных эпизода. Затем купить колоду игральных карт и написать названия эпизодов на лицевой стороне. Тщательно перетасовать колоду и разложить карты в новом порядке. И все – можно писать. Такое случайное смещение во времени будет интересным даже при заведомо слабом сюжете. Надо как-нибудь попробовать... Может, что и получится из этой затеи.

* * *

Что угодно! Придумывай что угодно, но ты обязан написать этот роман! Который подведет итог всей детективной прозе нашего столетия! Он должен быть лучшим, он будет иметь грандиозный успех! Этот роман станет точкой отсчета для писателей двадцать первого века. Так будет. А главное – она вернется.

Иногда я думаю, что написать хорошую книгу – очень легко. Надо просто понять, что ты – гений. И писать с твердой убежденностью в том, что ты – гений. Тогда легче расставаться с уже написанным. Допустим, не нравится тебе какая-то фраза, и тогда ты говоришь себе: "Нет,

брат! Так может написать Н. или П., им это позволительно. Ведь они – обычные люди. Но ты-то – гений! Тебе так писать нельзя!", и вычеркиваешь эту фразу, и стараешься придумать другую. И писать становится легко.

Но иногда я себя ненавижу. Сажу часами и не решаюсь прикоснуться к бумаге. Мне становится противно писать: потому что текст, который сидит в голове – он прекрасен. Великолепен! Предложения – гибкие, скользкие и блестящие, переливаются, как форель в горном ручье. Музыка речи, чередование ударных и безударных слогов, темп – то ускоряющийся, то замедляющийся – все это рождает ощущение движения. Текст движется внутри тебя, он просится наружу, хочет излиться на бумагу. Но черт возьми! С каждой страницей, с каждой фразой, с каждой репликой, с каждым словом, с каждой буквой, с каждым ударом машинки, с каждым скрипом карандаша по бумаге уменьшается вероятность написать великое произведение!!! Гениальность – та, которая сидит в голове – утекает сквозь мои неловкие пальцы, как шершавый песок. Я это чувствую физически. И тогда я себя ненавижу, и злюсь, и ругаюсь: почему я не могу быть великим? Почему мне не хватает сил?

Ведь все это – ради тебя. Когда-нибудь ты увидишь, что я был во всем прав. Когда-нибудь ты поймешь, что всю жизнь любила только меня. Я дождусь этого момента – вот в чем смысл моего ожидания. Даже если оно будет длиться всю жизнь.

Люди сильно страдают от того, что не могут нормально поговорить друг с другом. Они предпочитают молчать. Чаще всего эту ошибку совершают влюбленные. Они думают: "Ну, если ты меня действительно любишь, тогда должен понимать, что означает мое молчание. Ты обязательно поймешь, что я хочу этим сказать." А что можно сказать молчанием? Словами-то не всегда получается выразить то, что хочешь. Так, чтобы тебя поняли. Ведь одинаковые слова воспринимаются различными людьми неодинаково, с абсолютно разными смысловыми акцентами. Тогда как искаженно может быть истолковано молчание? Страшно даже подумать.

Людам надо больше говорить друг с другом.

Поэтому я никогда не устану повторять: "Я люблю тебя." Я буду повторять это на все лады, повторять, не повторяясь: "Я люблю тебя", "я ЛЮБЛЮ тебя", "я люблю ТЕБЯ", "я люблю тебя", "ялю блюте бя", "я тебя люблю", "тебя люблю я", и так далее. Эти слова ты прочтешь в каждом моем взгляде, вздохе и повороте головы. Все для тебя, моя милая!

Вчера, когда я уже проваливался в беспокойный душный сон, вдруг пришла в голову какая-то безделушка. Я сразу проснулся и, не зажигая света, набросал эти строчки в своем блокноте – на ощупь. Это тоже для тебя – не суди строго.

Во всем видна рука Творца!
В любом – малейшем! – проявлении!
Черты прекрасного лица
Меня приводят в изумленье.

То искры Божьего огня
Приходят в мир, чтоб мир оставить...
Но если спросишь ты меня:
– А не довольно ли лукавить?

Когда, устав от чепухи,
Ты все же думаешь о Боге?
– Когда пишу свои стихи...
Иль вспоминаю твои ноги...

* * *

Я сегодня отвлекся на дневники. Глупо, но ничего не могу с собой поделывать – надо же мне с кем-нибудь поговорить. Я ведь не сумасшедший, чтобы разговаривать с самим собой. А с бумагой – почему бы и нет? Рано или поздно ты все равно это прочтешь, поэтому получается, что я разговариваю с тобой. Только ответа не слышу. Да я его, в общем-то, и не жду...

Ну ладно, теперь надо приступать к главному делу – писать роман. Он принесет мне славу, деньги, и твою любовь... Все то, о чем я так страстно мечтаю, и чего я так грубо лишен.

* * *

"КРОВАВОЕ ЗОЛОТО". НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Тотошин одобрительно похлопал Валерия по плечу:

– Спасибо! Я, честно говоря, не ожидал другого ответа. Проходите, пожалуйста, в кабинет, – он гостеприимно замер в дверях, пропуская Топоркова вперед. Охранники, скуля, как побитые псы, вернулись на свои места. Затем вошел сам министр, и последним – его заместитель Степанов.

Огромными размерами и блестящим паркетом министерский кабинет напоминал баскетбольную площадку. Стоявший в центре стол был таким широким, что на нем без труда могли разъехаться две легковые машины.

Валерий подошел к столу и застыл на месте, ожидая приглашения садиться. Но Тотошин взял его под руку и подвел к маленькому столику рядом с окном. Столик окружали три мягких кожаных кресла.

Только сейчас Стреляный разглядел, что в одном из кресел уютно расположилась молодая женщина: раньше он не мог ее заметить, потому что изящную фигурку полностью скрывала массивная спинка кресла.

Тотошин подвел к ней Топоркова. Женщина, соблюдая субординацию, хотела встать, но Тотошин жестом остановил ее.

– Познакомьтесь, пожалуйста, – он широко повел рукой, указывая на Топоркова. – Это тот самый Валерий Топорков. Да-да, по прозвищу Стреляный! Тот самый, который... Впрочем, об этом нельзя говорить вслух. Об этом надо писать книжки, и я уверен, что рано или поздно найдется автор, который расскажет Родине о ее герое – человеке, необыкновенно скромном во всех отношениях.

Топорков учтиво поклонился – он был галантным мужчиной.

– А это, – теперь Тотошин представлял женщину, – это – наш прекрасный работник, замечательный профессионал. Я ее с трудом выпросил на пару недель у начальника МУРа: не хотел отпускать, и я его понимаю. Это Нина Александровна Каминская, майор милиции, блестящий аналитик. Она умудряется раскрывать преступления, не выходя из собственного кабинета. В этом ей помогает компьютер. Правда, как утверждает Нина Александровна, она настолько ленива, что иногда забывает включить его в сеть, но это, как вы понимаете, шутка! Ха-ха-ха! – Тотошин сдержанно рассмеялся. – Так сказать, своеобразный юмор. Ну ладно, вы пока познакомьтесь, а я сейчас приду, – Тотошин отозвал Степанова в сторонку и принялся что-то ему говорить.

Топорков оценивающе посмотрел на Нину.

На вид ей было слегка за тридцать. Она была худощавой, немного сутулой. Короткая юбка, не доходящая даже до середины бедра, открывала стройные ноги с рельефными четырехглавыми и камбаловидными мышцами. Черные колготки в сеточку только подчеркивали выпуклость мускулов. "Шейпингом занимается", – отметил про себя наблюдательный Топор-

ков. Нина перехватила его взгляд и попробовала поддержнуть юбку чуть книзу, но та, словно живая, все время пыталась уползти вверх.

– Наметились разногласия с собственной одеждой? – игриво спросил Топорков. – Угадайте, за кого я болею в этой схватке – за вас или за вашу юбку?

Нина вспыхнула и положила руки на колени.

Ее головку обрамляли черные кудряшки. По сторонам от крючковатого носика зияли изящно очерченные дырочки ноздрей. Щеки были покрыты веснушками и напоминали перепелиное яичко. Тонкие губы нервно двигались, словно кто невидимый дергал за ниточки, привязанные к уголкам широкого рта. Зеленовато-серые глаза под треугольными веками не отрываясь смотрели на Топоркова.

Сначала ему было не по себе от ее пристального взгляда, но потом Валерий понял, в чем причина – Нина была близорука, а очки носить стеснялась.

– Вы позволите, я присяду? Напротив – мне так будет лучше видно, – сказал Топорков.

– Да. Пожалуйста, – смутившись, ответила Нина.

Они посидели молча. Тотошин все еще что-то обсуждал со Степановым.

– Вы, я вижу, занимались каратэ? – спросила Нина – неловко было так долго молчать.

– Да, – ответил немного изумленный Топорков. – А как вы догадались?

– У вас такие характерные мозоли на костяшках пальцев. Нетрудно догадаться, – улыбнулась Нина.

– А вы, наверное, занимались балетом? – в свою очередь произнес Топорков.

Нина зарделась. Она даже как-то распрямилась и стала выше.

– Да. А вы как догадались?

– Очень просто. У вас правая нога толще, чем левая. Мышцы более развиты. Это сразу бросается в глаза. Такое часто бывает с артистами балета – ведь они крутят фуэте, как правило, на одной и той же ноге. Вы это делали на правой. Верно?

Нина кивнула. В этот момент Степанов произнес: "Слушаюсь!" и вышел. Тотошин подошел к столику.

– Извините, что приходится разговаривать с вами здесь, а не, скажем, в более комфортабельной комнате отдыха. Она – я в этом абсолютно уверен – напичкана разными "жучками", а кабинет не прослушивается. Какой смысл его прослушивать, если на совещаниях у меня сидит порой по сто человек? При таких условиях утечка информации просто неизбежна. Кроме того, мне нужно было удалить этого... – Тотошин кивнул в сторону двери, закрывшейся за Степановым.

– Конечно, – понимающе улыбнулся Топорков. Нина промолчала.

– Дело очень серьезное, – продолжал Тотошин. – Я могу доверять только самым надежным, – он сказал это очень значительно. Топорков выпрямился и задрал подбородок. Нина, чувствуя важность и торжественность момента, не знала, куда деть свои легкомысленно оголенные ноги. – Сегодня утром, – чеканя каждый слог, сказал Тотошин, – в собственном гараже был обнаружен убитым Попов Михаил Александрович, главный редактор ежемесячного журнала "Новая Русь". Его руки были привязаны к крюку, вделанному в потолок гаража, на голову накинута куртка. Судмедэксперт отметил множественные прижизненные повреждения головы, нанесенные предположительно кулаками рук прямо поверх ткани верхней одежды.

Топорков значительно ухмыльнулся. Он знал, что это – почерк КГБ. Так "ребята из органов" поступали, когда хотели вытянуть из кого-нибудь информацию: били через плотную тряпку по голове, пока человек не начинал сходить с ума от боли. Но память у жертвы при этом оставалась ясной.

– Да, я вижу, у вас возникли те же самые предположения, что и у меня, – заметил министр. – Мало того, версию убийства с целью ограбления можно отместить сразу: в гараже стоял новый "Мерседес" Попова, а ключи от замка зажигания лежали в кармане убитого.

Деньги тоже не взяли. Но это еще не все. Неделю назад в Минске был обнаружен труп Гаврилова Петра Алексеевича, фотокорреспондента агентства ИТАР-ТАСС. И вот что интересно: почерк тот же самый – связанные руки, куртка, накинутая на голову, множественные черепно-мозговые травмы и ничего не взято из личных вещей, – Тотошин сделал паузу. Топорков медленно анализировал. Нина что-то быстро записывала в свой блокнот. Иногда она прерывалась, словно желая сразу вычленить главное, и принималась ожесточенно грызть кончик дешевой одноразовой ручки. "Ох уж эти женщины", – с затаенной нежностью, в которой сам себе пока боялся признаться, подумал Топорков: "как они похожи: что ни дай – все в рот тянут".

– Что мы имеем? – прервал его размышления Тотошин. – Два похожих убийства, совершенных в разных государствах с небольшой разницей во времени. Но это еще не все. Если бы только это, я бы вас, как вы уже догадываетесь, не пригласил бы. Основная проблема заключается вот в чем: и Попов, и Гаврилов являлись бывшими офицерами КГБ СССР. Они занимали высокие посты, служили в Первом Главном Управлении КГБ, то есть в разведке, и журналистская деятельность была для них прикрытием. Гаврилов работал в Швейцарии, а Попов – в Германии.

После распада СССР Гаврилов переехал в Минск, и устроился там фотокорреспондентом, а Попов остался в Москве, пытался даже заниматься бизнесом. Помните, была такая мода – все, кому не лень, открывали биржи? Так вот Попов открыл биржу по продаже бирж и сумел неплохо на этом заработать. Позже его имя упоминали в связи с нашумевшей аферой, когда под видом новейших истребителей Су-27 народу братской Монголии продали партию танков Т-34 сорок шестого года выпуска. И, наконец, он учредил журнал "Новая Русь" и даже успел издать пару номеров. Боюсь, что третий номер выйдет без него.

– Да, – подхватил Топорков, – а уж про четвертый и говорить не стоит.

Нина что-то торопливо записывала.

– Так вот, – снова взял слово Тотошин, – как вы, наверное, уже поняли, – он с сомнением взглянул на Нину: она не отрывала глаз от блокнота. Топорков еле заметно, так, чтобы видел только Тотошин, пожал плечами, –

так вот, этим делом, естественно, уже заинтересовались люди из ФСБ. Шесть часов, – он посмотрел на часы – министр любил точность во всем, – и пятьдесят две минуты назад председатель ФСБ лично сообщил мне, что берет это дело под свой контроль. И я не мог ему ничего возразить, – Тотошин развел руками. – Но у меня есть... – он замялся, – не то, чтобы подозрения, но кое-какие соображения. Вы же знаете, подозревать председателя ФСБ я ни в чем не могу, а соображать – пожалуйста. Сколько угодно: по должности это не запрещается. В общем, ребята, – Тотошин нагнулся к ним и обнял за плечи: Нина вздрогнула. Это не укрылось от внимательных глаз Топоркова, – в общем, я бы хотел, чтобы вы потихоньку занялись этим делом. Сами понимаете, обещать поддержку и содействие я вам не могу – было бы глупо понапрасну дразнить гусей, но... Это нужно для Родины, значит, этим надо заняться. Я не могу вам приказывать, это дело совести каждого из вас. Я просто очень сильно вас прошу.

Повисла пауза. Топорков сощурил голубые глаза:

– Я готов!

Тотошин повернулся к Нине:

– А вы, Нина Александровна?

Нина перестала писать и мелко затрясла головой, словно она чем-то подавилась. Ее кудряшки запрыгали, обнажая маленькие симпатичные ушки. В мочках были продеты сережки в виде разнокалиберных золотых колец. Топорков насчитал семь и сбился, потому что в этот момент Нина прекратила трясти головой.

– Хорошо, – подытожил Тотошин. – И помните, наш разговор должен оставаться в строжайшем секрете. Идите. Спасибо. Я рад, что не ошибся в вас.

Валерий с Ниной встали и направились к выходу.

– Да! – остановил их Тотошин. – Я забыл вам еще кое-что сказать. Может быть, это мелочь, но в нашем деле мелочей не бывает, – он оперся руками на край большого стола для совещаний, – вы знаете, что нашли в орту-у-битого?

В первый раз за все время беседы Каминская решила поднять на министра глаза:

– Что-что? – тихо спросила она у стоявшего рядом Топоркова.

– В зеве у трупа, – так же тихо, не поворачиваясь в ее сторону и не шевеля губами, чтобы не обидеть Тотошина, объяснил Стреляный.

– В орту-у-битого, – повторил Тотошин, – была обнаружена греческая монета "драма" достоинством в один рубль.

– С "X" посередине, – покраснев от собственной смелости, поправила его Каминская.

– Не понял? – насторожился Топорков. – В каком это смысле?

Тотошин замаялся – он не знал, как правильно отреагировать.

– Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, – произнес он строго.

– Не "драма", а "драхма", – объяснила Каминская. – Греческая монета "драхма".

– Спасибо за произведенную поправку, – с достоинством сказал Тотошин, – хотя, согласитесь, это не имеет принципиальной роли. Потому что не играет никакого значения. Ведь так?

– Извините, – опустив глаза, еле слышно сказала Нина.

– Ничего страшного, – добродушно рассмеялся Тотошин. – Страшное будет впереди...

Валерий и Нина вышли из министерского кабинета вместе. Стреляный пропустил Нину вперед, чтобы спокойно рассмотреть ее ноги.

"Ничего... Немного кривоваты, напоминают формой кронциркуль. Наверное, после занятий балетом она бегала в секцию конного спорта. Но, может быть, в этой милой кривизне скрыта некоторая приятность? Будет видно позже – всему свое время", – подумал он, а вслух спросил:

– Нина, позвольте, я подвезу вас до дома?

Нина смутилась:

– Да нет, спасибо. Я лучше на метро.

Топорков взглянул на часы:

– Метро начнет ходить еще нескоро. Сейчас три часа ночи.

– Да? – Каминская выглядела растерянной. – Ну... Если вам не трудно...

– Конечно, нет, – Валерий распахнул перед ней дверцу своего "Джипа". – Поедемте! Вы далеко живете?

– Рядом со Щелковской.

– Ого! У нас будет время поговорить, – воскликнул Топорков. Он повернул ключ зажигания, и машина тронулась с места.

Они ехали по Садовому кольцу. Нина молчала. Внезапно она повернулась к Топоркову и, прищурившись, быстро спросила:

– Валерий! Можно я буду вас называть просто "Валерий"?

– Да, конечно, – торопливо ответил он.

– Валерий, что вы думаете об этом деле?

– Ну-у-у... – Топорков растопырил пальцы и неопределенно покрутил ими в воздухе. – Пока еще ничего не ясно...

– Монета, я так полагаю, предназначалась Харону? – Нина буквально сверлила Топоркова пристальным взглядом. Он смешался. В животе похолодело. В голове стали роиться мысли:

"Харону? Что это значит – Харону? Или Арону? Что это? Кличка? Оперативный псевдоним? Черт, я как чувствовал, что дело нечисто. Скорее всего, этот Арон – агент "Моссада". Политикой запахло?! Ну ничего! Нет такого задания, которое оказалось бы не под силу верному сыну Отечества Валерию Топоркову!"

* * *

БОЛТУШКО.

Алексей Борисович прибежал домой совершенно расстроенным. Надо сказать, что он не так уж часто изменял жене. Во всяком случае, не настолько, чтобы это было для него делом привычным. Его грызло острое чувство вины, и очень хотелось срочно во всем покаяться.

Но, к счастью, Нади не было дома, поэтому он решил в качестве наказания вымыть грязную посуду, оставшуюся после завтрака, и приготовить обед.

Собственно, приготовление обеда свелось к тому, что Болтушко почистил картошку и поставил на огонь. Суп Надя варила в большой кастрюле на всю неделю вперед, а в горшочке, найденном в холодильнике, было какое-то тушеное мясо – видимо, осталось со вчерашнего дня.

Когда с трудотерапией было покончено, Алексей Борисович вздохнул с облегчением – вроде как искупил свою вину, теперь каяться необязательно. Теперь надо было разработать план.

Самые разные мысли одолевали его. С одной стороны, передавать бандитам деньги – занятие не из приятных. Более того, довольно опасное.

Но не ехать же Марине самой – тут она была совершенно права. Значит, это должен сделать Алексей Борисович. На правах друга покойного. Ну, и не только... В общем, он должен позаботиться о семье Николая. Проявить себя как настоящий мужчина. Правда, не совсем понятно, почему Марина не хочет обращаться в милицию? Так ведь было бы гораздо проще. Ну да ладно – не хочет так не хочет. Ее дело. Деньги-то ведь – тоже ее. А он их только передаст – и все. Он не будет выслеживать бандитов, не будет воевать с ними – только передаст деньги. И сразу назад. Да! И сразу назад!

Болтушко воодушевился: вообще-то дело несложное. Он справится. Кинет им в лицо эту пачку, и все. И будет держаться гордо и независимо. А его глупые страхи и опасения – они необоснованны. Ничего с ним не случится. Но... Надо быть готовым ко всему.

Картошка закипела. Алексей Борисович посолил, сделал огонек поменьше и немного сдвинул крышку в сторону. Потом наморщил лоб, почесал в затылке и направился в комнату.

Он искал газовый баллончик – так, на всякий случай. Чтобы чувствовать себя увереннее. Когда-то давно он подарил его Наде: жена жаловалась, что ей страшно возвращаться домой, когда на улице темно. Тогда он купил ей баллончик. Однако Надя – ох и странный народ эти женщины! – сказала, что лучше бы он выходил ее встречать, а баллончик может засунуть... В общем, Алексей Борисович, пылая праведным гневом, хотел было выбросить злополучный подарок, но потом, подумав и немного остыв, решил спрятать его подальше – авось пригодится.

А сейчас он был абсолютно уверен, что пригодится. Конечно, спасти не спасет, но все-таки... Короче, он и сам не знал, зачем, но искал...

Наконец нашел – в обувном ящике, рядом с сапожной щеткой и черным кремом.

"Вечно засунет куда-нибудь, не найдешь", – беззлобно проворчал Болтушко. Потом он стал размышлять: "Может быть, захватить с собой молоток? Нет, молоток опасно. Еще отберут – и по тылке. Сам же и пострадаешь. Если у них есть оружие: пистолет или обрез, то молоток не поможет. А баллончик маленький, его и не заметят. И убежать с ним легче, чем с тяжелым молотком. Нет, молоток брать не буду."

Алексей Борисович подошел к шкафу и стал придирчиво отбирать одежду: брал вещи поношенные, мягкие и свободные, чтобы было поменьше пуговиц.

Посмотрел на свою руку и снял часы: дорогие, швейцарские, коллеги в складчину подарили в день тридцатилетия. "Обидно будет, если такие часы пропадут", – подумал он. Подошел

к своему письменному столу и открыл верхний ящик. Покопался и достал оттуда старенькие часы, которые ему вручил отец в день окончания школы.

"Ну вот, с экипировкой покончено", – решил Болтушко. Но все-таки оставалось чувство какой-то незавершенности. Он выглянул в окно, окинул прощальным взглядом родной двор и решил написать предсмертное письмо. То есть нет, конечно же, не предсмертное, а на тот случай, если с ним произойдет что-то непредвиденное.

"ТЬфу ты", – расстроился Алексей Борисович: "придет же такая ерунда в голову – предсмертное. Никакое не предсмертное, а просто..." Он не нашел нужного слова, плюнул и сел писать.

"Дорогая моя жена Надя!..."

"Нет, как-то глупо звучит – словно колхозник пишет домой с черноморского курорта. Надо не так...", – он скомкал этот лист и взял другой.

"Надя! Когда ты читаешь эти строки, я уже, возможно..."

Он опять остановился: снова не то. Ну что это такое: просто "Надя"? Уж "любимая" на худой конец... Он опять скомкал лист бумаги. Взял следующий.

"Милая моя Надя!"

"Вот это неплохо!" – подумал Болтушко: "А что же дальше?"

"Милая моя Надя! Когда ты все узнаешь, ты поймешь, что я не мог поступить иначе..." – и опять вышла заминка. Алексей Борисович вдруг явственно представил себе эту картину: он лежит в гробу, молодой и красивый, над ним стоит заплаканная Надя, а на заднем плане – Марина в черном обтягивающем платье. Марина злобно ухмыляется и говорит: "Ты думаешь, почему он на это решился? Ради их дружбы с Николаем? Ошибаешься!" и смеется: гадко так – хи-хи-хи. И гладит себя по бедрам, и наклоняется вперед, и ее огромные буфера вот-вот выскочат наружу и запрыгают, словно на пружинах... И Надя рядом с ней – худенькая, нескладная. Утирает глаза платочком и ничего ей не отвечает. Молчит. И только слезы из глаз: "Зачем ты это сделал, любимый!" Бр-р-р!!

Алексея Борисовича прямо всего передернуло: ну как он мог так поступить со своей Надей? Нет, он все-таки подлец. Вот сейчас Наденька вернется, он расцелует ее – всю, с головы до ног! – отведет на кухню, накормит ужином, потом возьмет на руки, отнесет в спальню...

Болтушко взял последний вариант письма, и тоже смял его. Пошел и выкинул скомканные листы в мусорное ведро.

"Ни к чему это. Глупо как-то..." Он отправился на кухню ставить чайник, и в это время раздался телефонный звонок.

Алексей Борисович взял трубку:

– Да!

– Алешенька, здравствуй! Ты уже дома? – звонила жена.

"Идиотский вопрос!" – раздраженно подумал Болтушко. "Конечно, дома, а с кем же ты тогда разговариваешь? Эти бабы... Все-таки тупые существа!"

– Я-то уже дома, – с нажимом произнес он. – А вот ты где? У тебя что, часы остановились?

– Алешенька, тут такое дело... – зачастила Надя. – Я тебе потом расскажу. В общем, я сегодня буду ночевать у Кати. Ехать домой уже поздно, и потом, она в таком состоянии, что просто страшно оставлять ее одну. Мы тут втроем – я, Катя и Юлька.

– А что это у нее такое случилось, что ты обязательно должна остаться там ночевать? – грозно спросил Болтушко.

– Понимаешь, – понизила голос Надя. – От нее ушел муж.

– Какой муж? Ты же говорила, что они не расписаны. Сожитель, что ли? – возмущенно гремел на всю квартиру Болтушко.

– Ну да, да...

– Надя, – Алексей Борисович старался быть строгим. – Мне все это не нравится. Так не поступают. Ты должна ночевать дома. И потом – может, у этой твоей Кати грузинский акцент и пышные черные усы, откуда я знаю?

– Да нет, Алеша. Вот она рядом стоит. Хочешь, я дам ей трубку? Чтобы ты убедился?

– Ладно, не надо, – Алексей Борисович был ревнивым человеком, но показывать это стеснялся. Тем более перед посторонними. – А какой у нее номер телефона? Я позвоню, проверю, – на всякий случай, для острастки, сказал он.

– Да в том-то все и дело, что у нее нет телефона. Это же такие выселки, тут один телефон-автомат на четыре огромных дома. Я звоню с улицы, а девчонки рядом стоят, чтобы подтвердить, если ты не поверишь.

– Ладно. Верю, – примирительно отозвался Болтушко. – Когда ты вернешься?

– Завтра, – обрадованно заговорила Надя. – Постараюсь пораньше. К двенадцати, наверное, буду.

– Наверное? – опять насторожился Алексей Борисович.

– Нет, точно. Точно буду, – поторопилась заверить его Надя.

– Так наверное или точно? – не унимался дотошный Болтушко.

– Наверное, точно, – ответила Надя. Болтушко на другом конце провода тяжело вздохнул: "Опять... Типично женская формулировка."

– Ты можешь не застать меня, когда вернешься, – стараясь казаться безразличным, сказал он.

– Да? А где ты будешь? У тебя задание? – Надя, казалось, проявила неподдельный интерес.

– Задание, – многозначительно вымолвил Алексей Борисович. – Какое – пока сказать не могу, – он опережал и тем самым еще больше провоцировал возможные расспросы.

– Ой, ну ладно, потом расскажешь. Спасибо тебе. Я тебя целую. До завтра! – радостно прощбетала Надя.

– Спокойной ночи! – уныло отозвался Болтушко.

Он вспомнил свои фантазии, посетившие его буквально несколько минут назад, и мрачно ухмыльнулся. "Фигня все это... Может, все-таки взять молоток? Разнести кому-нибудь череп под горячую руку? Нет, не надо..."

Он поплелся в спальню. Скинул с кровати покрывало, улегся, включил телевизор.

"Сказал, что на задании, а задания никакого и нет вовсе. Мне уже давно ничего не поручают. А если?.."

Внезапная мысль осенила его. Ну и ладно! Пусть не поручают. Он сам может найти интересный, захватывающий сюжет. Проведет собственное журналистское расследование. Утрет нос этому козлу, Ремизову.

"Ух, как подумаю, что Надька могла лежать под ним, растопырив ноги!" – Алексея Борисовича обуял праведный гнев. Он вскочил с кровати и прямо босиком, громко шлепая по паркету, помчался в другую комнату. Там, на шкафу, стояла коробочка с видеокамерой. И как это такая простая мысль не могла раньше придти в голову?! Он снимет бандитов на камеру. Поймает их с поличным. Теперь-то уж милиция не отвертится! Возбудит дело, кто бы ни были эти бандиты! Он представит неопровержимые доказательства!

Адреналин толчками выплескивался в кровь. Болтушко даже немного вспотел. Он залез на стул. Дотянулся до коробочки с камерой. "Вот черт! Ну как все просто! А я про какой-то молоток думал! Дурак! Оружие журналиста – это его голова. В первую очередь. А потом уже все остальное."

Теперь Болтушко хотел только одного – как бы поскорее прошла ночь.

* * *

Ночь была короткой и очень душной. Алексей Борисович ворочался на ставшей неожиданно широкой кровати, перекатывался со своей половины на Надину и обратно.

Он вдруг подумал, что как-то очень спокойно отнесся к тому, что Надя не пришла ночевать. Конечно же, виной всему было приятное возбуждение, охватившее его в предвкушении интересного и опасного приключения.

* * *

В шесть утра Алексей Борисович уже был на ногах: предстояло еще очень многое сделать. Прежде всего он вышел на улицу, завел машину: "шестерка", несмотря на преклонный возраст, сразу же откликнулась бодрым сопеньем, кряхтеньем и стрекотанием. Болтушко проверил давление в шинах, прикинул, стоит ли долить бензина в бак, решил, что стоит, смотался на ближайшую бензоколонку и заправился под завязку. Слезил в багажник, проверил аптечку: есть ли там йод, бинты и жгут. Затем он вернулся домой, принял душ и стал готовить легкий завтрак.

От волнения есть не хотелось, и он с трудом засунул в себя пару бутербродов, сверху залил их большой чашкой чая.

Посмотрел на часы: половина восьмого. Пора! Болтушко взял камеру, аккумуляторы, кассету, запер дверь и спустился к машине.

Хлопнула дверь. Магнитола в гнездо. Музыка погромче! Поворот ключа в замке зажигания...

Курс на Гагарин! Поехали!!

* * *

Указатель поворота на деревню Вороново Болтушко заметил издали. Большой металлический щит, выкрашенный в голубой цвет, был слегка тронут по краям ржавчиной.

Алексей Борисович снял ногу с педали акселератора и перенес ее на тормоз. Слегка надавил и включил указатель поворота. Аккуратно работая рулем, повернул направо. Дорожное покрытие сразу же стало ощутимо хуже: Болтушко почувствовал это собственным фундаментом.

Теперь ему нужно было приехать в условленное место и заранее все внимательно осмотреть – для того, чтобы четко представлять себе диспозицию. Он взглянул на часы: без пяти минут десять.

Припекало. В пыльной траве стрекотали кузнечики. Рассохшиеся телеграфные столбы уходили за горизонт, подтягивая за собой безвольно провисшие нити проводов. Горячий ветер лениво бегал по полю, то и дело норовя упасть в пересохшую хрустящую траву.

Но вот открытое пространство закончилось, и Болтушко въехал в небольшой лесок.

"Где-то здесь", – подумал он и еще немного снизил скорость. Действительно, буквально через две минуты показалась стоянка. Дорога в этом месте была ровная, как стрела, и хорошо просматривалась в обе стороны.

Место бандиты выбрали неплохое: незаметно подкрасться было невозможно. Болтушко сразу оценил это и решил сначала разведать обстановку. Он медленно прокатился мимо, внимательно разглядывая машины и людей на этой стоянке. Белой "копейки" еще не было: до встречи оставалось почти два часа.

Алексей Борисович увидел два больших КамАЗа с прицепами: видимо, они везли овощи. Стекла грузовиков были завешены изнутри покрывалами, чтобы утреннее солнце не раскалило жестянки кабин, и водители, измученные долгой дорогой, могли бы спокойно поспать еще часок-другой.

Летнее кафе представляло собой маленький белый домик из легкой фанеры. У домика было милое крылечко с тремя ступеньками и два мутных окна с чахлой растительностью на подоконниках. Рядом с крылечком стоял выцветший под палящим солнцем зонтик, а под ним – пластиковый круглый столик в каких-то коричневых потеках и два стула; третий лежал неподалеку, задрав сверху тонкие ножки.

Метрах в двадцати от кафе расположилась шашлычная: покосившийся навес, под которым помещался ржавый прогоревший мангал и длинный деревянный стол с двумя такими же длинными лавками по бокам.

Некто кавказский, шевеля мясистой губой, украшенной маленькими усиками, разводил огонь. Даже издали было видно, как он отчаянно борется с дремотой.

Ближе к дороге, буквально в паре метров от нее, сидел худой коротко стриженный мальчишка и продавал вяленую рыбу. Позади него стояла сваренная из водопроводных труб конструкция – два вертикально торчащих шеста. Между ними были натянуты несколько лесок, на которых болтались плоские коричневые рыбины.

Видимо, мальчишка сидел здесь всегда: он загорел и высох на солнце ничуть не хуже своего товара – его самого можно было подавать к пиву.

Болтушко отметил все это и стал прикидывать, как бы ему лучше поступить. Он медленно поехал дальше, и вскоре стоянка осталась позади.

Наконец он увидел то, что искал: от асфальтового полотна в лес уходила грунтовка. Метров через двадцать ее перегораживал шлагбаум с облупившимися отметинами черной и белой краски; справа от него стоял знак: "Въезд запрещен".

Болтушко поставил машину рядом со шлагбаумом так, чтобы с дороги она не бросалась в глаза. Заглушил мотор, вылез и некоторое время прислушивался. Нет, вроде все тихо. Он достал видеокамеру, веревку, предусмотрительно захваченную с собой, скотч и тихо, стараясь не шуметь, вернулся к дороге.

Убедившись, что машин поблизости нет, он быстро перебежал на другую сторону: пригнувшись, пересек асфальтовое полотно и буквально скатился в придорожную канаву, успев лишь заметить, что по неосторожности вляпался в продукты жизнедеятельности автомобилей и их владельцев. Это досадное происшествие несколько охладило его пыл: какое-то время Алексей Борисович ожесточенно болтал ногой в самой гуще поблекшей травы: ботинок удалось немного очистить, зато штанина стала мокрой до колена. Он, конечно же, мысленно выругал весь русский народ за такое бескультурье и легкомыслие: ну где это видано, чтобы гадить рядом с дорогой? Потом вспомнил, что ему тоже не раз доводилось поступать подобным образом, махнул рукой и, углубившись в лес, понесся назад, к стоянке, перемахивая через низкорослые кустики, поваленные деревья и трухлявые пни не хуже оленя.

Подобравшись поближе, он перешел на размеренный шаг. Поглядывая сквозь просветы в деревьях на стоянку, которая теперь была напротив него, Алексей Борисович принялся выбирать нужный ракурс – проще говоря, место съемки. О солнце можно было не заботиться – в какой бы точке небосвода оно ни находилось в двенадцать часов дня, прямых лучей все равно не будет, потому что камеру скроют ветки. Главное вот что: где они поставят свою машину? Ведь надо выбрать фокус таким образом, чтобы все бандиты попали в кадр – значит, придется брать стоянку общим планом. Но с другой стороны, лица должны получиться отчетливо, стало быть, требуется более детальное изображение. А если они поставят машину на самом краю стоянки? Тогда она может не войти в кадр. В общем, палка о двух концах. Как выйти из

этого положения, Болтушко не знал. Конечно, если бы он сам снимал, можно было бы сделать "наезд". Но в том-то весь и фокус, что в момент съемки управлять камерой никто не будет.

"А! Ладно!" – решил Болтушко. "Надо наводить на этого пацана с рыбой, так, чтобы хорошо было видно его лицо."

Он нашел удобное деревце, вытащил складной ножик, подрезал ветки таким образом, чтобы между ними и стволом можно было всунуть камеру, закрепил ее скотчем, а деревце привязал веревкой к дереву потолще, чтобы не качалось от ветра.

Затем он "наехал" на мальчишку, чтобы изображение лица получилось максимально четким, и сел ждать: времени-то еще было полно.

Он просидел час, но на стоянке никто не появился. Ни одна машина не приехала. Ни один человек не прошел мимо.

Проснулись водители КамАЗов. Они, потягиваясь, вылезли из кабин, громко хлопали дверями, беззлобно матерились и умывались, поливая друг друга водой из большой пластиковой канистры.

Затем один из них достал паяльную лампу, самодельный треножник, большую чугунную сковородку и соорудил из всего этого подобие плиты, а другой в это время чистил картошку. Потом они ее жарили, и запах жареной картошки, смешанный с керосиновым дымом, долетал до Алексея Борисовича.

Водители позавтракали быстро: это Болтушко казалось, что время тянется медленно. Они завели свои грузовики, подождали, пока сильные дизельные движки хорошенько прогреются, о чем-то договорились, еще раз обматерили друг друга и уехали.

Алексей Борисович взглянул на часы: половина двенадцатого. Не может быть! Ведь уже была половина двенадцатого! Он поднес часы к уху: так и есть! Стоят! Наверное, зря он надел это старье. Болтушко несколько раз с силой тряхнул рукой. Часы очнулись и громко затикали: так, словно ничего и не случилось. Казалось, они говорили: "Не сердись, хозяин! Сейчас договорим!" Болтушко со злостью посмотрел на тонкие позолоченные стрелки: "Ух! Чертова рухлядь!"

Краем глаза он увидел какое-то движение на стоянке: с дороги медленно съехала белая "копейка" с литыми дисками и тонированными стеклами. Она проехала позади мальчишки и остановилась чуть левее, там, где высокие деревья отбрасывали прохладную серую тень.

"Черт!" – сердце у Болтушко отчаянно забилось. "Это они!"

Он посмотрел в видоискатель камеры: машина стояла на самом краю кадра, но все-таки была видна. Наводить камеру заново не было времени: уж очень тщательно он ее закрепил. "А!" – махнул рукой Болтушко: "Надо бежать!" – и помчался назад, не разбирая пути.

Добежал до места, где стояла его машина, и на четвереньках пополз через канаву. Огляделся: никого. Тогда он решительным броском пересек дорогу и оказался рядом с машиной. Запрыгнул на сиденье и завел двигатель.

"Если спросят, почему подъехал с другой стороны, скажу – заблудился", – решил Болтушко.

Он включил заднюю передачу и, сильно газуя, выбрался на асфальт. Развернулся и поехал по направлению к стоянке.

От волнения его пробрала дрожь и засосало под ложечкой. Алексей Борисович нащупал лежащую в нагрудном кармане пачку долларов, а в кармане джинсов – газовый баллончик. Надел темные очки – ему казалось, что так он выглядит "круче". Пригладил торчащие волосы и с сомнением посмотрел на себя в зеркало: может, он все-таки похож на бандита?

* * *

Суббота. Ремизов давно заметил, что выходные для него – мертвые дни. Как правило, информаторы не назначали встречи в субботу и воскресенье: Москва пустеет, и человек становится виден, как на ладони.

Ремизов сильно скучал в такие дни. Он не знал, чем себя занять. Писать просто так он не любил, считая это занятием для идиотов.

Больше всего он презирал писателей, строчащих всякую детективную чушь: высасывают из своих двадцати пальцев глупость несусветную. А некоторые и пальцами не ограничиваются: используют для вдохновения любые доступные средства.

Между тем реальная жизнь просто напичкана сюжетами, гораздо более головоломными и захватывающими, нежели самые "крутые" романы. Уж кто-кто, а Ремизов это знал хорошо. В жизни всегда интереснее, чем в книжке: действия героев более четкие, продуманные и решительные. Это и понятно: одно дело – погибнуть на бумаге, и совсем другое – по-настоящему. Уйти из мира живых. Сгинуть навсегда. Быть может, в страшных муках, вдали от родных и близких, и быть закопанным где-нибудь в подмосковном лесу. Нет! В жизни нельзя расслабляться ни на минуту – цена ошибки слишком велика. Отдать концы на тридцатой странице или окочуриться на шестидесятой – принципиальной разницы нет, а вот умереть в действительности все-таки лучше в шестьдесят лет, чем в тридцать. (Хотя, наверное, и в шестьдесят не очень приятно.)

Ремизов ценил журналистику только как средство отображения реальных событий реальной жизни, напроочь отвергая в своих статьях какой бы то ни было литературный стиль. Он полагал, что его фамилия, стоящая перед заголовком – это и есть стиль. Возможно, он был прав.

* * *

А сегодня как раз суббота – скучный день. С материалом о Плотниковой не получилось, а больше писать было не о чем. Пока не о чем. Тому, что сказал Бурлаков, он не очень-то поверил: сколько раз так бывало – информатор клялся и божился, что принес настоящую "бомбу", а на деле оказывалось – ничего особенного. Да и что там может быть особенного: кто только не писал про этот СПИД? Неужели можно придумать что-то новое? Вряд ли. Эта тема облизана и обсосана со всех сторон. Ну, расскажет ему этот безумный ученый – как там его, Евгений Алексеевич, что ли? – про то, что изобрел вакцину против СПИДа. Облаготельствовал человечество. Ну и молодец! Но кому это интересно? Да никому!

Ремизов бесцельно слонялся по квартире. Он включил телевизор. Посмотрел пять минут. Выключил.

Заняться было абсолютно нечем. Даже есть не хотелось. И спать тоже.

* * *

Ремизов ненавидел это вынужденное безделье: оно приносило скуку. Но скука – это еще полбеды. С недавних пор скука стала нагонять на него тоску. А для тоски имелась причина.

Так они и мучили его, эти выходные. То, что принято называть иноязычным словом "уик-энд", Ремизову представлялось как пика с загнутым крючком на конце: входит легко, а обратно – никак.

Вечер пятницы возвещал о надвигающемся безделье, в субботу утром появлялась скука, а уж к обеду липкая и неотвязная тоска овладевала всем его существом – Ремизов вспоминал о Наде. И все. Куда только девался бравый и неустрашимый циник, величайший провокатор и обличитель Ремизов Андрей Владимирович! Он расплывался до состояния незастывшего желе, ходил мрачнее тучи и малодушно думал о рюмке водки. (Хотя, конечно, дальше мыслей

дело не заходило – Ремизов был педантом и внутренне очень дисциплинированным человеком.)

В воскресенье он начинал сердиться на нее. Он злился и проклинал тот день, когда встретил эту чертовку Надю. Он вытаскивал ее фотографии и пытался найти в ней изъяны. Фотографии играли чисто символическую роль, они были нужны Ремизову только как подтверждающие документы или свидетельские показания (сказывалась излишняя обстоятельность натуры), ведь Надино лицо и тело – включая и то, что обычно скрыто под одеждой – он знал наизусть.

С изъянами, правда, выходила путаница: то ли их оказывалось слишком много, то ли это были вовсе не изъяны. В конце концов, редко же бывает так: "я люблю тебя, потому что ты красивая", чаще – "ты красивая, потому что я тебя люблю".

Однако фотографии делали свое черное дело – и Ремизова одолевали воспоминания.

* * *

Его роман с Надей был очень бурным, но скоротечным. Впрочем, он и не признавал других – Ремизов не любил долгое сопротивление.

Он довольно быстро добился своего, но странная штука – это не выглядело безоговорочной победой.

Некоторые женщины забивают себе голову всякой ерундой: меня, мол, надо завоевать – не просто же так; и если вдруг не могут оказать достойного сопротивления, то страшно себя кланут и сильно переживают, и глядят на мужчину, как побитые собаки, беспрекословно его слушаются и тихонько ненавидят.

С Надей вышло совсем по-другому: она была настолько пластична, что заполняла собой все пространство, не занятое Ремизовым. Между ними не было никакого зазора, они абсолютно плотно прилегали друг к другу. Надя с готовностью принимала любые формы: так, что Ремизов не чувствовал противодействия – напротив, она словно бы являлась его продолжением. Не отражением – ни в коем случае! – потому что отражение надоедает в первую очередь, но продолжением – тела, мыслей, чувств.

Казалось, что у нее нет углов, и как бы Ремизов ни пытался утвердиться – почти в буквальном смысле этого слова, она все обращала в мягкость и нежность.

К этому быстро привыкаешь – каждый, кому посчастливилось знать такую женщину, охотно с этим согласится.

Привыкаешь, словно к удобной разношенной обуви: пока она есть, даже не задумываешься, что может быть как-то иначе; но стоит ей исчезнуть – и все, пропал!

Вот так и с Надей.

* * *

Очень скоро Ремизов ей... приелся, что ли. Он выбрал амплуа героя, и в этом заключалась его ошибка: невозможно постоянно быть героем – без перерывов на сон и на обед. Повседневное геройство – одна из форм занудства.

Это все равно что каждый день дарить женщине цветы: сегодня – "ах, ах, какие красивые!", завтра – "зачем же было тратиться?! но все равно приятно!", послезавтра – "право же, ни к чему... еще предыдущие не завяли..." и так далее. А что будет через год? "Боже мой, ведь еще припрется этот идиот со своими лютиками! Куда их ставить – ума не приложу! Лучше бы он на те деньги, что потратил, купил холодильник и стиральную машину в придачу! Или сделал бы себе пластическую операцию, а заодно уж и зубы приличные вставил!"

Одним словом, изменять можно всем, кроме чувства меры: мало того, что это бессмысленное, так еще и очень опасное занятие.

* * *

Они стали реже встречаться. А потом еще реже. И тогда Ремизов начал помаленьку понимать, что же на самом деле является для него ценным, а что – нет. И что слава "самого скандального" журналиста не стоит ничего, а работа хороша только тем, что позволяет на какое-то время отвлечься и не думать о... А как о ней не думать?

"Надо влюбиться. Найти другую женщину", – решил он. Казалось бы, чего проще? Ан нет. У других была масса достоинств, а недостаток – только один: они были другими. Все вместе и каждая по-своему. Но другими.

Как человек пунктуальный, методичный и склонный к сугубо рациональному мышлению, Ремизов много времени проводил в раздумьях, стараясь понять: что же он больше всего любит в Наде? И понял: запах.

Запах – вот что мы любим в женщине крепче всего. Не больше всего и не сильнее всего, но крепче. Движения, походка, жесты – это первые сигналы, которые воспринимает мужчина. Еще издалека. Глаза, голос, вздымающаяся грудь – это уже вторые сигналы. Чтобы их заметить, нужно подойти поближе.

Но этого мало, чтобы понять, твоя это женщина или нет. Нужен запах. Надо подойти осторожно сзади и ощутить ее запах: там, где шея, там, где густые волосы струятся по плечам, там, где волны обтягивающего воздуха, разрываясь, выплескиваются через вырез в платье, принося с собой запах разгоряченного тела. И сразу станет понятно – то ли ты будешь весело смеяться, глупо шутить и щипать ее за икры, а назавтра и не вспомнишь, как зовут, то ли ты навсегда при одном лишь виде ее обречен дрожать, бледнеть, заикаться, катастрофически глупеть и бояться, что самый мимолетный взгляд, самое пустяковое слово и малейшее ее движение может быть обращено не к тебе, а к другому. Боже, какая мука: хочешь впитать ее всю, до последней капли, а она улыбается какому-то козлу!

* * *

Суббота. Близилось время обеда. Скука утекала, уступая место тяжелой тоске.

Между ними не было разрыва как такового: просто он стал ей неинтересен. Перенести это гораздо тяжелее, чем откровенный скандал. Разрыв подразумевает несогласие во взглядах – ну, поссорились два человека, что ж тут такого? По крайней мере, всегда остается надежда, что ты был прав.

А потеря интереса означает смерть еще при жизни. То есть вроде бы живой: ходишь, дышишь, что-то говоришь, но на самом деле тебя словно бы и нет: умер. В том космосе, который называется "другой человек", для тебя больше нет места.

Ремизов вспомнил один эпизод: смешной и в то же время показательный. Дело было... примерно полгода назад. К тому времени, надо признаться честно, Ремизов уже перестал интересоваться Надю. Она каждый раз находила какие-то отговорки, в мягкой форме, но твердо отвергая все его предложения. Выглядело это примерно так: он звонил ей на работу, караулил у входа, бродил рядом с домом, рискуя быть замеченным Алексеем Борисовичем, – словом, искал встречи. Иногда ему везло: тогда он хватал ее за руки и просительно заглядывал в глаза: "Давай, пойдем куда-нибудь... Пойдем ко мне... Пойдем куда захочешь. А?"

Но Надя неизменно улыбалась и отвечала, что как раз сегодня она не может: день рождения у подруги, или с мужем собрались в театр, или срочно нужно написать материал и так далее. Ремизов начинал сердиться и упрекать ее: "Ты никогда не можешь! Когда бы я ни при-

шел, ты никогда не можешь! Ты больше не любишь меня?!", а Надя снова улыбалась: "Ну, зачем ты обобщаешь? Просто сегодня – я не могу. Рада бы, но не могу. Давай в другой раз." Быстро целовала его в щеку и убежала. Иногда, впрочем, разрешала подвезти ее до дома. И тогда у Ремизова появлялась возможность поговорить с ней – хоть немного.

В тот день Надя была чем-то расстроена. Ремизов пытался узнать, чем, но она не хотела объяснять. Тогда он робко спросил: "В "Пушкинском" показывают новый фильм. Может быть, сходим?" и, заранее предвидя ее ответ, добавил: "Не обязательно сегодня. Давай в любой день, когда ты будешь свободна. Там Брюс Виллис в главной роли. Тебе ведь нравится Брюс Виллис? Помнишь, какой он классный в "Крепком орешке"?"

Надя усмехнулась: "Конечно, Брюс Виллис – отличный мужчина. Но как раз в "Крепком орешке" мне он совсем не нравится. Весь фильм бегаёт в этой плебейской майке...". Она покачала головой.

Ремизов опешил. Дело в том, что сам он всегда носил майку – привычка.

Но ведь и Надя об этом прекрасно знала. Или, может быть, уже забыла?

"Ну почему же плебейской?" – робко поинтересовался он.

Надя вздохнула с досадой и слегка скосила в его сторону лукавые глаза: "Ну как почему? Андрей! Ты видел хотя бы одного аристократа в майке?"

Что можно ответить на такой вопрос? Да стоит ли вообще отвечать? Где ему, здоровому и здравомыслящему мужчине, правильному и незатейливому, спорить с женщиной, сотканной из парадоксов – маленькой, хрупкой и чертовски обаятельной?

Ремизов еще раз улыбнулся, вспоминая этот смешной случай: ну и как же ее не любить, Наденьку-то?

* * *

Он ходил по квартире, пытаясь найти себе занятие. Честно говоря, дела были: постирать джинсы, погладить брюки и рубашку, разобраться в бумагах на столе, съездить на рынок, купить новые ботинки, – но все это были не те дела. Ни одно из них не могло бы захватить его целиком.

Он метался вокруг телефона, постепенно сужая круги. Наконец решился: просто позвоню. Если подойдет Болтушко, повешу трубку. Определителя у них нет, только автоответчик. Параллельного телефона тоже нет.

Он взял серый аппарат с наполовину стершимися цифрами на кнопках и подтянул провод в комнату. Лег на кровать – ему показалось, что лучше будет говорить лежа – и, замирая, набрал номер. Ее номер.

Трубка откликнулась длинными гудками. Он внезапно заволновался. По спине пробежал какой-то холодок и руки покрылись "гусиной кожей".

Это ожидание было невыносимым. Гудок... еще один... Он весь собрался, сжался в комок. Левой рукой прижимал к уху мембрану, а правой беспорядочно шарил по покрывалу. Схватил пульт телевизора. Включил...

На экране замелькали гоночные болиды – транслировали квалификационные заезды перед очередным этапом "Формулы-1". Огромные колеса, растяжки и амортизаторы подвески, рев мощных движков и дрожащий разноцветный шар гоночного шлема над пластиковым кокпитом. На причудливой асфальтовой змее пятикилометровой трассы – двадцать человек, сжимающих в своих шальных руках, затянутых в красивые перчатки, несколько мгновений собственной жизни – до следующего опасного поворота.

– Але! – это Надя. Ремизову показалось, что она была уставшая, невыспавшаяся, чем-то расстроенная, о чем-то жалеющая... А может – просто показалось; разве можно все это понять и почувствовать за две секунды, услышав только одно короткое птичье слово.

– Але! – поспешно ответил он, словно боялся, что Надя сейчас повесит трубку. – Здравствуйте, Надежда Викторовна! Это я! – он бодрился и пытался шутить. И тут же мысленно обругал себя за это – надо быть естественнее.

– А-а-а... – протянула Надя. Несколько разочарованно. Или просто устало?

"Да, просто устала. Милая моя девочка. Устала за неделю..." – подумал Ремизов.

– Как дела? Что делаешь? – почему-то в конце каждой фразы у него прорывался короткий глупый смешок, до того короткий, что более походил на шумный выдох: "Ха! Ха!"

– Да так... Отдыхаю по хозяйству... – Надя была немногословной.

Ремизов сжал телевизионный пульт: выключил звук. Яркая машинка, уменьшенная расстоянием до размеров игрушечной, входила в напряженный поворот. Это же квалификация: главная задача – максимально быстро пройти круг. Соперники не мешают – отдельный старт.

На прямой скорость – около трехсот тридцати, шестая передача. Позднее торможение, короткий увод рулем наружу поворота, скорость – сто восемьдесят, четвертая передача. Чуть срезает, внутренние колеса подпрыгивают на небольшом уступчике, размеченном белой краской. Белые полосы – в черных следах жженой резины...

– Ты одна? Мы можем поговорить? – получилось немного заискивающе, надо не так, надо чуть-чуть свысока, не терять достоинства... И тут же обругал себя: с достоинством, говоришь? Идиот! Это же не она тебе, а ты ей звонишь! Кретин!

– О чем? – интонация нисходящая. Не то, чтобы: "Да-да, конечно! О чем? Да все равно!", а прямо противоположное: "Разве нам есть о чем поговорить?"

Обиделся. На ее интонацию и на свои мысли:

– А что, разве нам не о чем поговорить?

– О чем, Андрей?

Злость на нее – чертова дура! Потом – на себя: если знаешь, что она дура, зачем тогда звонить?! Потом – страх, досада, горячий пот и едва ли не слезы.

– Ну... Вообще так. Поболтать, как два старых знакомых. Просто так, по душам. Как поживает твой суженый? – все, разговор не получился. Вот-вот оборвется. Секунды утекают, как сквозь пальцы. Ничего не изменишь! Надо было сразу же закричать: "я люблю тебя!", а потом уже здороваться. Теперь – все. Разговор не получился. Исправить невозможно. И этот дурацкий вопрос про мужа. Да какое ему дело до мужа? Ну зачем? Зачем все так глупо?

– Ничего. Уехал на задание. Говорит, ведет какое-то расследование.

– Ого! – "тьфу! Гадость! Как наиграно!" – Алексей Борисович пошел в гору?! – "заткнись, убогий! Зачем ты пытаешься плюнуть ему в спину? Да какой бы он ни был из себя раздолбай, однако же по три раза на дню может иметь то, о чем ты только мечтаешь, онанируя в сортире! Плебей! Всю жизнь тебе в майке ходить!"

– Конечно. А почему тебя это удивляет? Он хороший журналист, – без апломба, но со значением.

– Ну конечно... Просто отличный, – с тщательным ехидством. "Ну почему ты не можешь остановиться? Ну чего тебя несет?"

Там, в телевизоре, тоже что-то случилось. Показалась струя белого дыма, машину закрутило, выбросило на гравий, и, подпрыгивая, она понеслась прямо в стену...

– Ты извини, Андрюша. Я не могу сейчас говорить. Я что-то неважно себя чувствую, и Алексей вот-вот должен вернуться, а у меня еще обед не готов...

...если бы она и дальше летела прямо, то у пилота еще был бы шанс выжить, потому что она направлялась в отбойник, сооруженный из груды использованных покрышек...

– Что, у тебя месячные? – нарочито грубо, просто по-хамски, но с некоторой заявкой: мол, вспомни – и я тебя..., и ты подо мной..., и потом еще...

Уже наплевать на все, лишь бы тебе тоже было больно, хотя бы на сотую долю того, как сейчас больно мне. Больно потому, что я такой идиот, потому... Потому, что ты меня совсем не любишь...

– Нет, они закончились позавчера. И потом, я в последнее время уже не мучаюсь, как прежде. Так, в первый день только – самую малость. Ну ладно, пока. Ты звони иногда. Только не домой, а на работу, ладно? У тебя-то все нормально?

– Да. Помаленьку...

...но машина была неуправляема. Она еще на асфальте была неуправляема – сломался кронштейн заднего спойлера, и гигантская сила, прижимавшая колеса к покрытию, моментально исчезла. А на гравии вообще любые действия были бессмысленными. Болид продолжал лететь, описывая пологую дугу, пробил деревянное ограждение и врезался в тот фрагмент бетонной стены, который не был защищен отбойником...

И рука была крепка, и движения точны, но не повезло – вот и не удержал жизнь в ладонях...

Удар...

Короткие гудки...

* * *

КОЛЬЦОВ.

Секундная стрелка, сделав полный оборот, взошла в зенит ежеминутной орбиты, отмеченный числом 12, и снова начала падать: постепенно, шаг за шагом, дергаясь при этом всем своим изящным телом.

Минутная дернулась было за ней, но, поскольку была гораздо толще, смогла сделать только один шаг и сразу же остановилась, запыхавшись.

Часовая, их старшая сестрица, неподвижно лежала, вытянув короткое тучное тело по направлению к цифре 4. Для младших стрелок это всегда оставалось загадкой: когда же толстушка успевает пробежать свой круг?

Начало пятого. Проведя в "присутствии" – так он шуточно называл офис фонда "Милосердие и справедливость" – четыре часа, Кольцов засобирался. Не домой, нет: дома его никто не ждал; Кольцов вызвал водителя и предупредил, что в пять они должны быть в Останкино.

Водитель, немногословный крепкий парень по имени Сергей (Макаев даже пошутил однажды: "Раньше русских называли Иванами, а теперь надо называть Сергееми" – довольно точный взгляд со стороны), молча кивнул. В Останкино так в Останкино. Маршрут знакомый.

С тех пор, как шеф закрутил роман с этой молодой журналисткой, Надей, они часто ездили в Останкино. Они приезжали туда к пяти часам – обычно в это время Надя уже заканчивала работу (если не делала в городе какой-нибудь срочный сюжет).

Всякий раз Кольцов дарил ей цветы: это выглядело шикарно. Проезжая мимо цветочного магазина, или ларька, или просто мимо продавца цветов на перекрестке, он командовал водителю остановиться, доставал деньги – каждый раз одну и ту же сумму – и говорил:

– Сережа! Купи, пожалуйста, самых лучших на все. Чтоб без сдачи. И пусть завернут хорошенько, а то накапает воды на сиденье или мне на штаны.

Костюмы Сергей Иванович и впрямь носил дорогие.

Водитель послушно кивал и молча – он почти все делал молча – шел за букетом.

К пяти часам роскошный "Мерседес" неспешно подкатывал к огромному зданию со стенами серого цвета и лениво застывал невдалеке от главного входа, греясь на солнышке и поблескивая солнечными вспышками, отражавшимися в огромных хрустальных фарах.

Наконец выходила Надя. Тогда Кольцов говорил шоферу:

– Посигналь.

Надя, привлеченная звуком клаксона, начинала озираться по сторонам, отыскивая знакомую машину: свободных мест на стоянке перед телестудией никогда не было, поэтому водителю приходилось ставить машину где получится.

Увидев кольцовский "Мерседес", Надя застывала на месте – пропускала знакомых, прощалась с ними до завтра и ждала, когда же они все наконец уйдут.

Убедившись, что никто за ней не наблюдает, Надя быстро ныряла в глубь кожаного чрева, на заднее сиденье, и оказывалась в нежных объятиях подушек кремового цвета, а потом и в объятиях – почти таких же нежных – самого Кольцова.

Они несколько раз быстро целовались, и Надя прятала головку у него на груди; правой рукой он обнимал ее худенькие плечи, а левой – брал букет и осторожно, чтобы не закапать брюки, проносил его над собой и клал Наде на колени: "Это – тебе", – со значением говорил он, заодно разглядывая, что Серега купил на этот раз.

"Спасибо", – почти шепотом отвечала Надя и съезживалась у него под рукой, становилась совсем маленькой, хрупкой и незащищенной: при желании он мог положить ее во внутренний потайной карман своего пиджака.

Далее все шло своим чередом, как по накатанной колее: сначала ресторан, потом – домой: коньяк, фрукты, мороженое, и затем – постель.

Кольцов знал четыре позы и каждый раз использовал все, но в разной последовательности. Себя он считал тонким знатоком секса и думал, что неотразим.

Надя все так же покорно прятала голову у него на груди и собственной инициативы никогда не проявляла, зато исправно всхлипывала, вскрикивала и постанывала, что сильно укрепляло Кольцова в мысли, что он – "мужик шикарный", "настоящий мужчина", "вымирающий вид", "покоритель женских сердец" и так далее: в такие моменты он придумывал себе множество хвалебных эпитетов.

Так продолжалось уже два месяца – время, вполне достаточное для того, чтобы одному из любовников стало скучно.

* * *

А первому стало скучно Кольцову, что естественно – так устроены все мужчины: если им долго не дают желаемого – они недовольны, дают быстро – снова недовольны, если девушка неопытна – им неинтересно, если чересчур опытна – непременно шлюха, – одним словом, тоска по идеалу приводит мужчин в состояние вечного движения. Хорошо это или плохо?

Кто может ответить однозначно? Женщинам это, конечно же, не нравится, но их реакция вполне предсказуема – различия между полами очевидны даже при беглом внешнем осмотре. С другой стороны, именно так обновляется генофонд.

В этом вечном мужском поиске есть нечто изначально трагическое: ведь идеал расплывчат настолько, что становится абсолютно неразличимым; поиск ведется практически вслепую, наудачу, наугад; "я не знаю, что именно я ищу, но непременно узнаю, как только увижу"; поиск ради поиска – так поддерживается постоянное движение; "каждая последующая хуже предыдущей" – закономерный финал.

* * *

Не доезжая до Останкино, Кольцов понял, что не хочет сегодня видеть Надю.
– Разворачивайся! – сказал он водителю. – Едем домой. Что-то я немного устал...
Сергей молча кивнул и включил левый поворотник.

* * *

Довольно быстро – несмотря на час пик и повсеместные пробки – они подъехали к дому Кольцова. Он тяжело вздохнул, повертел в руках ненужный букет и кинул его на переднее сиденье, к водителю:

– На, подаришь кому-нибудь.

Обычно председателя фонда "Милосердие и справедливость" везде сопровождал телохранитель, но на время амурных свиданий Кольцов его отпускал. Поэтому он сказал шоферу:

– Поезжай, я потом тебе на пейджер скину, во сколько завтра надо быть здесь, – хлопнул дверцей и пошел по направлению к подъезду.

– Козел, – сквозь зубы процедил водитель и мягко тронулся с места.

* * *

Кольцов смело входил в темные подъезды – один, без охраны. Да и кого ему было бояться? Прикрытый с одной стороны "чеченцами", а с другой – опричниками майора Прокопенко, он особо не заботился о собственной безопасности. К тому же не было никакого смысла на него давить – Кольцов являлся лицом чисто номинальным и ничего не решал.

* * *

Он со злорадством вспомнил, как на них однажды пытались "наехать". Офис фонда "Милосердие и справедливость" только-только открылся. Штат был совсем небольшой: Кольцов – руководитель, его секретарша, два профессиональных бездельника, которые были оформлены почему-то как "менеджеры" и уборщица.

Еще было несколько человек из "чеченской" бригады, которые числились сотрудниками, но появляться на работе каждый день им не было никакого смысла.

Офис располагался в маленьком особнячке в одном из тихих переулочков в районе Бронных улиц – где-то между Малой и Большой.

Примерно через неделю после открытия офис навестили несколько ребят характерной внешности – неброской и запоминающейся одновременно. Старший с ухмылочкой прошел в кабинет Кольцова и сел напротив него. Лица его Кольцов не запомнил, помнил только, что у него очень дурно пахло изо рта. Настолько дурно, что Кольцов был вынужден закурить, лишь бы перебить чем-нибудь этот противный запах.

Говорили очень вежливо; старший интересовался, чем новоиспеченный фонд собирается заниматься, да какие источники финансирования, а потом – между делом – предложил свои услуги в области охраны.

И вроде бы между делом, но довольно настойчиво.

Кольцов объяснил, что они в охране не нуждаются. Старший нехорошо улыбнулся и сказал, что в охране нуждаются все. Кольцов повторил, что они – не нуждаются, потому что у них охрана уже есть.

Старшего это почему-то разозлило. Он перегнулся через стол и, брызгая капельками желтой слюны, выдвинув вперед нижнюю челюсть, быстро забормотал, что если Кольцов "гонит порожняк", то он ему "кишки выпустит", что он хочет "забить стрелку с его крышей", "перетереть вопросы" и все в таком духе.

С трудом сдерживая брезгливость, Кольцов согласно кивнул и сказал: "Понятно, понятно. Когда и где вы хотите встретиться?"

Старший ответил: "Завтра здесь, в это же время."

Поднявшись, мафиози вышли, по пути разбив цветочный горшок и сунув по морде одному из "менеджеров" – просто так, от нечего делать.

Кольцов тут же позвонил Прокопенко и Макаеву. Немногословные подчиненные майора прибыли через двадцать минут. Опросили всех, забрали пленку с видеозаписью (в офисе было несколько камер скрытого наблюдения) и уехали. Пообещали приехать назавтра в назначенное время.

"Чеченцы" вообще приезжать не стали. Макаев заверил Кольцова, что "все будет нормально".

На следующий день, когда вчерашние нежданные визитеры снова появились в офисе, их ждал сюрприз.

В кабинете за столом Кольцова скромно сидел молодой человек с пухлой папкой под рукой. Он окинул профессиональным взглядом всех сразу – вроде бы мельком, но каждый почувствовал, что молодой человек посмотрел в глаза именно ему и, чтобы не потерять напрасно время, вытащил из кармана удостоверение.

– Садовников! – окликнул он старшего. – Иди сюда, посмотри!

Тот подошел. Не раскрывая удостоверения, молодой человек показал поближе заветные буквы, которые золотом были вытиснены на красной корочке. Затем убрал документы в карман и открыл папку на первой странице. И хорошо поставленным голосом, но негромко – все стояли, опасаясь проронить хоть слово – прочитал всю биографию старшего – от момента рождения и до сегодняшнего дня. Подчеркнул интонацией состав семьи бедолаги Садовникова и адреса квартир, где он может скрываться.

– Ты все понял, Садовников? – строго, как учитель – отпетого двоечника, спросил в завершение молодой человек.

Старший молчал.

– Иди сюда, почитай.

Стульев в комнате больше не было. Кольцов стоял у окна и курил. Старший подошел к столу и хотел было взять папку, но молодой человек положил на нее белую, ухоженную руку.

– Так читай.

Дверь открылась и вошли еще несколько молодых людей, точные копии первого: рослые, плечистые, с уверенными мягкими движениями и властными повадками. Они бесцеремонно расставили всех гостей вдоль стенок и обыскали.

– Читай, Садовников. Твои люди будут ждать на улице, а то здесь душно.

Садовников остался, а прочих вывели за дверь. Но на улице – еще один сюрприз! – их погрузили в грузопассажирскую модель "Газели" – цельнометаллический фургон без окон и с большой боковой дверью. А там уже сидели два "чеченца" с короткими автоматами на коленях и радостно улыбались.

– Поехали покатаемся, – с ужасным акцентом сказал один и широко ощерился, обнажая ровные белые зубы.

Экскурсия за город оказалась не очень веселой. Одного из людей Садовникова расстреляли, второго – задушили веревкой. Двух оставшихся отпустили и посоветовали обо всем молчать. Даже не посоветовали, а как-то лениво порекомендовали: мол, что будет, если послушаетесь, вы уже видели, а в остальном – ваше дело. Словом, специально никого не запугивали.

В это же время в офисе Кольцова молодой человек посмотрел на часы и сказал, закрывая папку:

– Вот что, Садовников. Ты видишь, что мы знаем о каждом твоём шаге. Тебе от нас просто некуда деться. И ссориться с нами не стоит. Поэтому, если хочешь жить спокойно, без проблем – охраняй этот офис. Круглые сутки. Только офис – большего от тебя не нужно. Остальное – не твоё дело. Но сюда – чтобы ни одна тварь не заходила. Понял? Все эти ваши

"стрелки", "базары" – тоже под твою ответственность. Будешь официальной "крышей", понял? Но если только дернешься или расскажешь кому-нибудь – все. И пупкам своим то же самое передай. Свободен, Садовников, – и молодой человек так посмотрел на него, что стало ясно – повторения не будет.

Старший ошалело направился вон из кабинета, но был остановлен окриком молодого человека:

– Охранять снаружи. Я надеюсь, ты это понял? Внутри не заходить, – и сверлил его взглядом до тех самых пор, пока за ним не закрылась дверь.

Кольцов все это время стоял у окна, сорил табачным пеплом на подоконник и думал: "Вот что значит профессия! И у тех, и у других одна и та же задача – подавить противника. Прежде всего подавить морально, потому что устраивать перестрелки вовсе не обязательно. И как все-таки отличаются профессионалы – специально обученные лучшими специалистами в своей области – от любителей. Дилетантов, по большому счету."

Кольцов сам был дилетантом и не знал того, что прекрасно было известно майору Прокопенко: всякий успех нужно закрепить – для этого и организовали поучительную поездку за город под руководством опытных чеченских экскурсоводов. Более того, Прокопенко прекрасно знал и другое: этой мелкой бандитской шушере, как существам примитивно организованным, полагается время от времени прочищать извилину в виде трубы и освежать впечатления, чтобы они получше засели в убогих мозгах. Поэтому Прокопенко уже отметил в памяти, что месяца через три нужно будет повторить процедуру: чтобы не забывали высказывание Эйнштейна насчет того, что все в мире относительно, включая и "крутизну".

Но такие профессиональные тонкости Кольцову, как дилетанту, знать не полагалось.

Главное, цель была достигнута. Садовникова по кличке "Кощей" прекрасно знали в криминальных кругах. Теперь он представлял "крышу" для фонда – служил ширмой для ширмы. Ни за совесть, ни за деньги, а за страх.

И все были довольны.

* * *

В общем, телохранитель был нужен Кольцову для того только, чтобы защитить шефа от уличных хулиганов, да еще помочь отбиться, если какие-нибудь заезжие отморозки попытаются завладеть "Мерседесом":

машина-то роскошная и очень дорогая.

Водитель тоже был неплохо подготовлен: стрелял и владел приемами рукопашного боя он, конечно, похуже, чем телохранитель, но зато получше обычного бандита. А кроме того, обладал специальными навыками вождения.

И все-таки, их главной задачей было не столько охранять Кольцова (не такая уж крупная фигура, к тому же, как известно, незаменимых у нас давно уже нет), сколько следить за ним. Телохранитель сообщал обо всех телодвижениях шефа непосредственно Макаеву, а неулыбчивый водитель Серега – майору Прокопенко.

Возможно, что Кольцов этого не понимал и не чувствовал: по крайней мере, негласные проверки, которые регулярно устраивал Прокопенко, показывали, что, будучи один, Кольцов не пытается вступить в какие-либо посторонние контакты, своей квартиры, как правило, не покидает и довольно постоянен в амурных привязанностях.

Иногда в сопровождении телохранителя он ездил в казино: проиграет тысячу-другую долларов – и домой.

Надины фотографии и биографические данные уже лежали в ящике стола Прокопенко.

Кроме этого, майору было известно, что не так давно Кольцов снял небольшую двухкомнатную квартиру – специально для встреч с Наденькой Макаровой, женщиной маленькой,

игривой и лично майору очень симпатичной – хотя бы потому, что не пожелала взять неблагозвучную фамилию законного супруга – Болтушко.

* * *

ЕФИМОВ. НАПИСАНО КАРАНДАШОМ НА ОБОРОТЕ МАШИНОПИСНЫХ ЧЕРНОВИКОВ.

Я постоянно хожу с толстым блокнотом и все время что-то записываю: внезапно пришедшие мысли, случайно услышанные фразы, интересные сюжеты и метафоры.

Жизнь поражает количеством и разнообразием своих голосов: миллионный хор гудит постоянно, на все лады. Услышать нужные и выбрать их, сообразуясь с собственным представлением о гармонии – это и есть главная задача писателя, потому что прежде всего писатель – это стиль.

Стиль и больше ничего. С возрастом начинаешь понимать: главное – не ЧТО, а КАК.

К тридцати годам успеваешь попробовать почти все. После тридцати интерес представляет не само действие как таковое, а возможность совершить его лучше, чем другие.

Исчезает легкомыслие, появляется легкость – результат длительной, незаметной для посторонних, шлифовки.

Начинают приходиться светлые, совсем простые мысли. Ну, например, что истина всегда лежит неглубоко. Она тем и хороша, что доступна, а иначе – зачем она такая нужна, понятная только узкому кругу?

Или вот еще: зачем Господь создает калек, уродов, умалишенных? Для того только, чтобы напоминать остальным – здоровым и красивым – как они счастливы? Стало быть, никакой самооценностью отверженные не обладают? И созданы только на потребу прочим? Вряд ли – у Бога нет пустяковых творений. Значит, смысл жизни еще проще, чем красота и физическое здоровье. Смысл жизни – просто жить. Жить самому и не мешать другим.

Впрочем, с мыслями надо завязывать. Нельзя их писать – редактор все равно вычеркнет. Скажет: это не имеет прямого отношения к развитию сюжета. И, кстати, будет абсолютно прав: в жизни вообще нет прямых связей и отношений.

Ох уж эти редакторы! Страшные люди. Они всегда готовы тебя в чем-то подправить. Подобное рвение можно сравнить только с одержимостью хулигана, поджидающего свою жертву в темном углу. Представляете: прогуливаетесь вечером по улице, и вдруг на вас с кулаками набрасывается хулиган и бьет, извините за выражение, по морде! То есть вам-то она как раз нравится (ваша морда, я имею в виду). Вы к ней привыкли и, откровенно говоря, не находите в ней никаких существенных изъянов. Но некто от нее явно не в восторге, а потому и лупит по ней увлеченно и с видимым удовольствием, как шаман в бубен. А ваши вялые: "Немедленно прекратите!" и "Как вы смеете!" его только раззадоривают.

Так же и редактор: садится за стол и потирает руки в предвкушении бескомпромиссной битвы с недалеким автором за мировую гармонию. (Экое несуразное предложение – второстепенные члены словно сбились в кучу, нагромодились друг на друга кое-как. Не буду править – оставлю редактору.)

Мне кажется, что Библия, Коран, Тора и так далее, – это все разные редакции одной и той же книги. Выходит, редактор – профессия из древнейших. Жаль только, что прочесть первоисточник нам так и не довелось.

Кстати, парадоксальная мысль: хороший, увлеченный редактор больше любит плохого писателя, потому что с ним – работы больше. Он берет полуфабрикат и доводит до того состояния, которое сам считает приемлемым – это уже не редактор, а соавтор. Честь ему и хвала! Ленивый и плохой редактор ценит хорошего писателя: несколько сносок на полях, подчеркивание волнистой линией, замечание в скобках (с жирным знаком вопроса) и шесть вычеркну-

тых предложений – два в начале, два в середине и два в конце; одним словом, работа проделана немалая. Несмотря на ее полную ненужность.

Хочу посоветовать молодому писателю: увидишь на улице редактора – догони, и дай ему пинка!

* * *

Бывают размышления вслух, а это – размышления в стол. Их никто и никогда не должен видеть: что я, дурак что ли, портить отношения с редакторами? Ведь, если разобраться, именно они правят миром... Они, да еще корректоры...

В общем, откладываю в сторону дневник. Пора бы взяться за...

* * *

"КРОВАВОЕ ЗОЛОТО". НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

– Харону? – недоуменно переспросил Топорков.

– Ну да, конечно, – закивала Нина. – Помните, как в древнегреческой мифологии: покойнику клали в рот монету, чтобы он мог расплатиться с Хароном – перевозчиком через реки подземного царства мертвых.

– А-а-а, – протянул Валерий, словно бы что-то вспомнил. На самом же деле ситуация все больше и больше запутывалась. Право же, окажись этот Харон агентом "Моссада", и то было бы проще. А тут – какая-то непонятная мифология. – А при чем здесь этот Харон? – спросил Топорков.

Нина развела руками:

– Как раз это и предстоит нам узнать. Думаю, что "Харон" – это ключ к разгадке. Если бы...

Она не договорила. Черный "Мерседес", ехавший впереди, стал резко тормозить и прижимать их к обочине. Валерий мгновенно переменялся: молниеносным движением он расстегнул куртку и вытащил из кобуры пистолет. Топорков предпочитал систему "Глок" австрийского производства – у этого оружия масса достоинств: не нужно снимать с предохранителя, не нужно взводить курок, большой магазин – на 17 патронов, и сам пистолет довольно легкий – все панели сделаны из углепластика. У "Глока", по существу, лишь один недостаток – он очень дорогой. Но на оружии, считал Валерий, экономить нельзя.

Левой рукой Топорков сжимал обшитый кожей руль, правой положил пистолет на колени. Не отрывая пристального взгляда от черного "Мерседеса", он нагнулся к Нининым ногам: она вздрогнула от неожиданности и прикрыла колени руками. Стреляный дернул за рычажок, и спинка кресла, на котором сидела Нина, опустилась.

– Перелезайте назад и ложитесь на пол, – отрывисто командовал Топорков. – И не высовывайтесь до тех пор, пока я не скажу.

Нину не пришлось долго упрашивать: она все поняла и, закинув ноги над головой, быстро перекадилась на заднее сиденье и затем на пол.

– Ну, держитесь! – неизвестно кому сказал Валерий и утопил педаль газа. Огромный "Джип" басовито взревел многолитровым мотором и, подпрыгнув на бордюре, помчался по тротуару.

Топорков уверенно вел машину, то и дело поглядывая в зеркала. "Мерседес" поднажал и стал догонять его. Валерий увидел, как медленно отъехало вниз зеркальное стекло на правой передней двери "Мерседеса": в образовавшемся проеме показался ствол автомата.

Топорков резко затормозил: "Мерседес" проскочил вперед. Валерий качнул рулем влево – машина съехала с тротуара. Тогда он выкрутил руль до упора и резко нажал на газ: "Джип" развернуло на месте – покрышки отчаянно завизжали, и запахло паленой резиной.

Топорков отпустил педаль – колеса перестали пробуксовывать; он выровнял руль и снова нажал на газ – машина резко рванула с места. В боковое зеркало увидел, как разворачивается "Мерседес" – через двойную сплошную, "полицейским разворотом".

"Полицейский разворот" делается так: на скорости тридцать-сорок километров в час небольшой увод рулем вправо, чтобы раскачать машину, и сразу же – до упора влево и одновременно с этим резкий удар по тормозам, чтобы машина потеряла устойчивость и сорвалась в занос. Если коробка передач – механическая, то надо еще выжать сцепление, лишив колеса жесткой связи с двигателем. Упражнение, в общем-то, несложное, но весьма полезное.

Тот, кто сидел за рулем "Мерседеса", сделал "полицейский разворот" безукоризненно. Топорков оценил его умение.

Ночью машин на дорогах Москвы немного. Это облегчало задачу и убегающему и догоняющему в равной степени. Одно было плохо – ночью преследователи будут применять оружие не задумываясь. Здесь Валерий явно проигрывал: он должен был и следить за дорогой, и уворачиваться от выстрелов противника, да еще и сам стрелять.

Главная задача – это не дать стрелку, сидящему в "Мерседесе", хорошенько прицелиться. Пуля, выпущенная из "калашников", обладает огромной мощностью. А целая очередь таких пуль, в латунной мягкой оболочке, со стальным сердечником? Прошьет машину – далеко не уедешь. Да и в бензобак могут попасть. А что самое страшное – там ведь Нина.

Топорков смотрел не столько вперед, сколько в зеркало заднего вида. Лишь только в окне "Мерседеса" показывался изящный ствол "калашников", Валерий резко менял направление движения, закладывая виражи, уходил на встречную полосу и нырял в переулки. Но так долго продолжаться не могло. Все-таки "Джип" он и есть "Джип" – машина с длинноходной подвеской, в поворотах не очень устойчивая. "Мерседес" для такой езды явно предпочтительнее. И Топорков видел, что с каждой минутой расстояние между ними сокращается. Необходимо было что-то делать...

– Валерий, – вдруг раздался спокойный голос Нины. – Вы, наверное, не часто убираетесь в своей машине. Мне не очень удобно лежать на полу – видите ли, у вас тут какая-то ребристая граната. Она давит мне прямо в левый бок.

Да! Топоркова осенило: это та самая граната, которую он всегда держал под сиденьем – на черный день. И как он мог про нее забыть! Хотя конечно: в такой жуткой перестрелке, в которую попал недавно Валерий, патроны и гранаты считать не приходилось. Эжектор безотказного "Глока" выплевывал раскаленные гильзы – одну за другой – а рука уже тянулась за новой обоймой: вот какой это был бой!

Перед глазами Топоркова мгновенно промелькнула вся та схватка, из которой он, как всегда, вышел победителем.

Старые друзья, знакомые еще по службе в войсках спецназа, создали охранную фирму и подрядились охранять территорию Н-ской птицефабрики: дела там творились неладные. Местные бандиты обложили птицефабрику данью: каждый день они требовали десять тысяч яиц и тонну окорочков. Яйца продавали оптом украинским рабочим, строившим дома для "новых русских" в коттеджном городке неподалеку. Новоявленные нувориши прослышали, что добавление яиц в раствор – это секрет древних зодчих, благодаря которому стены получают прочными и дома могут стоять тысячелетиями – "а на меньшее мы не согласны!" – говорили "новые русские". "Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи!". Ну, а окорочка продавали в Москве на рынке.

Птицефабрика терпела страшные убытки, и тогда директор сказал начальнику охраны: делайте, что хотите, но так больше продолжаться не может!

Валерий вызвался помочь приятелям. Они разбили эту шуштуру в пух и прах! А последний – пахан – заперся в курятнике и продолжал отстреливаться до последнего патрона. Положение было серьезным: нельзя было медлить ни минуты. Обезумевшие от страха куры теряли яйценоскость прямо на глазах. От этого птицефабрика могла понести еще большие убытки. И тогда Валерий понял: пахана живым не взять!

Под ураганным огнем Топорков быстрой "змейкой" преодолел простреливаемое пространство и подобрался к окну, из которого стрелял бандит. Он сорвал висевшую на бронежилете гранату, вынул чеку и бросил в курятник. Успел только откатиться в сторону и угодил во что-то липкое. Прогремел взрыв.

Тогда, в запальчивости боя, ему показалось, что одну гранату он бросил в окно, а вторая – утонула вместе с бронежилетом в этом чем-то липком. Но нет! Оказалось – вот она! Сейчас она была как нельзя кстати!

– Дайте ее мне, – попросил Топорков и, не оглядываясь, протянул назад руку. Нина с готовностью вложила в нее увесистый кусок холодного металла.

– Смотрите, не промахнитесь, – сказала она. – Больше гранат тут нет.

И – то ли это показалось Валерию, то ли действительно было так – она задержала свои пальцы в его руке чуть дольше, чем следовало: на каких-нибудь тридцать-сорок секунд, но этого было вполне достаточно для того, чтобы Топорков все понял. Он обернулся и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Я не промахиваюсь. Всегда попадаю с первого раза, – четко выговорил он.

– Вы прямо как одна моя подруга – она тоже всегда попадает. И всегда – с первого раза, – вздохнула Нина.

Стреляный усмехнулся. Он нажал на кнопку стеклоподъемника – в салон ворвался ночной прохладный ветер. Топорков резко увел машину на встречную полосу: "Мерседес" повторил его маневр. И вдруг, выждав несколько секунд, он утопил педаль газа и рванул вправо. Водитель "Мерседеса" не успел среагировать, а Валерий одним изящным движением кисти выкинул гранату на асфальт.

– Засекайте время: через четыре секунды – взрыв, – сказал он.

Нина посмотрела на часы: узкий кожаный ремешок нежно охватывал ее тонкое запястье. Взрыв раздался через три секунды. "Мерседес" разнесло в клочья.

– Немного спешат, – отметила Нина, постучав ноготком по циферблату. – Валерий, вы позволите мне вернуться на переднее сиденье?

– Ну конечно, – отозвался Топорков.

– Вы остановите машину? – поинтересовалась Нина. – Или опять прикажете скакать через кресло, задирая юбку?

– Второй вариант представляется мне более предпочтительным, – ответил Топорков, и не думая останавливаться. – У вас такие красивые ноги.

– Да, знаю. Особенно правая, – подтвердила Нина. – Вы, помнится, так говорили?

Она перебралась вперед. Валерий обратил внимание на тщательно сделанный педикюр.

– Какие милые пальчики! – восхитился он. – Интересно, что там, между ними? Особенно – между большими?

Нина обольстительно улыбнулась:

– В вашем вопросе уже есть ответ. Там – интересно. Можете мне поверить! – теперь она не подтягивала юбку книзу, а сидела раскованно, вполоборота к Топоркову, слегка раздвинув свои красивые тренированные ножки.

– Я даже и не думал в этом сомневаться, – заверил ее Топорков.

За окном промелькнула Преображенская площадь.

– Мы скоро приедем, – с намеком произнес Валерий. – Вы не угостите меня стаканчиком сока?

– У меня есть отличный кофе, – ответила Нина. – Я очень люблю кофе. Я пью кофе постоянно – это помогает думать. Хотите немного кофе?

– Нет, благодарю. Я не пью кофе, – отказался Топорков.

– Почему? – удивилась Нина.

– Потому что пить кофе с сахаром – вредно. Сахар и соль – белые враги человека.

– Ну, хорошо. Пейте без сахара, – предложила Нина.

– А без сахара – невкусно. Гораздо вкуснее пить кофе с сахаром.

– Ну тогда пейте с сахаром!

– Да нельзя пить кофе с сахаром! – возмутился Топорков. – Я же вам сказал, что это очень вредно. И вообще, глядя на вас, я что-то сильно сомневаюсь в том, что кофе помогает думать.

– Да нет же. Правда помогает, – настаивала Нина.

– Ну, может быть. Каждому – свое, – подытожил Валерий. – Так вы не угостите меня стаканчиком сока?

– Вы знаете, – с притворным ужасом произнесла Нина, – боюсь, что у меня дома нет сока. Только кофе. Ах, нет! – вдруг что-то вспомнив, спохватилась она. – Есть еще немного мартины! Хотите мартины?

– Нет, спасибо, – Топорков укоризненно посмотрел на Нину. – Я же за рулем. Уж лучше кофе.

* * *

– Вам с сахаром или без? – спросила Нина. Она стояла у плиты и варила кофе, а Валерий сидел за столом и откровенно любовался ею. Нина ощущала его жадный взгляд на себе, она млела и таяла под этим взглядом. Дыхание ее стало частым и прерывистым. Ложечка, которой она помешивала в "турке" кофе, помимо ее воли выписывала круги: то по часовой стрелке, то – против часовой, потом – затейливые "восьмерки" и спирали, затем скребла по стенкам и неистово билась в дно.

Валерий чувствовал ее томление и одновременно видел ее нерешительность. Он встал, подошел и обнял ее сзади за талию: нежно, обеими руками, а потом положил их на ее упругую грудь.

– Не думай, что я такая... – задыхаясь, сказала Нина. – Вообще-то, я не так воспитана.

– Не так, как я? – задумчиво спросил Топорков.

– Не так...

– Я знаю. Меня воспитывала улица, а потом – суворовское училище. Я вижу, что ты – воспитана не так, – успокоил ее Валерий. Он погладил ее твердые выпуклые ягодицы, потом подхватил на руки и понес в комнату. Кофе выплеснулся на плиту и зашипел, распространяя по квартире одуряющий аромат.

– А как же наш кофе? – закрыв глаза, сквозь истому произнесла Нина.

– Не думай о нем... Все равно он тебе не поможет, – Топорков осторожно расстегивал на ней блузку.

– Я думаю только о тебе. Нет, о нас с тобой, – поправилась Нина.

Его губы взяли в плен ее соски, и он с размаху вошел в нее на середине комнаты...

* * *

БОЛТУШКО.

Болтушко медленно катился по серому шершавому асфальту: солнце еще не успело хорошенько его прогреть, поэтому жара чувствовалась не так сильно. Алексей Борисович включил левый указатель поворота и с превеликой тщательностью, словно следуя невидимой разметке,

съехал с дороги на пыльный гравий стоянки. Он остановился, немного не доехав до мальчишки: так, чтобы машина осталась в правой части кадра.

Он сильно нервничал, пытался взять себя в руки, но ничего не получалось. Желая получше рассмотреть тех, кто сидел в белой "копейке", он снял очки, потом вспомнил, что в очках выглядит солиднее, и снова их надел.

В белой "копейке" передние стекла были опущены, и Болтушко увидел двух человек отталкивающей наружности. Они были чем-то неуловимо похожи друг на друга: оба мордатые, небритые, неопрятные. Сквозь задние стекла невозможно было что-либо рассмотреть.

"Значит, их по меньшей мере двое", – смекнул Алексей Борисович. Он оставил ключи в замке зажигания, машину глушить не стал и распахнул дверцу.

Две круглые морды повернулись в его сторону, две пары мутных глаз уставились на него.

Алексей Борисович вышел из машины, приосанился, провел руками по телу, словно оглаживая себя, задержался на мгновение на груди (где в нагрудном кармане лежали доллары) и на ягодицах (где в заднем – лежал баллончик).

Никакой реакции не последовало – даже выражение мутных глаз осталось прежним.

Тогда Болтушко обратил внимание на свои ботинки, особенно – на правый, сделал вид, будто бы только сейчас заметил нечто, прилипшее к подошве и несколько раз энергично топнул ногой.

И это не вызвало интереса.

Тогда он стал прогуливаться позади мальчишки, насвистывая какой-то идиотский мотивчик: что-то вроде "Зайка моя". При этом он то и дело поглядывал на часы: пройдет в одну сторону пять шагов – посмотрит на часы, вернется обратно – опять посмотрит.

Наконец-то его заметили. Со стороны белой "копейки" послышался хриплый голос:

– Эй ты, чучело! Ты, что ли, бабки привез?

Болтушко опешил: ведь Марина рекомендовала его как бандита. Почему же никакого уважения? Он остановился, вперил долгий и пристальный взгляд в то место, откуда донеслись эти слова, и, стараясь, чтобы голос не дрожал, звучно спросил:

– Это вы мне, что ли?

Он пытался быть надменным и даже животиком слегка колыхнул и подбородочек задрал.

– Тебе, а кому же еще? Баклан ты помойный. В шары долбишься? Ведь здесь больше никого нет! – продолжал тот же голос.

Алексей Борисович не нашелся, что ответить. Он дернул головой, отвернулся и плечами пожал – мол, не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне.

А его наглый собеседник и не думал успокаиваться:

– Эй! Сюда иди!

Болтушко, с трудом сдерживая нечаянную дрожь в коленях, вдруг повернулся и гордо вымолвил:

– Если тебе надо, сам иди.

– Я подойду – ты ляжешь, придурок, – пообещал небритый.

Но Алексей Борисович собрал все свое мужество и не тронулся с места. Напротив, он даже немного отступил назад.

Причина такого отчаянного поведения была очень проста: Болтушко боялся, что бандиты не войдут в кадр, и тогда из его затеи ничего не выйдет. Нет, так нельзя! Надо ломать свою жизнь. Ломать через колено! Рано или поздно! Собственно, это делать никогда не поздно. Вот сейчас, например. Сейчас будет видно: кто он такой, Алексей Борисович Болтушко – рыцарь без страха и упрека или так себе – вечный ведущий рубрики "Криминальная хроника недели"?

Эта мысль подбодрила его: настолько, что он собрался с духом и с вызовом через губу процедил:

– Да пошел ты... Бычара деревенский...

Уже потом, анализируя произошедшее, Алексей Борисович пришел к выводу, что все сделал правильно, кроме, пожалуй, вот этого, последнего, замечания. Люди стали как-то очень болезненно реагировать на правду. Нет, в самом деле, если бы он не сказал "бычара деревенский", то, может быть, на два зуба у него осталось бы больше. Да и ребра были бы целы... Впрочем, не факт. Ничего нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью.

Передние двери "копейки" открылись одновременно. Оттуда показались два детины. Они вышли и стали внимательно смотреть по сторонам. Потом, убедившись, что никого рядом нет, решительно направились к Болтушко. Подошли и встали в метре от него.

– Бабки у тебя? – спросил тот, что постарше.

– У меня, – Болтушко держал дистанцию; он описал полукруг и встал спиной к камере.

– А хули ты тогда выпендриваешься? – нервно спросил второй. – Давай их сюда.

Болтушко не нашелся, что ответить. Он осторожно достал из кармана пачку долларов и протянул бандитам. Тот, что помоложе, еще раз огляделся – очень нервно, как показалось Алексею Борисовичу, и схватил пакет с деньгами. Он отошел за спину старшего, вскрыл пакет, пересчитал и коротко бросил:

– Нормально. Пошли.

– Сейчас, – ответил старший, не спуская с Алексея Борисовича глаз. – Так ты говоришь, московский? А, козел?

Болтушко понял, что наступает самый неприятный момент их свидания. Но думал он только об одном: как бы остаться на этом самом месте и не заслонять спиной объектив.

– Сам козел, – со злобой пробурчал Болтушко.

– Ах, я козел? – раззадоривая сам себя, надвигался на Алексея Борисовича старший. Он сжимал и разжимал огромные кулаки. Болтушко четко разобрал у него на правом предплечье татуировку: покосившийся кинжал, розу и отвратительного вида змею, обвивающую весь этот натюрморт неравномерно толстым пятнистым телом, походившим на старый огородный шланг. – Да за козла ответишь, – хрипел детина, и его глазки под рыжими ресницами налились кровью, а в уголках рта показалась грязная пена.

Алексей Борисович поднял руки и прижал локти к туловищу. "Сейчас будет драка", – мелькало в голове. "Но убежать нельзя. Во-первых, пусть их получше камера возьмет. Во-вторых, будут вещественные доказательства. А в-третьих... А в-третьих, чего мне убежать от этих ублюдков?"

Детина вдруг коротко, без замаха ударил его в лицо. Болтушко успел подставить руки и немного смягчить удар. Татуированный снова развернулся всем корпусом и с коротким выкриком снова ударил. Болтушко выставил обе руки вперед, пригнул голову и лягнул нападавшего ногой. Этим он разозлил бандита еще больше, и тот принялся бить куда попало. Алексей Борисович попытался достать баллончик, убрал правую руку от лица и пропустил очень жесткий прямой в голову. И вот тут он, что называется, поплыл. Но перед тем, как упасть на землю, он получил еще несколько таких же мощных, ударов, и отключился окончательно. Надо полагать, пинали его, когда он был уже без сознания.

Сколько это продолжалось, Болтушко, естественно, не помнил. Очнулся он оттого, что кто-то осторожно бил его по щекам. Болтушко застонал и открыл глаза: левая щека распухла и очень сильно болела.

Он увидел кавказца, склонившегося над собой.

– Эй, друг! Ты живой? Вставай!

Алексей Борисович оперся руками и попробовал приподняться. Голова сразу же закружилась и загудела. Перед глазами появились зеленые и желтые круги. Его вырвало.

"Поздравляю", – ехидно подумал про себя Болтушко. "Допрыгался! Вот вам и сотрясение!"

Кавказец покачал головой:

– Вах-вах-вах! Звери! Не люди, а звери. Я их маму имел! Слушай, ну это же надо! Так бить человека!

Он подхватил Болтушко под мышки и потащил:

– Пойдем в тень, дорогой! Я тебе сейчас водички принесу!

Проходя мимо машины, Болтушко увидел разбитое стекло. Не то, чтобы разбитое – триплекс не бьется, но мелкие осколки держались только за счет того, что были приклеены к пленке, а в углублении, провисшем над самым рулем, мирно покоился огромный булыжник.

Алексей Борисович, морщась от головной боли, которая, казалось, прижимала его к земле, подошел поближе и увидел, что ключи остались в замке зажигания, но провода вырваны с корнем. Он оперся на капот и стоял молча. Кавказец участливо похлопал его по плечу:

– Не переживай! Это все можно сделать! Будет незаметно. Пойдем, пойдем.

Болтушко, повинаясь его мягкому нажиму, пошел на край стоянки и сел на запыленную траву. Кавказец принес воды в большом тазу и белую тряпку.

– Сиди, сиди, дорогой, – говорил он и осторожно смывал с лица Алексея Борисовича кровь.

Только сейчас Болтушко внимательно его рассмотрел. Он был полноват, с седыми висками и смуглым лицом. На вид ему было уже за пятьдесят. Когда он начинал причитать, под короткими черными усиками вспыхивал золотой зуб.

– Вах, как же ты так, дорогой? Я все видел – надо было бежать. Ведь они и убить тебя могли. Ты сам из Москвы?

– Да, – выдавил Болтушко. – А как вы догадались?

– Зови меня Армик. Можешь дядя Армик, можешь просто Армик. А чего тут догадываться? У тебя на машине номера-то московские. Я здесь живу, в вагончике. У меня есть изо-лента. Мы твои провода соединим и машина будет работать, до дома доедешь. Как твоя голова?

– Спасибо, дядя Армик. Ничего. Болит немного, но пройдет. А вы знаете этих, которые меня били?

– А, нет. Этих не знаю. Может быть, их Артурчик знает?

– Артурчик? А кто такой Артурчик?

– Ну как кто? – Армик недоуменно развел руками. – Артурчик – это тот, кто за порядком здесь следит. Он – бледнолицый, так же, как и ты. Ты не волнуйся, я их номер записал. Хочешь немного шашлыка?

– Спасибо, дядя Армик. Я сейчас вообще ничего не хочу.

В разговоре с кавказцами Болтушко всегда немного ощущал свою ущербность, раздвоенность. С одной стороны, он был заложником устоявшегося стереотипа, что все они – ну, как бы это помягче... Недочеловеки, что ли... Но с другой стороны, Болтушко прекрасно понимал, что не может быть примитивным человек, знающий в совершенстве как минимум два языка: родной и русский. Он сам, к стыду своему, знал только один язык. Хотел бы он так же свободно говорить на английском или французском, как этот Армик – на русском. Вдвойне ему было неловко, когда кто-нибудь из русских в присутствии кавказцев коверкал или просто безграмотно говорил на родном языке. "Как же так?" – думал он. "Человек идет в нашу культуру, великую культуру, подарившую миру Толстого и Чехова, Бродского и Солженицына (Пушкина и Гоголя дарить не стала, оставила себе, сделав их практически непереводаемыми), и вдруг слышит вместо хорошего литературного языка какое-то беспомощное бляенье. Стыдно за таких соплеменников."

К сожалению, этих людей в последнее время можно было видеть все чаще. Недостаток ума и таланта искупался у них избытком жизненной силы. Эти люди были живучи, как сорняки, их мычание можно было слышать по радио, а тупые лица – видеть по телевидению.

Но это так, к слову. А сейчас Алексей Борисович чувствовал глубокую благодарность к этому пожилому человеку, который так бережно и осторожно за ним ухаживал.

– А тебя как зовут?

– Алексей. Алеша...

– Алеша, пополощи рот хорошенько, у тебя там кровь. По-моему, они тебе зубы выбили.

– Ничего, вставлю золотые, как у вас.

Они негромко рассмеялись.

– Это хорошо, что ты шутишь. Значит, жить будешь, – одобрительно сказал Армик. – Хочешь, я тебе немного вина дам? – он поднялся и собрался идти к своему вагончику.

– Нет, спасибо. Вина не надо. Мне же еще домой ехать. Без стекла да с побитой мордой – меня на каждом посту останавливать будут. А если еще и запах почуют... Нет, спасибо. Ты мне лучше, – Алексей Борисович и не заметил, как перешел на "ты", – их номер скажи.

– А вот, – Армик вытащил из кармана рубашки мятую бумажную салфетку с неровными каракулями и протянул Болтушко. – Только не говори, что это я тебе подсказал: ты приехал и уехал, а мне здесь работать. Семейку кормить. Ладно?

– Конечно. Да я бы их и без тебя нашел, – уверенно сказал Болтушко.

– Как это?

– А вон там, видишь? – Алексей Борисович показал на кусты, в которых он спрятал камеру. – Вон там я поставил видеокамеру, и все снял на пленку. Я же специально не убежал от них, чтобы все было на пленке.

Армик покачал головой и зацыкал зубами.

– Вон оно что. А я-то думал, почему он не убегает? Так ты герой? Получается, вызывал огонь на себя? – он смотрел на Болтушко уже по-другому, с восхищением.

– Ага, – усмехнулся Алексей Борисович, польщенный. – Вроде того. Сейчас я приду, – он тяжело поднялся и, прижимая руку к сломанным ребрам, поковылял через дорогу, в кусты.

Но там его ожидало жесточайшее разочарование. Где камера? Болтушко забыл про боль. Его охватила досада на самого себя и даже какой-то стыд, хотя он ни в чем не был виноват. Ну почему ему так не везет? Получается, все это – зря? Вернется домой, как последний дурак: без зубов, с переломанными ребрами, на разбитой машине, да еще и без камеры. Черт! Он выругался, сплюнул, посмотрел на обрывки скотча, обмотанные вокруг ствола, и понуро поплелся обратно.

Армик, нахмурившись, смотрел на него, но не сказал ни слова. Болтушко подошел поближе и развел руками:

– Нет там камеры. Не знаю, кто мог ее взять?

Армик всплеснул руками:

– А кто? Никого больше и не было. Только я, ты, да эти бандиты.

Он помолчал, пощипал усики и вдруг ткнул в небо указательным пальцем с грязным квадратным ногтем:

– Слушай, да это же Коля ее взял! Мальчик, который рыбой торгует! Как только драка началась, он сразу подальше убежал, это я точно помню. Через дорогу – и в лес. Вот он и взял.

– Ты думаешь? – у Алексея Борисовича появилась какая никакая, но все же надежда.

– Конечно, а кто же еще? Тут даже ни одна машина не проезжала. Это Коля взял.

– А как его найти, этого Колю?

Армик поджал губы:

– Не знаю, дорогой. Он тут постоянно сидит, рыбой торгует, а где живет – не знаю.

– А кто может знать? Как его фамилия?

– Нет, фамилию не знаю. А вот Артурчик, наверное, знает. Спроси у него, может, он тебе скажет. Только, – Армик поморщился, – с ним тоже надо поосторожнее. Он очень нервный.

– Он здесь каждый день бывает, этот Артурчик? – Болтушко снова поверил в свою счастливую звезду.

– Когда как, – пожал плечами Армик. – Видишь, место у нас глухое, прибыль небольшая. Он может приехать сегодня, а может – нет. Подожди. Все равно машину тебе придется делать. Посиди пока, я схожу за ножиком и изолянткой.

Потом он помогал Болтушко. Вместе они вытащили разбитое стекло и отнесли его на помойку. Затем Армик зачистил оборванные провода, соединил между собой и замотал изолянткой. Машина завелась.

Потом головная боль у Алексея Борисовича маленько успокоилась. Армик принес арбуз, подаренный водителями КамАЗов. Вдвоем они съели весь арбуз.

Потом были немногочисленные посетители. Армик попросил Болтушко не пугать их своим растерзанным видом и отправил его в вагончик, а сам суетился около мангала, поджаривая шашлыки.

Постепенно жара спала, и воздух начал остывать. Он стал не такой плотный и не такой прозрачный – близилась сумерки.

И вот – со стороны дороги послышалось стрекотание, и показался светло-салатовый "Мерседес" – большой, старый. Он отчаянно коптил и распространял вокруг себя запах отработанной солянки.

Армик весь как-то подобрался и толкнул Алексея Борисовича:

– Смотри, это он, Артур!

Болтушко еще раз ошупал лицо и приготовился к конструктивному диалогу.

* * *

Из "Мерседеса" вылез небольшого росточка паренек в черных джинсах, черной рубашке и солнцезащитных очках. Был он, естественно, коротко стрижен, и постоянно презрительно улыбался. При ходьбе старательно кривил ноги и втягивал голову в плечи. Руки его неподвижно свисали вдоль щуплого туловища. Он поминутно сплевывал и нервно дергал бровями.

Его "железный конь" был одного возраста с хозяином, но Артур относился к нему без должного уважения. В частности, он очень сильно хлопнул дверь, иначе она не хотела закрываться.

Стуча каблучками, Артур пошел по направлению к кафе. Через несколько минут он вышел оттуда и, сплюнув прямо на крыльцо, зашагал к Армику. Тот засуетился, стал выкладывать на одноразовую картонную тарелочку лучшие куски шашлыка.

Болтушко постарался придать своему облику максимально возможную – насколько позволял его внешний вид – солидность.

Артур подошел и уселся на длинную скамью под навесом. Армик поставил перед ним тарелку с ароматным мясом. Артур принялся, брезгливо скривился и, подцепив пальцами кусок покрупнее, отправил его в рот. Пожевал. Проглотил, издав при этом какой-то булькающий звук. Потом спросил:

– Ну как тут? Все нормально?

– Да, да. Все спокойно, – ответил Армик.

– Никто не наезжает? – угрюмо продолжал Артур.

– Нет, все в порядке.

Артур съел еще кусок.

– А это кто такой? – он ткнул пальцами в Болтушко.

– Да это, понимаешь, человек один. Беда у него случилась, – начал рассказывать Армик. –

Избили тут его, понимаешь?

– Ну и что? – Артур рыгнул. – А я здесь при чем?

Алексей Борисович понял, что настало время вступить в разговор.

– Артур, ты мне не поможешь? – мягко произнес Болтушко. – Мне надо найти мальчика, Колю, который тут рыбой торгует.

Артур уставился на Алексея Борисовича.

– Зачем? Ты что, свидетелей ищешь?

– Да нет. Он мог взять одну вещь...

– Какую вещь?

– Ну... Видеокамеру.

– Да?! – Артур отодвинул тарелку. – А за базар ответишь? Ты что ему, дело шьешь? Ты отвечаешь, что это он твою камеру поднял?

– Нет, я не видел, но больше некому... – пытался объяснить Болтушко, но Артура понесло.

– Ты что, совсем о...ел? Ты меня стукачом заделать хочешь, да? Да таких, как ты, на зоне петушат, понял? Нет, ты понял меня, козел? – наседали на него.

– Ну ладно, ладно, – примирительно сказал Болтушко, пытаясь успокоить Артура.

– Да хули мне твое "ладно"? Вали отсюда, и чтобы я тебя больше здесь не видел! Понял? А не то – вообще п...ец тебе! Так отметелю – жить не будешь! Понял?

Болтушко молча кивал. Артур встал, сплюнул под ноги и пошел к машине.

После нескольких попыток "Мерседес" завелся, выпустил столб черного дыма и, степенно покачиваясь, тронулся с места.

Армик развел руками: извини, мол, больше ничем помочь не могу.

Болтушко кивнул в ответ:

– Не очень любезный молодой человек, – постоял немного в задумчивости. – Спасибо тебе, Армик, за помощь, – развернулся и пошел к машине.

Он завел свою "шестерку", надел темные очки, хоть и сгушались сумерки – ехать-то предстояло без лобового стекла, будет всякая дрянь лететь в глаза – включил фары и покатился назад, в Москву.

И вроде бы ничего хорошего этот день не принес, но все равно Алексей Борисович чувствовал себя немного героем. И, надо сказать, не без оснований. И ему было от этого чуточку легче.

* * *

РЕМИЗОВ.

Ну вот и все. Выходные подходили к концу. Еще несколько часов – и настанет понедельник, первый рабочий день. Ремизова это очень радовало.

В воскресенье после обеда он вооружился ведром, тряпками и пошел мыть машину. Настроение настроением, а машина всегда должна блестеть – примерно как ботинки.

Он сунул пейджер в карман и вышел из подъезда.

Гаража у него не было, да он и не нужен: кто позарится на старую "восьмерку"? В любое время года машина стояла прямо перед домом: из окна кухни ее было хорошо видно. Ремизов занимался ремонтом сам – ему нравилось все делать самому, потому что всякое умение – это дополнительная степень свободы. Летом он потихонечку "перебирал" ее, заменяя изношенные детали новыми – это позволяло разнести траты во времени; а зимой – приходилось ездить в автосервис неподалеку от дома; но там брали недорого и делали хорошо.

Ремизов поставил ведро с водой на асфальт и открыл машину. Сначала надо убраться внутри: протереть пыль, помыть коврики, поправить чехлы на сиденьях.

Он только успел намочить тряпку, как запищал пейджер. Ремизов быстро полез в карман, замирая от мысли, что это может быть Надя и одновременно – злясь на самого себя за эту глупую надежду: никакая это не Надя – кто угодно, но только не она.

Он достал пейджер и прочитал сообщение: неизвестный просил его позвонить. Номер телефона был приведен тут же.

Ремизов почувствовал радостное возбуждение: вот она, работа!

* * *

Но прежде всего он помыл машину. Кто бы ни был этот пославший сообщение, но, во-первых, он не просил позвонить срочно, в ту же минуту, а, во-вторых, Ремизов знал себе цену: он ведь не "Скорая помощь".

Ремизов помыл машину, поднялся домой, принял душ, быстро поел и снова спустился во двор. Он завел свою "восьмерку" и проехал несколько кварталов. Остановился рядом с таксофоном и набрал номер, указанный в сообщении.

Он всегда так делал: в самом деле, не звонить же с домашнего аппарата. А если у того, кому он звонит, определитель? Зачем лишний раз светиться? По этой же причине он не хотел пользоваться мобильным. Обычно в таких случаях он старался звонить с работы: номер редакции – ни для кого не секрет. Но сегодня, в воскресенье, ехать в редакцию не хотелось. Поэтому он подошел к таксофону и снял трубку. Приготовил на всякий случай два жетончика: первый может проглотить, если вдруг сработает определитель.

А он действительно сработал – Ремизов мысленно похвалил себя за предусмотрительность и осторожность. Затем, после недолгого шипения, ему ответили.

– Да! Слушаю! – отрывисто произнес приятный мужской голос.

– Это Ремизов! – вместо объяснений сказал журналист.

– А-а-а! Андрей Викторович! – обрадованно удивился голос.

– Нет. Владимирович, – поправил его Ремизов.

– Ой, извините, – сконфузился собеседник. – Конечно же, Владимирович. У меня записано... Да, действительно... Владимирович...

Ремизов усмехнулся: это выглядело по меньшей мере смешно – можно подумать, что он плохо помнит свое отчество, а незнакомец пытается его поправить. Уличить в неведении. Или во лжи. Такое поведение уже кое-что говорит о человеке: в частности, что он излишне уверен в себе и своей правоте.

– А вы кто? – поинтересовался Ремизов. – С кем имею честь?

– Мое имя вам ничего не скажет. – Ага-а-а... – протянул Ремизов. – Вы что же, хотите сохранить инкогнито? Ладно. Но вам так или иначе придется ответить на несколько моих вопросов. Ну, например, как вы узнали мои координаты? Может быть, у нас есть общие знакомые?

– Нет, нет, – чересчур поспешно ответил мужчина. И эта поспешность сразу же заставила предположить обратное. – У нас нет общих знакомых. Я, собственно, узнал номер вашего пейджера... Через третьи руки: мне его дал один приятель, а ему тоже кто-то дал... Не помню кто...

Ремизову не понравился весь этот разговор с первой же минуты, и только профессиональная дотошность не позволяла повесить трубку.

– Хорошо, допустим, все так, как вы говорите, – Ремизов выдержал паузу. – Зачем вы хотели, чтобы я вам позвонил?

– М-м-м... – мужчина замялся. – У меня есть сведения, которые могут вас заинтересовать.

– Какого рода эти сведения? – напрямик спросил Ремизов. – Скажите хотя бы о ком. Видите ли, вам может казаться, что меня это заинтересует, а на самом деле – нет. Я должен оценить хотя бы приблизительно.

– Ну, скажем так, это разоблачения некоторых финансовых махинаций Красичкова и Берзона. Вывоз капитала, сокрытие от налогообложения и так далее.

Ремизов помолчал, обдумывая. Берзона знает вся Москва. Это очень влиятельный человек, близкий к властям. Ходят упорные слухи, что он – один из крупнейших в Москве криминальных авторитетов, но это только слухи. В нынешнее время все крупные бизнесмены – немножко мафиози. А мафиози – бизнесмены. И это ни для кого не секрет. Бизнес заимствует у мафии методы работы, а мафия рвется в бизнес – такое вот взаимное проникновение. Ничего не разберешь.

– Я хотел бы взглянуть на эти документы. Естественно, насчет публикации ничего определенного обещать не могу. Вы же понимаете, я не могу оперировать непроверенными фактами. А уж тем более – недостоверными.

– Да, конечно, вы правы, – поспешил согласиться незнакомец. – Я это понимаю.

– Поэтому давайте встретимся, вы мне дадите документы, я их проверю, а потом уже будем говорить о публикации. Такой вариант вас устраивает?

Незнакомец помялся.

– Пожалуй, – после паузы ответил он.

– Хорошо, – Ремизов разговаривал довольно жестко. – Еще несколько вопросов: почему вы не хотите себя назвать? Опасаетесь Берзона? Или этого, второго? Как его? – фамилия Красичков не говорила ему ровным счетом ничего.

– Красичков Иван Степанович. Это известный человек, хозяин "Лесэкспо". Эта компания с большим годовым оборотом, крупнейший экспортер леса из России...

– Вы не ответили на мой вопрос, – прервал его Ремизов. – Вы кого-то из них опасаетесь?

– Вообще-то нет... – сказал мужчина. – Вы знаете, давайте познакомимся при встрече. Я не хочу по телефону...

– Хорошо. Когда вам будет удобнее встретиться? Завтра, ближе к обеду? Где-нибудь в центре, о месте я сообщу дополнительно. Устраивает?

– Да. Вполне.

– С вами можно будет связаться по этому телефону?

– Нет, я вам лучше дам номер мобильного. Это домашний телефон.

Ремизов рассмеялся:

– Вы никудышный конспиратор. По номеру телефона я через две минуты узнаю, кто вы такой и где живете.

Теперь рассмеялся его собеседник:

– Это съемная квартира. Я здесь редко бываю.

– Ну хорошо, – согласился Ремизов. – Давайте мне номер вашего мобильного, завтра в обед я вам позвоню и мы договоримся, где сможем встретиться. Согласны?

– Да, конечно, – подтвердил его собеседник. – Записывайте.

* * *

Этот бестолковый разговор не прояснил для Ремизова ничего. Он попытался систематизировать те немногие факты, которыми располагал, и получилось следующее: некто хочет передать якобы имеющиеся у него сведения о каких-то финансовых махинациях Берзона, которые тот совершил вместе с неведомым Красичковым. При всем при том этот некто представляться не желает, откуда взял номер ремизовского пейджера, не говорит, и вообще какой-то он странный и подозрительный.

К такого рода звонкам Ремизов относился очень осторожно: большинство информаторов стремятся использовать прессу для достижения личных, порою весьма сомнительных, целей.

Он уже заранее не доверял своему собеседнику, но, тем не менее, собирался с ним встретиться: хотя бы для того, чтобы убедиться в правильности своих предположений.

* * *

В понедельник Ремизов пришел в редакцию около десяти часов утра. Он все-таки выяснил адрес квартиры, из которой вчера говорил с ним незнакомец – на всякий случай, пусть лучше будет; поднял архивы на Красичкова, убедился, что он – тоже очень крупная фигура, под статью Берзону; подумал, стоит ли позвонить Илье – чтобы подстраховал его во время передачи документов, но потом решил, что не надо отвлекать Илью от работы, все равно ведь потом придется обращаться к нему с просьбой проверить полученный компромат.

Ремизов сходил в буфет, выпил кофе, съел булочку с корицей. Посмотрел на часы: половина второго. Пора.

Он шел по коридору, заглядывая в кабинеты. Время обеденное. В кабинете, в котором обычно сидел Болтушко, никого не было.

Удача! Ремизов набрал по памяти номер. Сначала было занято. Чтобы хоть чем-нибудь себя занять, он стал глазеть на стены, календари, картинки... Потом ему пришла в голову одна интересная мысль. Ремизов приоткрыл дверь в коридор, посмотрел: никого нет. Он вернулся к столу Болтушко и открыл ящик. Он и сам не знал, что ожидал там увидеть: просто было любопытно.

Алексей Борисович не оправдал его надежд: фотографию жены он на рабочем месте не держал. Ремизов с сожалением закрыл ящик и потянулся к телефонной трубке. Снова набрал номер.

На этот раз ему ответили:

– Да!

– Это Ремизов, – представился он. Помолчал и добавил, – Андрей Владимирович.

Голос в трубке рассмеялся:

– Да, я помню. Располагайте мною, как хотите.

– Давайте встретимся через полчаса в "Макдональдсе", что на Пушкинской. Вас это устраивает?

– Конечно.

– Как вы меня узнаете?

– Ну-у-у... – его собеседник задумался. – Я даже не знаю.

– Я высокий, метр восемьдесят. Цвет волос – светло-русый. Буду одет в летний светло-серый костюм, галстук – черный с белым. Или белый с черным – что-то в этом духе. Этаким геометрический узор. Я буду стоять у входа, ну а в руках, как положено, буду держать газету. Как в фильмах про шпионов. Угадайте, какую?

– Какую газету? – переспросил незнакомец. – Я уже догадался – "Столичный комсомолец", конечно же.

– Правильно! – похвалил его Ремизов. – Думаю, что мы не потеряемся. Ну все, до встречи. Постарайтесь не опаздывать, – он повесил трубку.

* * *

Ровно через двадцать пять минут он стоял на входе с газетой. За пять минут он успел профессионально пробежать глазами почти две страницы, как вдруг заметил на себе чей-то внимательный взгляд. Высокий блондин, красиво и дорого одетый, подошел к нему и спросил:

– Вы – Ремизов? Андрей Владимирович?

Ремизов кивнул.

– Здравствуйте, очень приятно. Это я вас побеспокоил. Моя фамилия Кольцов. Кольцов Сергей Иванович.

Они пожали друг другу руки.

* * *

– Вы извините меня за эту глупую конспирацию, – оправдывался Кольцов. – Мне приходится снимать квартиру, но я там бываю нечасто. И подозреваю, что соседи поставили параллельный телефон. Вот поэтому мне и не хотелось называть свою фамилию.

Ремизов кивал, делая вид, что его устраивает подобное объяснение. Он потягивал клубничный коктейль. Перед Кольцовым стоял большой стакан "Кока-колы".

– А вообще-то мне скрывать нечего – Кольцов Сергей Иванович. Вот. Правда, есть здесь одна тонкость...

Ремизов удивленно поднял брови, словно желая подбодрить Кольцова:

– Какая же?

– Видите ли, Иван Степанович Красичков – мой бывший тесть. Мы с его дочерью совсем недолго прожили вместе. Но все равно я бы не хотел, чтобы это выглядело как месть отвергнутого... М-м-м... – Кольцов покрутил пальцами, подбирая нужное слово.

– Я понимаю, – прервал его Ремизов. – Давайте перейдем к делу. Вы можете мне рассказать, как к вам попали эти документы? Законным путем?

Было видно, что Кольцов замялся:

– Понимаете, – в который раз начал он, – я в свое время тоже работал с Иваном Степановичем. Мы вместе создавали предприятие, которое он сейчас возглавляет. Естественно, что у меня остались неплохие связи с работниками, в том числе и с высшим руководящим звеном. Сведения достоверные, можете не сомневаться.

– Давайте, – Ремизов разложил на столе газету, Кольцов достал несколько листов бумаги, сложенных пополам. Ремизов ловко завернул их в газетный лист.

– Хочу вас спросить, – Ремизов внимательно посмотрел Кольцову в глаза. – А какой вам интерес от скандала вокруг Берзона и Красичкова?

– В каком это смысле? – не понял Кольцов.

– В прямом, – отрезал Ремизов. – Насколько я успел понять, вы не заместитель Берзона. Вы также не работаете у Красичкова. Стало быть, желание подсидеть начальника мы отмечаем. Второе: денег вы не просите, вы – человек небедный. Так ведь?

Кольцов самодовольно усмехнулся.

– Значит, вы просто хотите скандала – скандала в чистом виде. И, как мне кажется, любой ценой. Я не исключаю такую возможность, что все это, – Ремизов постучал пальцем по газете, – дезинформация, а меня вы решили использовать "втемную". Может такое быть? А, Сергей Иванович?

Кольцов снова улыбнулся:

– Тогда бы я предложил вам деньги. Попытался бы вас купить.

– За сколько? – Ремизов был абсолютно серьезен.

Кольцов задумался: он не ожидал этого вопроса.

– Ну... Скажем, десять тысяч. А?

Ремизов посмотрел на него оценивающе:

– Мало. Если вы помните, честный журналист продается только один раз. Но ведь это нужно сделать так, чтобы обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Согласны?

– Согласен. Надо продать себя выгодно. Не продешевите – если вы, конечно, честный журналист.

– Именно поэтому десяти тысяч мне мало.

– А сколько бы вам хотелось? – словно невзначай спросил Кольцов.

– Сто как минимум, любезный Сергей Иванович, – Ремизов внимательно следил за реакцией собеседника. – Причем сразу.

Кольцов поджал губы и наморщил лоб: он задумался.

– Ну, нет, Андрей Владимирович. Сто – это все-таки многовато. Нет, сто – это сумма нереальная.

– Как хотите. Нет – значит нет. А за десять продаваться просто смешно. Правда ведь?

– Да, пожалуй, – согласился Кольцов. – Десять тысяч – это не деньги.

– Ну ладно, с вашего позволения, подведем итог нашей беседе, – Ремизов положил руку на газету. – Я все внимательно прочитаю, проверю, и постараюсь уже завтра с вами связаться. В крайнем случае – послезавтра. Номер вашего мобильного у меня есть. Так что... Все, спасибо за ваше предложение.

– Пока не за что, – отозвался Кольцов.

Мужчины встали и еще раз пожали друг другу руки. Ремизов не стал сразу уходить – подошел к стойке, чтобы заказать еще что-нибудь. Ему хотелось увидеть, куда пойдет Кольцов, в какую машину сядет, будет ли его кто-нибудь сопровождать, и т. д. Он увидел все, что хотел: следом за Кольцовым направился спортивного вида широкоплечий мужчина. Во время их разговора он сидел за столиком неподалеку и делал скучающее лицо. Ремизову он сразу показался подозрительным. Так и есть: мужчина обогнал Кольцова и открыл дверцу "шестисотого" "Мерседеса", стоявшего рядом со входом. После того, как Кольцов сел на заднее сиденье, мужчина осмотрелся и быстро запрыгнул на переднее. "Мерседес" сорвался с места и исчез, оставив легкое облачко пыли. Ремизов расплатился, взял свой пакет с чизбургерами и "Кока-колой", поблагодарил девушку и вышел на улицу.

Он спустился в подземный переход, вышел у редакции "Известий", посмотрел, где парковщик. Убедился, что он далеко – занят с другим водителем – быстро завел машину и укатил прочь.

* * *

Вопросов было предостаточно: ну, например, первый и самый важный – кто такой Кольцов? Чего он хочет добиться? Что это за документы? Почему для него так важно, чтобы эти документы получили широкую огласку? Важно до такой степени, что он готов заплатить сумму, значительно превышающую десять тысяч долларов, хотя и меньшую, чем сто? Впрочем, Ремизов видел, как он колебался. Ему показалось, что Кольцов готов если не заплатить сто тысяч, то по крайней мере подумать над этим. Нет, это неспроста.

Ремизов ехал по Бульварному кольцу и размышлял над всеми этими вопросами. Он ехал в сторону набережной Москвы-реки. У Храма Христа Спасителя развернулся и отправился назад, на ходу прикидывая различные варианты.

Так потихоньку он добрался до Петровского бульвара. Свернул налево, на Петровку и остановил машину недалеко от знаменитого здания, проехав чуть вперед.

Здесь он положил газету на колени и развернул сложенные листы – те, что передал Кольцов. Их всего было три. Все они были распечатаны на принтере. Первый содержал текстовую информацию, на втором были нарисованы нехитрые схемы, а на третьем – номера банковских счетов. Ремизов все быстро прочитал и удивился грамотности и простоте изложения. Его заинтересовал этот материал – он был сделан с таким расчетом, что не мог не заинтересовать, но это-то и настораживало. "Нет, надо обязательно посоветоваться с Илюхой", – решил Андрей Владимирович. "Он точно скажет, в чем здесь подвох. Не может быть и речи о публикации ТАКОГО материала без тщательной проверки."

Он достал мобильный – вот теперь Ремизов имел полное право позвонить за казенный счет.

– Илья, это Андрей. Привет. Не сможешь представителю четвертой власти. На правах старшего товарища? Как представитель власти с предыдущим номером? Да нет, тут немного: всего три листа. Ну, хотя бы приблизительно. Мне важно твое мнение: туфта это или нет. Илюха, чем быстрее, тем лучше. Я, вообще-то, прямо перед зданием стою. Может, ты выежишь на минутку, возьмешь? Ладно? Ну спасибо. Да, вот еще что. Мне нужно знать все об одном человеке. Некто Кольцов Сергей Иванович. Говорит, что был зятем Красичкова Ивана Степановича, но, может, врет. Красичков – это бывший работник Внешторга, а ныне – простой российский миллионер. Ну спасибо, уважил старика. Жду.

Бурлаков появился через несколько минут. Он посетовал на ненормированный рабочий день, свою извечную занятость и все возрастающие аппетиты Ремизова. Тот в ответ строил умильные рожи и прижимал руки к сердцу. Наконец Илья убежал, пообещав к вечеру завтрашнего дня ответить на все интересующие Ремизова вопросы.

И Ремизову ничего не оставалось, кроме как ждать.

* * *

КОЛЬЦОВ.

На прошедшей неделе Кольцов дважды встречался с Макаевым: во вторник и в пятницу.

Время поджимало: Макаеву необходимо было как можно быстрее приступить к реализации своих планов. Первоочередная задача – дискредитировать кандидатов, ставленников Берзона.

Это не было стратегической задачей – скорее, первым шагом на пути к поставленной цели. У Макаева не возникал вопрос "через кого сливать компромат?" – Кольцов подходил для этого как нельзя лучше. Он уже однажды выступал по телевидению, давал несколько раз интервью различным газетам; благодаря стараниям Макаева его даже знали в лицо некоторые весьма солидные и влиятельные люди.

Макаев вложил в Кольцова кое-какие усилия и деньги, и теперь мог рассчитывать на равноценную отдачу.

Но перед тем, как вводить в игру Кольцова, необходимо было провести с ним подготовительную работу – чтобы четко представлять, чего от него можно ожидать в дальнейшем.

Поэтому во вторник Макаев пригласил Кольцова к себе домой. В гости.

Подобной чести Кольцов удостаивался впервые: до этого они встречались в офисе фонда, в ресторанах, клубах и загородных домах, но в свою городскую квартиру Макаев его пока ни разу не приглашал.

В назначенный час "Мерседес" Кольцова подъехал к большому сталинскому дому неподалеку от Киевского вокзала. Телохранитель вышел первым, открыл дверь. В просторном парадном их встретили два угрюмых, до синевы выбритых брүнета. Они в знак приветствия кивнули телохранителю, он им также ответил молчаливым кивком. Вместительный лифт с зеркалами на стенках привез Кольцова с телохранителем на пятый этаж. Там на лестничной клетке прогуливался третий брүнет, точная копия первых двух. Увидев гостей, он поднес к губам миниатюрную рацию и что-то негромко сказал. После этого замок щелкнул, и большая тяжелая дверь бесшумно отворилась.

Телохранитель отправился вниз, коротать время с шофером, а Кольцов вошел в квартиру.

Первое, что поразило его – это полы. Точнее, не сами полы, а то, что они были сплошь устланы коврами – толстыми, с длинным ворсом, самых ярких расцветок.

Кольцов снял ботинки и осмотрелся в поисках каких-нибудь домашних тапок, но их нигде не было. Здесь же, в прихожей, стояли туфли хозяина. В туфлях сморщенными комочками лежали черные шелковые носки. Кольцов перевел взгляд на Макаева: тот был в костюме – дорогом, английском, сшитом на заказ – и босиком. Это поразило Кольцова еще больше, чем покрытые коврами полы.

Макаев поймал его удивленный взгляд, еле заметно улыбнулся и сказал:

– Проходи, дорогой, – указывая рукой на комнату.

Кольцов прошел, с интересом глядя по сторонам. Ковры – везде были ковры. Они лежали на полу, на низких широких диванах, ими были увешаны все стены.

На одной из стен красовались сабли, шашки, кинжалы и ятаганы – все старинные, насколько мог понять Кольцов. Хотя он не очень-то разбирался в таких вещах.

В той комнате, куда пригласил его Макаев, стоял огромный стол, сплошь уставленный блюдами и бутылками. Мало того – на низеньких столиках, выстроившихся вереницей вдоль стены, также было полно всяческих яств и напитков. Кольцов даже подумал, что Макаев ждет еще гостей – как минимум человек сорок.

– Я не спросил у тебя, что ты любишь, поэтому пришлось заказывать все подряд, – увидев его замешательство, объяснил Макаев. – Если здесь чего-то не хватает, ты скажи.

– Нет, спасибо, – отозвался Кольцов. – Все очень хорошо.

– Что ты будешь пить? – спросил Макаев. – Водка, коньяк, виски, вино...

– Пожалуй, виски, – помедлив, ответил Кольцов. – "Джонни Уолкер", блэк лейбл, если есть.

– Конечно, – Макаев налил ему виски в большой хрустальный стакан с широким дном, себе – немного вина. – Давай выпьем за то, чтобы мы лучше понимали друг друга. Это сейчас самое главное.

– Точно, – поддакнул Кольцов, поднимая стакан. Он выпил все – до дна. Макаев же слегка пригубил.

Некоторое время Макаев сидел молча, словно задумавшись, и внимательно смотрел, как Кольцов накладывает себе на тарелку большие, еще дымящиеся куски ароматного нежного мяса в каком-то умопомрачительном соусе.

– Ты знаешь, Сергей, – сказал он наконец, – я давно хочу с тобой поговорить, – он подлил ему еще виски. – Тебе надо определяться. Я ни на чем не настаиваю, я просто хочу, чтобы ты сам сделал свой выбор.

Кольцов отодвинул тарелку:

– Что ты имеешь в виду?

Макаев посмотрел на него почти с отеческой нежностью:

– Да ты поешь, поешь. У нас с тобой разговор двух друзей. Семейный, можно сказать, разговор. Поешь и выпей, – он поднял свой бокал, – давай выпьем за нашу дружбу.

Они чокнулись и снова выпили. Кольцов опять принялся есть.

– Понимаешь, – Макаев почесал чисто выбритый подбородок, – я часто в последнее время думаю: вот есть Серега, мы с ним делаем дело. Хорошо делаем. Но... Кто он такой, этот Серега Кольцов? Какое у него будущее? Что он собирается делать дальше? Ты вроде как человек Иосебашвили. Хорошо. Пусть так. Но что вас связывает на самом деле? Ничего. Как только ты станешь ему не нужен, он тебя выбросит, не задумываясь. В тот же момент. Неужели тебя это устраивает?

Кольцов в ответ пожал плечами:

– А разве у меня есть выбор?

Макаев снова улыбнулся: спокойно и вместе с тем очень хитро.

– Пока не было. Но сегодня я именно это и хочу тебе предложить.

– И что же? – Кольцов не отрывался от еды.

– Я хочу, чтобы ты был с нами, – веско сказал Макаев. – Ты нужен нам, а мы нужны тебе. Я не хочу с тобой хитрить. Нам ни к чему друг друга обманывать: от этого никакого толку не будет. Поэтому давай поговорим открыто. Ты знаешь, что сейчас творится в стране. Нас не любят. Нас не считают за людей, все думают, что мы – звери.

Кольцов не удержался и опять украдкой взглянул на его голые ноги: Макаев медленно двигал ступнями по ковру и шевелил пальцами. Он сделал вид, что не заметил этого взгляда.

– Нам нужны люди, которые помогали бы делать некоторые дела. Я сначала просто приглядывался, а теперь вижу, что тебе можно доверять. Я бы хотел, чтобы ты теснее работал с нами. Ты пойми главное, Сергей. Что бы там ни говорили, как бы сильно нас ни прижимали, все равно – за нами будущее. Любое общество нуждается в мафии. Абсолютно любое. Хотя бы потому, что в мире до сих пор продолжают существовать многие виды преступного промысла: например, проституция, наркотики, торговля оружием, и т. д. И в этой области порядок совершенно необходим. Причем, может быть, даже в большей степени, чем, допустим, в легкой промышленности. Но ведь государство не может эффективно бороться со всеми этими вещами – потому что не располагает действенными методами борьбы. Ну и, конечно, вопросы морали играют не последнюю роль – разве может государство брать налог с проституток? И вот тут помогает мафия. Она берет преступность под контроль. Заметь, мафия есть везде – и в самых развитых, и в самых бедных странах. Как правило, самая сильная мафия – это представители национальных меньшинств, потому что именно они обладают самым богатым опытом выживания. Плюс, конечно, некоторые национальные обычаи. Вот мы – мафия. Потому что мы – семья. И если кого-нибудь из нас убивают, то убийца знает, что он все равно умрет. Придет брат, или сын, или племянник, или еще кто-то из родственников, и отомстит. Понимаешь? Мы – семья. А все остальные – "братва". Они не связаны настоящим родством. И поэтому они – слабее. Очень часто они обманывают и убивают друг друга, а мы – никогда. Я хочу, чтобы ты стал членом нашей семьи. С Иосебашвили ты многого не добьешься. А с нами у тебя будет все. То, чем мы сейчас занимаемся – великое дело. По моим подсчетам, годовой оборот в этой стране в скором времени может достичь двенадцати миллиардов долларов. И даже немного больше. Ты понимаешь, что это за сумма? Мы купим здесь все. Все, что только захотим.

Макаев остановился и потянулся за бутылкой с виски, чтобы подлить Кольцову. Тот воспользовался паузой и спросил:

– А что конкретно я должен делать? Чего ты от меня ждешь?

Макаев был готов к этому вопросу:

– Все то же самое, что и сейчас, – ответил он. – Быть лицом. Нашим лицом. Вообще-то я хочу, чтобы для начала ты стал депутатом.

Кольцов растерянно засмеялся:

– Депутатом? А может, сразу президентом? Разве это возможно?

– Возможно все, – без тени улыбки сказал Макаев. – В Думе ты бы очень нам пригодился.

К тому же, – он поднял указательный палец, – у тебя появилась бы неприкосновенность. Разве ты этого не хочешь?

Кольцов пожал плечами:

– А что? Было бы неплохо.

– Это можно считать ответом? – настаивал Макаев.

Кольцов еще немного помялся, но скорее для виду:

– Да. В общем-то, я согласен.

– Ну вот и хорошо, – Макаев выглядел обрадованным. – Я в тебе не ошибся. Я был почти уверен в том, что ты примешь правильное решение. Все-таки мы поняли друг друга. Давай за это выпьем! – они снова наполнили бокалы. Громко чокнулись и выпили. Кольцов уже заметно захмелел.

– Скажи, – продолжал Макаев, – а почему Иосебашвили выбрал именно тебя?

– Ну как это почему? Потому что я по образованию – химик, и потому, что я знаю это дело.

– Откуда? – допытывался Макаев.

– Ну, – Кольцов поначалу не хотел говорить, – это старая история. Я когда-то пробовал этим заниматься, но не оказалось хорошей "крыши".

– Зато сейчас, – Макаев улыбнулся, – у тебя самая лучшая "крыша". Можешь ничего не бояться. А уж когда станешь депутатом...

– А как я стану депутатом? – перебил его Кольцов. – Выборы только-только закончились. Следующих почти три года ждать.

– Ничего, – успокоил его Макаев, – это мои заботы. Ты мне лучше расскажи вот что: какие отношения у тебя с бывшим тестем?

– Ты знаешь об этом? – насторожился Кольцов. – Откуда?

– Сергей, – Макаев даже чуть-чуть обиделся, – это не такой уж большой секрет. Ну и потом: я же серьезно тобой интересовался, и теперь знаю о тебе почти все.

– Все? – Кольцов выглядел обескураженным.

– Все, – подтвердил Макаев. – И то, что я знаю, мне нравится. И все-таки расскажи мне немного о своем бывшем тесте.

– А-а-а, – Кольцов с досадой махнул рукой, – гнида он. Я ему столько бабок отстегнул... Он, можно сказать, на мои бабки раскрутился. У него были связи, а у меня – деньги. А потом, когда меня взяли, он от меня отказался. Правда, сделал так, что меня через две недели выпустили, но... В общем, остался я ни с чем... А он сказал, мол, вся твоя доля на взятки ушла. Понимаешь? Эх! – воскликнул он с пьяным надрывом. – Козел он, короче говоря.

Макаев внимательно слушал. Всю эту историю он, конечно же, знал, а иначе – грош бы ему цена. Но сейчас его интересовало другое: отношение Кольцова к этим событиям. Ведь со временем все могло измениться: боль – затихнуть, а обида – пройти. Но нет, похоже, не прошла. А это – самое главное.

– Сергей, – осторожно, почти ласково, спросил Макаев. – Как ты думаешь, он тебе должен вернуть эти деньги?

– Конечно, – без тени сомнения пробурчал Кольцов.

– А сколько же он тебе должен? Ведь надо учитывать, что эти деньги крутились, что они принесли хорошую прибыль... Как ты думаешь, сколько бы ты сейчас имел, если бы твой тесть тебя не обманул?

– Да... лимонов пять, – брякнул пьяный Кольцов, явно преувеличивая. Но ему очень хотелось показать, что и он совсем не лыком шит, что он такой же "крутой" и важный, как Макаев.

Зиявди покрутил головой и зацокал языком.

– Да... Я с тобой согласен, Сережа. Пять лимонов – это как минимум. Ничего. Он вернет тебе эти деньги. Старые долги надо платить.

С Кольцова в один момент слетел хмель:

– Да, конечно... Надо, это само собой... Но все-таки, Зиявди, это дела давно минувших дней... Да и потом: у него ведь тоже крыша есть. У него связи... Да хрен с ним. Я его прощаю.

Макаев снова покачал головой:

– А вот этого делать нельзя. Никому ничего никогда нельзя прощать. А иначе тебя не будут уважать. Запомни это, Сережа. Любое дело нужно доводить до конца. А насчет его "крыши" ты не беспокойся. Это уже мои проблемы. Я скажу тебе откровенно – мы же теперь как братья, у нас нет секретов друг от друга – у меня свои счета с его "крышей". Все равно эти вопросы придется решать – так уж заодно и старый долг получим. Согласен?

Кольцов кивнул, с трудом сдерживая внезапно подступившую икоту:

– Ты прав... Я согласен.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворенно заключил Макаев. – Теперь еще вот что: пусть все идет как идет. Конфликтовать с Иосебашвили не надо. О нашем разговоре тоже никому говорить не стоит. Мы всего добьемся потихоньку. Без лишнего шума. Но ты помни о нашем разговоре. Не забывай.

Кольцов развел руками, словно хотел сказать: "конечно, не забуду".

Макаев еще раз внимательно на него посмотрел. Затем подошел к маленькому столику, взял рацию и сказал несколько слов. Потом повернулся к Кольцову:

– Ну ладно, Сережа. Пора тебе идти. Ни к чему нам раньше времени светиться. Не надо рисковать.

Кольцов согласно кивнул и поднялся из-за стола. В прихожей щелкнули замки, вошел его телохранитель. Темной массой застыл на пороге, ожидая хозяина. Кольцов завязывал шнурки, бормоча себе под нос:

– Да, ты прав. Ты, конечно же, прав, – он покачнулся, выпрямляясь. Телохранитель бережно подхватил его под локоток.

– До свидания, брат! – Макаев, улыбаясь, протянул ему руку. Кольцов с поспешностью схватился за нее и долго тряс:

– До свидания, Зиявди! До свидания!

Когда дверь за ними закрылась, Макаев прогнал улыбку с лица и брезгливо вытер руку носовым платком. Затем прошел в ванную и кинул платок в корзину с грязным бельем. Но этого ему показалось мало, и он тщательно вымыл руки с мылом.

Через пару минут он открыл дверь, позвал телохранителя, дежурившего на лестничной клетке.

– Беслан?

– Слушаю тебя, Зива, – почтительно ответил боец.

– Поешь. Бери все, что захочешь. Я ничего не ел, а этот, – он неопределенно кивнул головой, – брал мясо. Выкинь там все, что после него осталось. Когда поешь, позови Руслана и Лечи. Пусть придут по очереди, тоже покушают. Не пропадать же добру. Я буду в своем кабинете, мне еще надо поработать, – отдав необходимые распоряжения, Макаев заперся в огромном кабинете.

Беслан поклонился уже закрывшейся за хозяином двери, прошел в комнату, где был накрыт стол, первым делом отнес на кухню грязную тарелку, оставшуюся после Кольцова, подумал и вывалил в мусорное ведро остатки мяса, к которому тот прикасался. Затем сел и стал с аппетитом есть.

* * *

В пятницу Макаев позвонил Кольцову. Позвонил на мобильный, убедился, что Кольцов находится в офисе, и сказал, чтобы он никуда не отлучался, ждал его. Примерно через час он появился сам: как всегда, подтянутый, красивый, благоухающий.

Он прошел в кабинет Кольцова неслышно, почти крадучись. Два здоровенных чеченца-телохранителя остались ждать снаружи.

Макаев держал в руках тонкую папку.

– Здравствуй, Сережа! – приветствовал он Кольцова. – Ты еще не забыл наш недавний разговор?

– Ну конечно нет, – поспешил его заверить Кольцов. – Конечно же, нет. Я все помню.

Макаев присел напротив него, положил перед собой папку, разгладил ее ладонями.

– Помнишь, мы говорили про твоего тестя? Красичкова Ивана Степановича?

Кольцов кивнул.

– Так вот, – продолжал Макаев, – его "крыша" – это структуры Берзона. Знаешь такого?

Кольцов вытаращил в удивлении глаза:

– Кто же не знает Берзона? Ефим Давыдович... – он не договорил.

– Он самый, – оставаясь внешне равнодушным, подтвердил Макаев. – Что, не по себе?

– Но... Берзон – это очень большая сила. Все-таки...

– А почему ты думаешь, что мы слабее? – Макаев улыбался, но в голосе его звучала угроза.

– Да нет... – окончательно смешался Кольцов. – Я так не думаю...

– Не надо никого бояться, – назидательно произнес Макаев. – Самое страшное, что может с тобой сделать Берзон – это убить, – он непринужденно рассмеялся. У Кольцова от его смеха по спине побежали мурашки. Макаев это заметил:

– Да ты не бойся. Берзон – это мои проблемы. Я сам их буду решать. Не волнуйся. Твои проблемы – это вот, – он взял папку в руки и повертел ею перед носом у Кольцова.

– Что это? – Кольцов заметно волновался.

– Да так, – Макаев махнул рукой, словно бы речь шла о пустяке. – Кое-какие документы, рассказывающие о том, как два друга – Берзон и Красичков – перекачивают деньги за границу, а потом через подставных лиц финансируют предвыборную кампанию некоторых кандидатов в Питере. Интересно?

Кольцов неопределенно пожал плечами. Макаев снисходительно рассмеялся:

– У тебя же есть знакомые журналисты. Вот и передай. Передай, чтобы опубликовали побыстрее. Надо будет – пообещай денег. Это очень важно.

– А... как мне с ними общаться? С журналистами? – растерянно спросил Кольцов. – Представляться или...?

– Твое дело. Смотри по ситуации. В общем, действуй. Это – твоя часть работы. Мне нужен результат. И чем быстрее, тем лучше, – Макаев встал и пошел к двери. У самого выхода обернулся и, будто бы что-то вспомнив, сказал:

– Твой шофер стучит на тебя Прокопенко. Так что – имей в виду: майор всегда знает о каждом твоём шаге. Будь поаккуратней, – он улыбнулся, подмигнул и вышел.

* * *

Кольцов нервничал. Он понимал, что ввязался в опасную игру. Он также понимал, что у него не может больше быть спокойной жизни: встанет ли он на сторону Иосебашвили, или начнет работать на Макаева – неважно, все равно каждую минуту ему нужно быть настороже. В любом случае – надо заботиться прежде всего о себе и о собственной безопасности.

Не исключено, что Макаев тоже следит за ним. Даже наверняка. Ведь он сам говорил, что серьезно интересовался его жизнью и что знает о нем практически все.

Вывод напрашивался сам собой: необходимо иметь нечто такое, что поможет в любом случае. Но что это такое? И где его взять? А вот этого Кольцов и сам не знал.

Но прежде всего нужно было исполнить поручение Макаева: Кольцов встретил Надю и предложил ей поехать с ним. Надя с радостью согласилась.

Они не хотели расставаться: Кольцов повторял, что она ему очень нужна, и Надя слушала его с замиранием. Он шептал, что хотел бы каждое утро просыпаться с ней в одной постели, и Надя таяла. Дошло до того, что она решилась на совсем уж безрассудный шаг: позвонила домой и наплела Алексею Борисовичу какую-то историю про подругу, которую бросил муж. И осталась у Кольцова на всю ночь.

Незаметно, между делом, он выведал у Нади, что лучший, по ее мнению "скандальный журналист" работает в "Столичном комсомольце", и что зовут его Андрей Владимирович Ремизов.

А уж разузнать номер ремизовского пейджера и вовсе не составило никакого труда.

* * *

ЕФИМОВ. НАПИСАНО КАРАНДАШОМ НА ОБОРОТЕ МАШИНОПИСНЫХ ЧЕРНОВИКОВ.

Вести дневник. Вот уж занятие – глупее не придумаешь. Действительно, что может быть глупее, чем ловить разбегающиеся мысли? А если они не разбегаются, а сидят в голове и грызут мозги дни и ночи напролет, всегда об одном и том же – к чему их тогда ловить? Стоит ли ловить то, от чего хотел бы избавиться?

В общем, нонсенс: зачем я это делаю – ума не приложу. Хотя... Как раз у меня есть одно оправдание.

Детектив – особенный жанр. Он не может быть скучным. Если хочешь написать отличный детектив, помни правило двух "И": сюжет должен быть – Интересным, а язык – Изящным.

Переживания героев, выпуклые характеры, вычурные метафоры – выкинь все это на помойку. И уж совсем неуместны в детективе какие-то мысли и авторские отступления – их никто и читать не будет. Занеси их лучше в свой дневник.

Люди платят деньги за то, чтобы расслабиться – вот и пиши для них расслабленный текст. То есть – никаких черновиков, сразу начисто и не задумываясь. Можно только слегка наметить сюжет, а уж разрабатывать его – по ходу дела.

Напиши одну сюжетную линию, но так, чтобы она была понятна от начала и до конца – это лучше, чем несколько линий, но плохо прописанных.

Любовь – пусть тоже будет, но красивая и взаимная, безо всяких там переживаний. Короче, полноценная, а не ущербная, как у меня. (Не в книге, а в жизни.)

А главное – герой. В романе должен быть герой. Без героя – никуда. Людям нужен эпос, нужны байки и былины, типа "Ильи Муромца" и так далее. Тут уж – извини, надо обладать богатой фантазией, потому что списывать героя – пока что не с кого. Что-то не вижу я их. Попрятались, что ли? Или повывелись? Или не было их никогда? (Последнее, кстати, наиболее вероятно, но почему-то все боятся в этом признаться. Вот и выдумывают наперебой героев.)

В этом плане мой Топорков – большая удача. Он плоский и тупой, словно вырезанный из картона, зато положительный и постоянный, как магнитный полюс Земли. Он – не человек. У него нет простительных слабостей и милых недостатков. Он – положительный герой. По моему, он даже не курит... Представляю, какие у него оловянные глаза – две пятирублевые монеты со стершимся орлом.

А что поделаешь? Хочешь прославиться, хочешь заработать – пиши то, что читают люди. А людям хочется торжества Добра и Справедливости, потому что их и так в настоящей жизни много обижают.

Я их понимаю – я сам человек: мягкий, теплый и слабый. И меня тоже все обижают. Я уже полгода ем одну гречневую кашу. Поливаю ее подсолнечным маслом и ем. (На большее денег не хватает, ведь нужно еще покупать сигареты и бумагу для машинки.) Раньше думал – гадость, а потом – ничего, привык. Всего-то за полгода. А к чему тогда можно привыкнуть за тридцать лет жизни? Вот, например, к тому, что тебя все обижают. Да, да. Не надо себя обманывать – постепенно привыкаешь и к этому.

Я знаю, что Зло должно быть наказано. Но я не верю, что во всех случаях оно будет наказано. Ведь если бы наказание Зла всегда было неотвратимым, тогда Добро превратилось бы в некую карающую субстанцию, то есть в подобие того же самого Зла. Следовательно, возникает противоречие. Разрешить его можно двумя путями: либо признать, что Добра и Зла в чистом виде не существует вовсе, а есть лишь какой-то сложный конгломерат, подставляющий нам то один свой бок, то другой; либо смириться с тем, что Зло не всегда будет наказано. Хотя и должно быть наказано. Я, например, выбираю второе. На мой взгляд, милосердие выше спра-

ведливости. Но неужели только за это вы меня называете нытиком, пессимистом и очернителем действительности?

Вообще-то, я понял главное. Писать то, что читают люди – это еще не счастье. Счастье – это когда люди читают то, что ты написал.

А дневники нужны лишь для того, чтобы потом, перечитав их, сказать самому себе: "ну и дурак же я был!", и сжечь их к чертям и испытать от этого облегчение. А потому заканчиваю. Но сначала – один веселый случай, бывший со мной на днях.

Я ходил на прием к своему доктору, Дмитрию Дмитриевичу. Милейший человек! Хотя немного смешной – расспрашивает меня или о гадостях, или о глупостях. Серьезно поговорить с ним никогда не удастся. Но он-то думает, что говорит со мной вполне серьезно! Вот поэтому он и смешной. Я, желая подыграть ему, рассказал, что недавно прочел в одной научной книге, как древние римляне посещали театр. Я сказал, что они в первый ряд сажали лысых, а во второй – одноруких, потому что однорукие сами хлопать не могли, и, желая поощрить актеров, шлепали по головам лысых, и получались бурные звонкие аплодисменты.

Я сам придумал эту байку, и по-моему, она довольно забавная. Но бедный Дмитрий Дмитриевич не знал, что ему делать: смеяться или нет. В нем боролись два чувства: с одной стороны, привычное недоверие по отношению к своим пациентам, а с другой – привычное для врача уважение к научным книгам. Он не мог рассмеяться просто как человек, он вел себя, как врач.

Можно ли извлечь из этого случая какую-нибудь мораль? Пожалуй, что можно. Вот какую: очень часто наши представления (одни только представления!) о самих себе мешают воспринимать окружающий мир таким, какой он есть.

Ну вот и все. А теперь – пора обратиться к моему роману...

* * *

"КРОВАВОЕ ЗОЛОТО". НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Они любили друг друга, как дети... (в этом месте слово "дети" зачеркнуто, и над ним напечатано "безумные".)

Они любили друг друга, как безумные. Все смешалось воедино: тела, одеяла, простыни, запахи, технологические жидкости, расходные материалы, стоны, всхлипывания и скрип кровати.

– О Боже! Боже! – кричала Нина.

– Ты мне льстишь! – отзывался Валерий.

– Да! Да! – голосила Нина.

– Вовсе нет! – возражал Топорков.

– Мама! Мама! – верещала Нина.

Тут Стреляный умолкал и на всякий случай оглядывался. Мамы нигде не было.

Его меч, его могучий кладенец, был в полной боевой готовности, но Нина не выпускала его из своих прекрасных ножен. И правильно делала: не то Валерий в пылу охватившей его страсти мог натворить всяческих бед, включая несанкционированное вторжение в начальный и конечный отделы ее пищеварительного тракта. Он двигался целеустремленно и с необычайным напором, словно таран, разбивающий ворота осажденного замка. Еще несколько мощных ударов – и фанфары разразились победным громом. Нина крепко обхватила его ногами за талию – "вот она, скрытая в кривизне приятность", – подумал Топорков – и впиалась жадными губами в его шею. "Ах, какая страстная! Ну прямо упырица!" – ни на минуту не отключалось сознание Стреляного.

– Я люблю тебя! – жарко простонала Нина и закрыла глаза.

– И я, – ответил Валерий и отвернулся.

* * *

Он не был рожден для простого человеческого счастья – он был рожден для борьбы. Борьбы с тем, что так ненавистно всякому честному человеку – алчностью и подлостью, трусостью и предательством.

Он знал, что не успокоится до тех пор, пока не найдет коварных убийц, до тех пор, пока не отомстит тем, кто спланировал и организовал покушение на его жизнь и жизнь той женщины, которая сейчас лежала рядом с ним и негромко посапывала, устав от любовных забав. И ворочалась и сладко улыбалась во сне.

Валерий встал, оделся, добавил патронов в обойму взамен расстрелянных и вышел, тихо притворив за собой дверь. Он рассчитывал, что Нина проспит до утра, а он за это время многое успеет сделать.

Он тихонько вышел из подъезда и увидел, как около его "Джипа" крутится какая-то тень. Валерий осторожно отступил в темноту и обошел машину с другой стороны. Неподалеку стояли "Жигули" – без включенных фонарей, но с работающим двигателем.

Медлить было нельзя: одним большим пружинистым прыжком Топорков оказался рядом с "Джипом". Угонщик увидел его и хотел достать нож, но поздно – Валерий крепко схватил его запястье и выкрутил, а другой рукой зажал рот. Нож со слабым звоном упал на асфальт. Тогда Стреляный отпустил запястье и коротким точным ударом в солнечное сплетение отключил незадачливого вора. Тот дернулся и мягко осел на землю. Валерий придержал его под мышки, чтобы он не упал.

Теперь нужно было заняться тем, кто сидел в машине. Низко пригнувшись, Топорков пытался подкрасться незаметно, но – не получилось. Машина рванула с места, Валерий лишь успел запрыгнуть на капот. Водитель попался опытный – он резко ускорялся и тормозил, поворачивал и ехал задним ходом, но сбросить Валерия ему не удалось. Цепкий и ловкий, он и не думал отпускать преступника безнаказанным. Топорков сумел дотянуться и вырвать ключи из замка зажигания. Машина по инерции проехала еще немного и остановилась.

Теперь у похитителя чужих автомобилей и вовсе не осталось никаких шансов. Он пробовал убежать, но Валерий мощной рукой схватил его за воротник и несколько раз энергично встряхнул, а уж потом уложил на асфальт и закрутил руку за спину.

Угонщиком оказался молодой парень лет двадцати трех с половиной.

– Лежи и не дергайся! – грозно сказал Топорков, и парень понял, что он не шутит – сразу затих и обмяк.

– Кто вы такие? – спросил Валерий. – На кого работаете?

– Ни на кого, – сдавленным голосом ответил парень. – Мы сами по себе.

– Зачем хотели угнать мою машину? – продолжал Валерий.

– Покататься, – пытался отвертеться парень.

Валерий усмехнулся:

– Ты сначала заработай на такую машину, а потом уже и катайся. Понял? – он слегка нажал ему на затылок.

Парень оказался строптивым: коротко вскрикнул, поморщился от боли, но все же сказал:

– Да! Разве честным путем на такую машину можно заработать? Только воры да бандиты на этих "Джипах" разъезжают.

Валерий удивился его смелости: такое поведение внушало уважение.

Он отпустил поверженного противника и спросил его с иронией:

– Так ты что же, получается, Робин Гуд? Угоняешь у воров и бандитов дорогие машины?

– Вроде того, – угрюмо ответил парень, растирая ушибленное при падении плечо.

– Тогда давай знакомиться, – протянул ему руку Топорков. – Я – Стреляный.

– Тот самый? – недоверчиво спросил парень и прищурился.

– Тот самый, – подтвердил Топорков. – А почему тебя это удивляет?

– Да уж больно много о тебе всякого рассказывают, – парень пожал протянутую руку. –

С трудом верится.

– Вот тебе и раз, – рассмеялся Стреляный. – Почему ж не верится? Вы ведь наверняка угнали уже кучу машин, и никто вас пока не поймал. А я поймал обоих за три минуты, и пожалуйста – ему не верится.

– Я – Француз, а мой друг, который вскрывал твой "Джип" – Корявый, – с достоинством представился парень.

– Откуда такие прозвища? – поинтересовался Валерий.

– Я Француз, потому что кудрявый, а он Корявый, потому что оспой в детстве болел, – пояснил парень.

– Все понятно, – Топорков рассмеялся. – А теперь отвези меня обратно, к моей машине.

– Давай ключи, – согласился Француз.

Топорков отдал ему ключи. Еще пара минут – и они были на месте.

– Вот что, – Стреляный обратился к Французу, – ты уж в следующий раз будь поаккуратнее. Не ровен час, пристрелит кто. Я ведь тоже мог, – он отвернул полу своего пиджака и показал кобуру.

– Да уж я понял, – вздохнул Француз. – Спасибо тебе...

– За что? – удивился Валерий.

– За то, что ты – человек. Настоящий человек, – в глазах у парня показались слезы.

Топорков хлопнул его по плечу:

– Ничего. Ты тоже старайся – и все у тебя получится, – он посмотрел на второго, Корявого. – Что-то очень долго лежит твой друг. Еще простудится. Подхватит простатит. Это просто, – столько искренней заботы и неподдельного участия слышалось в его словах, что Француз еще больше растрогался: это надо же – столько всего пережить на своем веку и остаться таким добрым и чистым человеком. Не каждый так сможет.

Повинуясь внезапно охватившему его чувству, Француз вырвал листок из записной книжки, быстро написал что-то и протянул Топоркову:

– На! Возьми! Если тебе когда-нибудь потребуется наша помощь, то в любое время, днем или ночью, позвони, и мы окажемся рядом. Для нас это будет огромная честь – хоть чем-нибудь быть тебе полезными.

– Хорошо! Спасибо, – Валерий положил бумажку в карман и направился к машине. Сел за руль, завел двигатель, аккуратно вырулил – так, чтобы случайно не наехать на неподвижно лежащее тело Корявого, и устремился в темноту, навстречу судьбе.

"Эх! Такие ребята пропадают! Можно сказать, на дороге валяются," – с досадой подумал Стреляный и на глаза ему навернулись слезы. "Ведь золотые ребята! Что же с ними будет дальше?!"

Он нажал на педаль, и машина понеслась по ночной Москве, разбрызгивая ярко освещенные лужи.

А Француз стоял и долго, долго глядел ему вслед. "Главное в жизни – это быть человеком", – вот какой простой и в то же время очень нелегкий урок преподал ему сегодня этот молодой мужчина, высокий блондин с правильными чертами лица, верный сын Отечества Валерий Топорков.

* * *

Несмотря на то, что обычно Нина любила поспать подольше, сегодня она проснулась очень рано. Проснулась и в первый момент расстроилась – Валерия рядом не было. Но

подушка, одеяло, смятая простыня еще хранили очертания его тела и его запах. Нина прижалась к подушке щекой: как хорошо, когда рядом с тобой – настоящий мужчина!

Она вскочила с постели, погладила свой потрясающий живот – в квадратных шашечках мускулов, всегда плоский, блестящий и прохладный. Провела рукой от пупка книзу – вдоль узкой меховой дорожки, специально выстриженной таким образом, чтобы не выбивалась из-под самого смелого и открытого бикини. Вспомнила, как сказал вчера Валерий:

– Больше всего мне нравится в тебе одна черта!

– Какая? – с придыханием спросила его Нина.

– Вот эта! – ответил Валерий. – От пупка и до копчика, – и провел рукой, наглядно показывая, что это за черта.

Нину словно током ударило от этого воспоминания, и она поспешила в ванную комнату.

Стоя под щекочущими шуршащими струйками, вырывавшимися из душа, Нина решала, как ей спланировать сегодняшний день. На работу можно было не идти – Тоттошин предупредил шефа, что забирает ее на две недели, а если потребуется, то и на более длительный срок.

Она вспомнила, как ее непосредственный начальник, полковник милиции Константин Олегович Лобок (он очень стеснялся своей легкомысленной фамилии, а подчиненные за глаза называли его Колобок – инициалы плюс фамилия) говорил:

– Не бросай нас, Ниночка! Как же мы без тебя тут будем? Кто ж у нас по клавишам будет щелкать да с монитора пыль стирать? Да и кофеем никто не угостит! На кого ж ты нас, сиротинушек, оставляешь?

И Нина чувствовала себя почти виноватой и хотела поскорее вернуться в свой отдел, к товарищам и сослуживцам. Но для этого нужно было раскрыть загадочное дело "о драхме и Хароне".

Она подумала, что сейчас как нельзя кстати ей пригодилась бы помощь Александра Борисовича Японского – следователя по особо важным делам московской городской прокуратуры. Саша Японский одно время ухаживал за ней, они питали друг к другу взаимную симпатию, встречались, катались вместе на лыжах и ходили в кино. Некоторые общие знакомые даже считали их женихом и невестой. Но это было не так. Чистые, платонические чувства связывали этих двух красивых и духовно богатых молодых людей. Платонические – если бы не один эпизод, который Нине поскорее хотелось забыть, и который никак не мог позабыть Японский.

Именно поэтому Нина хотела навестить Японского в отсутствие Валерия – чтобы не вызывать у последнего (не в том смысле, что совсем последнего, а в том, что – у вышеназванного) необоснованных подозрений.

Она влюбилась в Валерия сразу же, с первой минуты, и не хотела давать ему ни малейшего повода для ревности.

Нина вымылась, вытерлась и накрутилась. Накинула на плечи махровый халат и побежала готовить завтрак.

Вообще-то, она готовила не очень хорошо, ела всегда второпях и что попало, но теперь, когда в ее жизни появился мужчина – любящий и настоящий, ей необходимо было правильно и хорошо питаться.

"Кофе пить не буду – цвет лица портится, и зубы желтеют. Курить – ни одной сигареты больше: опять же, зубы желтеют, и изо рта воняет. Мартини? Ну только чуть-чуть и перед обедом. Или после. И все. Шейпинг, молоко и гантели. Надо смотреть правде в глаза – не красавица, да и не молода уже. Нельзя терять этого мужчину. Ах, какой он мужчина!"

* * *

После завтрака Нина позвонила Японскому и попросила разрешения воспользоваться его компьютером. У нее был хороший компьютер на работе, дома стоял довольно приличный, но тот аппарат, который купил себе Японский, был просто потрясающим! Суперкомпьютер!

Нина еще не знала, что она надеется найти, но интуиция ей подсказывала, что она думает в правильном направлении. Было у нее какое-то необъяснимое шестое чувство, которое так сильно развито у всех женщин (справедливости ради следует отметить, что иногда – не в ущерб предыдущим пяти).

Нина позвонила Японскому домой – он как раз был в отпуске – и договорилась о встрече. Она сказала, что заедет к нему ненадолго, чтобы поработать на компьютере, и Японский тут же согласился: он был рад любой возможности увидеть Нину.

* * *

Она приехала к нему около десяти часов утра. Подставила щечку для поцелуя, но сама целовать Японского не стала. Нина принесла ему к чаю небольшой торт – Японский любил сладкое. Пока Александр ставил чайник на плиту, Нина под села к рабочему столу, где стоял компьютер – краса и единственная гордость Японского.

Она в нетерпении потеряла ладошки и ударила бойкими пальчиками по клавишам. Монитор заиграл разноцветными огоньками.

Нина вышла в Интернет и начала хозяйничать в виртуальном пространстве. Пока Японский поглощал на кухне сладости, желая хоть немного скрасить горечь своего окончательного поражения, она принялась взламывать информационные системы ФСБ (предыдущие названия – ФСК, КГБ, МГБ, ГПУ, НКВД, девичья фамилия – ЧК). Это было совсем непросто, но Нину не зря ценили в МУРе как компьютерного гения. Она набирала название файла "Харон" – и так, и этак, но нигде такого файла не значилось. Наконец, в одном из массивов документов процессор нащупал нужное сочетание букв. На экране появилась надпись: "Доступ запрещен" и потом: "Введите пароль".

При слове "введите" в глазах Нины загорелся азартный огонек. Она достала компакт-диск, который принесла с собой, и запустила программу.

Через двенадцать минут кодовое слово было найдено, и Нина перекачала драгоценную информацию на дискету. Затем вынула свой компакт-диск, положила его в футляр и стала собираться домой: ведь Валерий не сказал, как его найти. Значит, надо сидеть дома и ждать. Ждать вестей от любимого – самое что ни на есть женское занятие. И Нина была счастлива – наконец-то она дождалась того долгожданного момента, когда ей приходится просто сидеть дома и ждать, ждать вестей от своего любимого. А они, как всегда, приходят неожиданно...

К сожалению, события развернулись совсем не так, как она предполагала...

* * *

БОЛТУШКО.

Надя разволновалась не на шутку: уже вечер, а мужа все еще нет дома. Сегодня же суббота, в конце концов. Законный выходной! Где он может быть так поздно? А может, с ним что-нибудь случилось? Не дай Бог!

Виртуозно приготовленный обед давно уже остывал на плите. Надя сидела перед телевизором, словно на иголках, и даже не могла смотреть кино! С любимым Робертом Редфордом! (Она вообще любила блондинов.)

Нет, Алексей Борисович не прав! Ох и устроит она ему, когда он вернется! Знает ведь, что жена волнуется! Почему бы не позвонить домой?

Она всегда старается звонить в таких случаях. Вчера, например: предупредила же, что не придет. Почему он не может?

Надя загадала: да ладно уж, пусть тоже не приходит ночевать, но лишь бы позвонил, сказал, что к чему – она же волнуется!

Она еще немного посидела в задумчивости, покусывая губки – решала, что ей предпринять, затем встала, взяла пылесос и принялась убирать квартиру – надо же было как-нибудь занять время.

Наденька была очень неглупой женщиной и прекрасно понимала, что, если бы за ней не водились некие грешки, то вряд ли бы она так сильно переживала. Но она чувствовала себя виноватой перед мужем, а потому волновалась за него с удвоенной силой. Помимо этого, такое безответственное отношение Алексея Борисовича к жене позволяло ей при встрече сразу же перейти в наступление, не останавливаясь подробно на деталях собственного вчерашнего отсутствия.

* * *

Алексей Борисович тем временем уже приближался к первопрестольной. Он ехал и никак не мог придумать, что же он скажет жене. Как объяснит помятую физиономию, разбитое лобовое стекло, и пропавшую видеокамеру?

Набегающий ветерок приятно охлаждал распухшее лицо. Очки, конечно, здорово помогали – дорожная пыль не попадала в глаза, но стало уже темно, и Болтушко с трудом различал дорогу. Он снял очки и опустил солнцезащитный козырек. К счастью, ехать оставалось совсем недолго.

Алексей Борисович решил пока ничего не говорить про камеру: еще успеется. К тому же он не переставал надеяться, что ее все-таки удастся вернуть. Как – он не знал. Но ведь можно было что-нибудь придумать.

* * *

Хорошо, что он в свое время обзавелся "ракушкой" – машину без лобового стекла на улице не оставишь! Он загнал свою "шестерку" под металлический тент и закрыл на замок. Еще раз придиричиво ощупал все лицо и тело и убедился, что выглядит не самым лучшим образом. Он заранее вздохнул, представив реакцию жены: все-таки он ее немного побаивался.

* * *

Болтушко осторожно открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. Разулся и стал потихоньку стягивать куртку.

В это время появилась Надя. Она пару секунд присматривалась к нему – в прихожей была очень слабая лампочка – а потом всплеснула руками и тихо заплакала.

Она протягивала руки к его лицу, но боялась прикоснуться – думала, что причинит ему боль. Она отдергивала пальцы, закрывала узкими ладошками лицо, качала головой, причитала:

– Алешенька! Да что же это такое, Господи! – и затем снова протягивала к нему руки. – Что с тобой случилось? Я уже места себе не нахожу! Где ты был? – и Надя опять принималась плакать.

– Да вот... – пожал плечами растроганный Болтушко. – Как-то...

– Кто тебя так? – Надя взяла его за руки и повела в комнату, к свету. Здесь она рассмотрела его получше и заплакала еще громче.

Сконфуженный Алексей Борисович неловко обнимал Наденьку и негромко кряхтел и ойкал, когда ее вздрагивающие острые плечики касались его ребер.

– Ой, ну слава Богу, живой! – хлюпая носом, умилялась она. – Кто же это тебя так? – слезы постепенно заканчивались.

– Да... Так получилось, – бурчал Болтушко.

– Пойдем, вымоемся, помажем йодом, а потом ты мне все расскажешь, – Надя захватила инициативу в свои руки и потащила Алексея Борисовича в ванную.

* * *

После окончания санобработки и оказания первой медицинской помощи Надя усадила мужа в глубокое кресло посреди комнаты и принесла ему чай.

– Может, хочешь чего-нибудь поесть? – участливо спросила она.

– Угу. Орехов, – с сарказмом отозвался Болтушко.

Надя не рассмеялась – она всплеснула руками и покачала головой.

– Ну, так что же с тобой случилось? Как это произошло?

Алексей Борисович рассказал ей все...

Все, что непосредственно относилось к делу.

Некоторые моменты он предпочел опустить, справедливо полагая, что и так уже сильно пострадал сегодня – нет нужды умножать список увечий.

Надя внимательно его слушала и задавала иногда дурацкие вопросы. Ну, например: "а чем они тебя били? Палкой?"

Болтушко сначала опешил, а потом разозлился:

– Ну почему палкой-то? Не было у них никакой палки!

– Ой, Алеша! Ты же сам говоришь, что потерял сознание. Как же ты можешь помнить? – возразила Надя.

Алексей Борисович хотел что-то ответить, но передумал. С женщинами спорить нельзя – это абсолютный закон, по сравнению с которым второе начало термодинамики – не более, чем маловероятная гипотеза. Он досадливо поморщился и махнул рукой. Наверное, это должно было означать: "Хорошо. Пусть палкой!". Он подул на горячий чай и отхлебнул маленький глоток. Снова поморщился.

Так, с небольшими перерывами, он рассказал жене все.

Что непосредственно относилось к делу.

* * *

Зато следующий день – воскресенье – Болтушко провел в безделье и неге. Надя хлопотала вокруг него: поправляла подушки, приносила тряпки, смоченные холодной водой – запоздалое средство борьбы с отеком, подала ему в кровать картофельное пюре и курицу, тушеную кусочками.

Алексей Борисович сдержанно постанывал и смотрел телевизор.

* * *

В понедельник Алексей Борисович дождался, когда Надя ушла на работу, позвонил в редакцию и сказался больным. Спрогис поинтересовался: а как же "Криминальная хроника недели"? Болтушко ответил, что, скорее всего, в этот раз он не сможет написать статью – не успеет собрать материал. Спрогис просил не беспокоиться, сказал, что в случае чего – поручит статью Скобликову. Алексей Борисович согласился.

А потом он сделал то, чего никак нельзя было ожидать от здравомыслящего и благогазумынного человека – быстренько собрался, положил в карман деньги и ушел из дома.

Во дворе он открыл ракушку, сел в машину и поехал в близлежащий гаражный кооператив. Там в одном из боксов несколько умельцев занимались ремонтом фар и стекол.

Уже через полчаса стекло стояло на своем месте.

Алексей Борисович почувствовал приятное томление. Все-таки он тоже был из великого племени охотников! Азарт разбирал его – жажда погони нагнетала в кровь огромные порции адреналина!

Он сел за руль, включил магнитолау погромче и... взял курс на Гагарин!

* * *

На этот раз дорога показалась ему знакомой и совсем недолгой: он уже третий раз ехал по ней. Но теперь все приобретало другое значение, имело другой смысл.

Алексей Борисович положил себе под ноги, под резиновый коврик, небольшую монтировку – это вселяло в него некоторую уверенность.

Болтушко свернул с трассы на Вороново и поехал к стоянке. "Лобное место" – как он мысленно про себя ее окрестил – "место, где мне дали в лоб": Алексей Борисович не терял присутствия духа. И чувства юмора.

На стоянке все было по-прежнему: летнее кафе, столик под линиялым зонтом, мангал под навесом и сонный Армик, раздувающий угли. Не было только мальчишки, торгующего рыбой.

Болтушко съехал с дороги и остановился рядом с Армиком: тот его сразу узнал и приветливо заулыбался. Алексей Борисович вылез из машины и протянул ему руку:

– Здравствуй, Армик!

– Здравствуй, дорогой! Как дела? Стекло уже вставил? Молодец! Я же говорил – машина будет лучше новой, – он внимательно рассматривал лицо Болтушко. – А это заживет, – он показал на синяки.

Алексей Борисович согласно кивнул:

– Да. Послушай, Армик. Тот мальчик, который торгует рыбой, он не появлялся?

Армик покачал головой. Лицо его омрачилось:

– Нет, я его с тех пор не видел. Как убежал в субботу, так и все. Пропал. Вчера не приходил, даже рыбу свою не забрал. Люди спрашивают, почему рыба, а я говорю – не знаю, не моя. Сегодня его тоже нет. Подожди, может быть, еще придет... Не знаю.

– Понятно. Нет, Армик, я ждать не могу. У меня в городе дела. Давай так договоримся – я вечером заеду, и ты мне расскажешь, приходил он или нет. Если вдруг придет, передай ему вот что: пусть вернет камеру, и, главное, кассету. Я ему ничего за это не сделаю, наоборот – хорошо заплачу. Передашь?

– Передам.

– Ну ладно. Пока. До вечера, – Болтушко пожал ему руку, сел в машину и собрался уезжать.

Армик жестом остановил его, подошел ближе и, озираясь по сторонам, спросил:

- Слушай, а ты в милицию заявлял?
- О чем? – не понял Болтушко.
- Ну, обо всем. О том, что тебя избili, о том, что камера пропала?
- Алексей Борисович пожал плечами:
- Да нет, не заявлял. А что?
- Ты про меня никому не говори. Я все равно скажу, что ничего не видел.
- А-а-а, ты про это, – Болтушко махнул рукой. – Да это я сразу понял.
- Что ты понял? – не отставал от него Армик. – Ты думаешь, я их боюсь? Ничего я не боюсь. Но у меня дома – жена и дети. Их надо кормить. Я здесь немножко заработаю – им деньги отправлю. А если не заработаю – они останутся голодными.
- Не волнуйся, Армик, – успокоил его Болтушко. – Я сам разберусь, без милиции. И про тебя я никому ничего не скажу.
- Не скажешь? – недоверчиво спросил Армик.
- Не скажу, – он помолчал. – Вот видишь, если ты не хочешь быть свидетелем, тем более мне нужна эта пленка, понимаешь?
- Да, – Армик затряс головой.
- Так что, если этот мальчик появится, передай ему мои слова. Передай обязательно.
- Хорошо, – Армик снова повеселел. – Приезжай вечером, шашлык покушаем.
- Ладно, – односложно ответил Алексей Борисович и тронулся с места.

* * *

Он направлялся в отдел ГАИ, чтобы поговорить с Тарасовым. Тарасов был оперативным работником отдела ГАИ города Гагарина и расследовал все дорожно-транспортные происшествия, повлекшие гибель людей. Срок следствия по такому делу – обычно десять дней. Через десять дней надо дать ответ – либо причина и обстоятельства смерти ясны, либо необходимо дополнительное расследование.

Помимо этого, в ведении Тарасова находились все угоны.

Алексей Борисович хотел узнать, нет ли новых данных о гибели Бурмистрова, а заодно выяснить, кому принадлежит белая "копейка", номер которой записал Армик.

Он думал, как правильнее начать, и стоит ли говорить о том, что Марине угрожают и требуют у нее деньги. В конце концов, он не стал придумывать план беседы заранее, решив, что по ходу дела все будет видно.

* * *

Болтушко приехал в отдел ГАИ, нашел дверь кабинета Тарасова и постучал.

– Да, – ответил сиплый голос. – Войдите.

Алексей Борисович вошел. Конечно, в таком виде – с синяками и опухшим лицом – он чувствовал себя крайне неловко. Но что ему оставалось делать?

Тарасов уставился на него с явным любопытством.

– Вы ко мне? – спросил он.

– Да, – Болтушко осмотрелся. – Я... приезжал к вам... Неделю назад. Мы были вдвоем с женой... То есть, со вдовой погибшего... Бурмистров Николай. Вы помните?

Тарасов помолчал, с интересом разглядывая его. Потом указал на стул напротив себя:

– Присаживайтесь, прошу вас.

– Спасибо, – Болтушко подсел к столу.

– Да, конечно, помню, – продолжал Тарасов. – Вы были в прошлый понедельник? Тогда еще стояла страшная жара. Всю неделю держалась такая погода, вот только сейчас вроде

немного отпустило. А я, знаете, очень плохо переношу жару... Да... Так вы что-то хотели мне сказать?

– Видите ли, – начал Болтушко. – Извините, я... не знаю вашего имени-отчества...

– Александр Иванович, – откликнулся Тарасов.

– Да, очень приятно, – Болтушко отвесил церемонный поклон. – А я – Алексей Борисович...

Тарасов в свою очередь кивнул, давая понять, что считает это очень важным:

– Так зачем снова к нам пожаловали, Алексей Борисович? Узнали что-то новое?

Тарасов выглядел очень нездоровым человеком: большой, толстый, с синим отечным лицом. На шее отчетливо проступали набухшие вены, и дышал он со свистом, словно закипающий чайник.

– Да нет, – отведя глаза, ответил Болтушко. – Я, наоборот, сам хотел узнать, как продвигается расследование. Может быть...

– Нет, – поспешил ответить Тарасов, – ничего нового я вам сказать не могу.

К сожалению – ничего, – повторил он.

– Понимаете, – несколько заискивающе продолжал Болтушко. – Мы с Николаем вместе служили в армии. Это, конечно, было уже давно. Но все-таки, мы общались, дружили, и вдруг – такое несчастье.

– Да, – поддакнул ему Тарасов. – Такое бывает. Жалко, конечно. Молодой, здоровый, сильный. Остались жена и дочь.

Болтушко сидел, размышляя, стоит ли доверять этому слоноподобному Тарасову. А вдруг они все тут повязаны – городок-то небольшой, правильно Марина говорила.

– Понимаете, тут вот какое дело, – снова начал Болтушко. – Я подозреваю, что Николая убили.

Тарасов поднял брови, словно хотел сказать: "Вот как? Да что вы говорите?"

– Да. Вы знаете, я много об этом думал, и не нахожу другого объяснения. Все, что произошло, кажется настолько невероятным... – Болтушко развел руками.

– Конечно. Я вас понимаю, – заверил его Тарасов. – Но, вообще-то, хочу вам сказать, очень многие вещи кажутся невероятными. И, тем не менее, случаются сплошь и рядом.

Он достал большой клетчатый платок и вытер взмокший лоб.

– Алексей Борисович! – Тарасов вдруг подался вперед всем своим тучным телом. – Скажите, пожалуйста, может быть, вы хотите мне что-нибудь сообщить? Мне так показалось, что вы хотите мне что-то сообщить, – и пристально посмотрел Болтушко в глаза.

Болтушко колебался; но не очень долго – наконец он решился.

– Александр Иванович! Да. Я хочу вам кое-что рассказать.

Тарасов откинулся на спинку стула. Он сидел молча и не перебивал.

– Скажите, это вы звонили Бурмистровым домой и оставляли на автоответчике сообщение о гибели Николая?

– Я, – согласился Тарасов.

– После вашего сообщения были записаны сообщения Марины, жены Николая. Она в это время была на даче, и очень волновалась, что муж еще не приехал – он должен был приехать к ним на дачу, понимаете? Поэтому она несколько раз звонила домой.

– Да, конечно.

– Ну вот, – Болтушко перевел дух, – а уже после этого обнаружилось, что Николай тоже звонил домой. Понимаете? Уже после того, как вы сообщили о его смерти. Выходит, он в то время был еще жив? Как это могло получиться?

– Ну, – Тарасов снисходительно улыбнулся. – Мало ли какие бывают совпадения. А что он говорил?

– Нечто странное. По-моему, его кто-то заставил позвонить. Он сказал: "Ну вот, я же говорил, что дома никого нет." Но не в трубку, а как бы в сторону. И тут же какой-то грубый мужской голос: "Звони еще раз, падла!" Понимаете? Его заставили позвонить!

Тарасов налил себе воды из графина, выпил полстакана.

– И все это было записано на автоответчике?

– Да! – подтвердил Болтушко.

– Вы привезли эту запись?

Алексей Борисович сконфуженно отвел глаза:

– Нет.

– Почему? – лицо Тарасова выражало живейший интерес.

– Видите ли, – Алексей Борисович прекрасно понимал, что его объяснения звучат по меньшей мере глупо, – я действую, можно сказать, по собственной инициативе. Вдова Николая не хотела, чтобы я обращался в милицию.

– Не хотела? А в чем дело? Чем же мы ей так не угодили?

– Она боится, – вздохнул Болтушко. – И ее можно понять.

– Чего же она боится? – Тарасов не перебивал его, но очень ловко вставлял вопросы, пользуясь малейшей паузой в разговоре.

Болтушко снова замялся:

– Понимаете, ей угрожали. Требовали деньги. Она считает, что Николай был должен кому-то крупную сумму.

– Она полагает, что его убили из-за денег? Из-за того, что он был кому-то должен?

– Не знаю, – Алексей Борисович пожал плечами, – не исключено.

– Алексей Борисович, – вдруг как-то очень проникновенно произнес Тарасов, – давайте-ка вы мне все расскажете. А? Потихонечку, не торопясь. Все, что знаете о своем друге, о его семье, о его денежных делах и так далее. Я понимаю ваше беспокойство. Более того, мне самому все это очень не нравится. Буду с вами откровенен – мне не дает покоя это дело. В нем есть много неясных моментов. Простите, – перебил он себя самого, – вы кто по профессии?

Болтушко почему-то вдруг очень смутился:

– Я – журналист, – потупясь, сказал он. – Пишу на криминальные темы.

Тарасова же, напротив, это сильно обрадовало:

– О! – воскликнул он, – так значит, мы, некоторым образом, коллеги? Замечательно. В каком печатном органе изволите трудиться?

– В "Столичном комсомольце", – не без гордости ответил Болтушко.

– Солидный орган, – с уважением произнес Тарасов. – Так это вы? Каждую неделю? По субботам, если не ошибаюсь? Да?

– Да, – Болтушко даже выпрямился и теперь сидел, не опираясь на спинку стула.

– Нтц, нтц, нтц, – покачал головой Тарасов. – Тогда я – ваш поклонник. Вот уж не думал, что доведется с вами встретиться. Да еще при таких обстоятельствах. А вы говорите – невероятно. Вот вам пожалуйста – какие вещи в жизни случаются, – он весь лучился. Болтушко даже показалось, что Тарасов ему подмигнул.

– Да. Бывает, – Алексей Борисович криво усмехнулся. – О каких неясных моментах вы только что говорили?

Тарасов моментально стал серьезным.

– В общем-то, все по мелочи... Но главное, что мне непонятно – это почему следственно-оперативная группа не нашла при осмотре тела водительского удостоверения, – он деликатно сказал "тела", а не "трупа".

– То есть? – не понял Болтушко. – Как это не нашла? Вы же показывали нам это удостоверение. В морге, когда опознавали вещи.

– Да, – поспешил согласиться Тарасов, – это конечно. В морге, в протоколе судебно-медицинского исследования трупа, было отмечено, что во внутреннем кармане пиджака обнаружено водительское удостоверение, номер такой-то, выдано тогда-то и так далее. Удостоверение на имя Бурмистрова Николая Ивановича. А вот в протоколе осмотра трупа, составленном следственно-оперативной группой на месте происшествия, о водительском удостоверении нет ни слова. Понимаете? Все документы у него лежали в такой сумочке – "визитке". Там и паспорт, и документы на машину, и все прочее. А водительского удостоверения нет. Почему?

– Ну, – неуверенно начал Болтушко, – может быть, его просто не заметили? Дело-то ночью было. Не нашли, и все.

Тарасов покачал головой – это предположение его не устраивало.

– Ну, вы уж совсем нас за идиотов принимаете. Вы что, считаете, оперативник не в состоянии описать то, что видит? Нет, Алексей Борисович, этого быть не может. Во-первых, посмотрите – подробно описан даже смятый чек на сумму сто двадцать рублей, выданный на автозаправочной станции "Кедр" в городе Москве. Видите? Даже такую мелочь не упустили, а уж права-то и подавно бы нашли. Если бы они там были. А во-вторых, что ищут у погибшего в дорожно-транспортном происшествии в первую очередь? Именно права! Так что, будьте уверены, тело, "визитку" и машину обыскали не раз и не два. Но права не нашли. А нашлись они только в морге. Спустя два дня. Остальные документы, между прочим, все это время лежали в моем сейфе, – Тарасов, не оборачиваясь, через плечо ткнул большим пальцем в сторону массивного железного ящика, который стоял у него за спиной. – Вот что я пока не могу объяснить.

– Вы думаете, – высказал предположение Болтушко, – что права подбросили позже?

Тарасов колыхнулся и издал какой-то странный звук, очень похожий на кудахтанье.

– Подбросили? Я этого не говорил. А впрочем, вполне возможно. Но только, если уж подбросили, – он выдержал паузу, желая придать своим словам побольше значительности, – то никак не права.

– А что же тогда? Одежду? – снова удивился Болтушко.

– Давайте вы мне сначала все расскажете, а потом уже будем строить предположения, – ушел от прямого ответа Тарасов.

И Алексей Борисович начал рассказывать.

* * *

РЕМИЗОВ.

У Ремизова появилась работа. Он дрожал от азарта, словно охотничья собака перед травлей: он ждал только сигнала от Ильи.

От этого сигнала зависело главное: на кого бросаться. То ли на Берзона с Красичковым, то ли надо крутить этого самого Кольцова. Выяснить, что он из себя представляет, и чей заказ выполняет. Для этого, кстати, может потребоваться помощь самого Берзона: Ефим Давыдович мужик крутой, ему наверняка будет интересно, кто же под него копает.

В любом случае, как бы дело ни повернулось, Ремизов оставался в выигрыше: если документы подлинные, то скандал вокруг Берзона – это голубая мечта любого журналиста, очень сильный материал, а если сфабрикованные – то появится прекрасная возможность показать свою лояльность, засвидетельствовать свое почтение перед одним из сильных мира сего. В конце концов, не так уж это и плохо – оказаться полезным Берзону, ведь тогда можно рассчитывать на ответную любезность.

Все это было довольно очевидно, и поэтому Ремизов пребывал в прекрасном расположении духа. Он вскипятил чайник, заварил большую чашку крепкого растворимого кофе, поставил на стол чисто вымытую пепельницу из фальшивого хрусталя и положил рядом пачку сигарет с ментолом. Затем он сел на стул – основательно, даже поерзал немного, устраива-

ясь поудобнее, похрустел пальцами, достал из ящика пачку листов и принялся чертить на них какие-то схемы, понятные только ему одному.

Он рисовал кружочки, квадратики, соединял их прямыми, изогнутыми и прерывистыми линиями, подолгу сидел, задумавшись, затем пил горячий сладкий кофе мелкими глотками, затягивался сигаретой, аккуратно откладывал ее в пепельницу и снова принимался рисовать.

Иногда его что-то не устраивало в этих схемах; тогда он стирал некоторые детали, и рисовал их по-другому.

Постепенно связи между действующими лицами стали проступать все более явственно. Он отложил черновые наброски в сторону и на чистый лист начал наносить окончательную схему.

Это уже были не кружочки и не квадратики – маленькие человеческие фигурки.

Ремизов работал с увлечением: чтобы занять себя подольше, он взял цветные карандаши, и принялся раскрашивать получившуюся картинку.

Потом в правом верхнем углу написал черной ручкой: "Диспозиция 1. "

Получилось действительно здорово.

Он встал и с помощью маленьких кусочков прозрачного скотча приклеил этот лист на пустую стену слева от стола. Стол стоял таким образом, что перед Ремизовым было окно, справа вдоль стены – от пола и до самого потолка – тянулись книжные шкафы, а стена слева была свободна.

Ремизов подпер голову руками и долго смотрел на свой рисунок. Затем встал, сходил на кухню, налил еще кофе и, вернувшись в комнату, снова стал рисовать.

Вторая картинка называлась "Диспозиция 2 – возможный ответ Б."

Черноволосый кудрявый человек с большим крючковатым носом плотоядно улыбался, в руке держал еще дымящийся пистолет, а у ног его лежал блондин с кровавой раной в груди. Как вариант – взорванный черный "Мерседес" и все тот же блондин, возносящийся в небеса на белом облаке.

Обладая некоторой долей фантазии, в блондине можно было узнать Кольцова.

Естественно, Ремизова очень волновала собственная судьба. Себя он изобразил маленьким человечком на заднем плане, размером приблизительно в четверть роста крючконосого. Маленький человечек курил сигару и улыбался. Перед ним стоял пузатый мешок со знаком доллара на боку.

Вторую картинку Ремизов прилепил слева и чуть ниже первой.

Допил кофе, закурил еще одну сигарету и сразу же принялся за третью картинку. Она называлась без затей: "Диспозиция 3. Б. под ударом."

Теперь крючконосый человек стоял согнувшись, понурился кудрявую голову; блондин же, напротив, выглядел очень веселым и бодрым.

Собственное изображение также присутствовало, но было каким-то неопределенным: половинка маленького Ремизова осторожно выглядывала из-за кирпичной стены. Мешка с деньгами рядом не было.

Красичков везде был одинаковым: Ремизов нарисовал его очень толстым, почти круглым, с густыми бровями в пол-лица.

Третью картинку Ремизов прилепил справа от первой.

Он встал, прошелся по комнате, бормоча что-то под нос и бросая на свою галерею быстрые взгляды. Ему очень хотелось угадать, как события будут развиваться дальше.

Ремизов подошел к книжному шкафу и достал из своего личного архива карточку с фамилией Берзона.

Как человек пунктуальный и педантичный, он заводил карточки на всех более или менее крупных персон. Здесь были и бизнесмены, и политики, и спортсмены, и артисты, – все, кто становился участником какого-нибудь скандала. Причем сведения Ремизов брал только из откры-

тых источников – газетных статей, сообщений по телевизору и так далее, слухами он никогда не пользовался.

Всякий раз, когда известный человек оказывался в центре внимания, Ремизов добавлял в его личную карточку запись, в которой указывал число, источник информации и вкратце – причину скандала.

В карточке Берзона таких записей было восемь – не мало, но и не очень много, особенно если учесть масштаб и значение фигуры Ефима Давыдовича.

Ремизов просмотрел описание предыдущих скандалов. Были там и крупные: Берзона подозревали в причастности к криминальному миру, и даже называли одним из главарей русской мафии. Но большей частью – мелкие скандальчики, из области личной жизни. В общем, ничего конкретного.

Ремизов поморщился: "Негусто." Ничего не притянешь, не напишешь: "как неоднократно уже сообщалось в печати, и, в первую очередь, в нашей газете...".

Он посмотрел на часы: четверть пятого. С момента передачи документов прошли сутки. Если разобраться – целая вечность, ведь они прошли практически в бездействии.

И в этот момент его пейджер, лежащий на столике в прихожей, тоненько запищал. Ремизов опрометью кинулся к нему.

Илья назначал встречу: в пять часов на Цветном бульваре, в скверике через дорогу от старого цирка.

Ремизов радостно выругался, быстрыми скачками вернулся в комнату, скомкал черновики в один большой бумажный шар, повернулся к висящим на стене картинкам спиной и стал медленно отходить, отсчитывая шаги. Дойдя до противоположной стены, он резко развернулся и, почти не целясь, кинул этот шар.

Он попал в ту картинку, где высокий блондин возносился к небесам.

Ремизов рассмеялся, сжал руку в кулак и энергично согнул ее в локте.

Затем быстро оделся и побежал вниз, к машине.

Меньше, чем через час, ему станет наконец ясно, как будут дальше развиваться события.

Клыки его остры, они жаждут свежей крови и теплого мяса. Рожок протрубил, и Ремизов готов рвать свою жертву на части.

* * *

Илья, как обычно, немного опоздал. Завидев Ремизова, он еще издали вскинул руки: мол, виноват, признаю; на что Ремизов с пониманием ответил:

– Все нормально! Ты же не мог пропустить полдник?

Илья, улыбаясь, кивнул:

– Точно. После тихого часа положено – стакан молока и булочку.

– Ну, давай выкладывай, не томи, – поторопил его Ремизов. Илья протянул свернутые в трубочку документы.

– Значит, так, – неторопливо начал Бурлаков. – Берзон прямо или косвенно, через своих людей, контролирует не одну, а несколько десятков разных фирм. Это нормальное явление, так всегда поступают, чтобы развести финансовые потоки, скрыть продвижение денег, усложнить бухгалтерию и так далее. Это элементарно. Но в тех бумажках, которые ты мне дал, помимо всего прочего сообщается, что некий Броверман, доверенное лицо и правая рука Берзона, учредил в оффшорной зоне Науру – это такой крошечный островок в Микронезии, в Тихом океане – "Пассат-банк". Ну, учредил, и Бог с ним. "Пассат-банк" имеет свой корреспондентский счет в московском представительстве калининградского банка "Антей". Улавливаешь, какая длинная цепочка?

Ремизов кивнул.

– Как ты думаешь, для чего это нужно? – торжествующе спросил Илья.

– Понятно для чего – чтобы легче было спрятать концы в воду.

– Молодец! Соображаешь! – похвалил его Бурлаков. – Идем дальше. Компания "Лесэкспо" заключает крупные контракты на поставку древесины, а посредником всякий раз является одна из фирмочек Берзона. Каждый раз новая. Перед западным покупателем ставится условие: перевести деньги не "Лесэкспо", а на счет фирмы-посредника. И вот тут начинается самое интересное. В той же оффшорной зоне, в том же самом Науру регистрируется фирма с тем же названием и с той же формой собственности, что и фирма-посредник. То есть, они различаются только одним – местом регистрации. Но! В платежных документах место регистрации не указывается! Понимаешь? Фирма-двойник открывает счет в "Пассат-банке", а "Лесэкспо" просит перечислить на него деньги в счет оплаты контракта. Таким образом, эти деньги налогообложению не подлежат, поскольку крутятся в оффшорной зоне, и, кроме того, попросту утекают из страны. Из "Пассат-банка" они тут же перебрасываются в какой-нибудь крупный американский банк. В тех документах, которые тебе передали, подробно описана схема этих операций, и приведены конкретные примеры с указанием номеров счетов. Но это еще не все! Через тот же коммерческий банк "Антей", только на этот раз через его представительство в Санкт-Петербурге, "Пассат-банком" финансируется избирательная компания некоторых кандидатов в депутаты городской Думы, причем размеры этого финансирования значительно превышают суммы затрат, разрешенных "Законом о выборах." А это означает, что избирательная комиссия после получения, проверки и подтверждения таких данных должна немедленно отстранить этого кандидата от участия в выборах. И опять-таки – четко расписанные затраты: на что, когда и сколько.

– То есть, ты хочешь сказать, что все эти сведения достоверны? – с замиранием спросил Ремизов.

– Нет, – Илья удивленно посмотрел на него. – Я не говорил, что они достоверны. Правдоподобны – да, за это я готов поручиться. Тем более, что афера с перекачиванием денег за границу не является каким-то "ноу-хау", подобная схема известна уже как минимум два года. Для того, чтобы утверждать, что эти сведения достоверны, необходимо провести тщательную проверку финансовой деятельности указанных здесь фирм, а на это уйдет не один день. И даже не один месяц. Начинать проверку на пустом месте – тоже нельзя. Разработка Берзона ведется, но, насколько мне известно, как-то очень вяло. Тормозит кто-то на самом верху. В общем, поручиться за достоверность этих документов я не могу. Правда, есть надежда, что, если ты их опубликуешь, будет скандал, и тогда разработка Берзона пойдет полным ходом. Но! Это только надежда. Уверенности, опять же таки, нет никакой. Вот тебе информация к размышлению, а ты уж сам решай, что с ней делать.

– Да-а-а, – Ремизов задумался. – Ну ладно. Я еще буду прикидывать и так, и этак. Теперь расскажи мне про Кольцова. Что тебе удалось узнать?

– Ого! – Илья присвистнул. – Роскошный фрустик! Сергей Иванович Кольцов, шестьдесят третьего года рождения, уроженец города Иваново. Окончил химический факультет МГУ с отличием, поступил в аспирантуру. Женится на Красичковой Анжеле Ивановне – единственной дочери Красичкова Ивана Степановича, хорошего друга и нынешнего делового партнера господина Берзона. В это же время Красичков создает "Лесэкспо". Но семейная идиллия длится недолго: Кольцов выступает основным фигурантом в деле "студентов-химиков". Громкое было дело. Может быть, ты его помнишь: группа студентов химического факультета производила и распространяла новый, очень сильный синтетический наркотик. В общем, по всему, корячилось Сергею Ивановичу лет десять строгого режима. И вдруг... Его отпускают! За недоказанностью! То есть прямо с нар, где он провел две недели! Короче, остался полноправным членом общества. В тюрьму сели другие. Но нельзя сказать, что судьба была во всем благоклонна к Сергею Ивановичу: из семьи Красичковых его поперли! С треском! Как чужеродный

и компрометирующий элемент. И стал он на долгие годы обычным люмпен-бизнесменом. Продавал какие-то стиральные порошки и зубные пасты. В конфликт с законом больше не вступал. Но вот что интересно: с некоторых пор – примерно год назад или около того – Кольцов становится председателем благотворительного фонда "Милосердие и справедливость." Фонд занимается благородным делом – разыскивает и каким-то образом возвращает заложников и пленных, находящихся на территории Чечни. Понятно, что Кольцов имеет тесные и постоянные контакты с представителями чеченской общины. В том числе и с членами чеченской преступной группировки – поэтому снова попадает в поле зрения органов. Но при этом, он, конечно же, не стремится афишировать свои знакомства. В общем, пока ничего особенно интересного у нас на него нет. Но, учитывая склонность Сергея Ивановича к совершению правонарушений, а также дурную компанию, в которую он попал, рискну предположить, что мы еще многое о нем услышим. Вот, пожалуй, и все, что я могу тебе сообщить, – подытожил Илья. Он запустил руку в карман и вытащил смятый клочок бумаги. – На, держи. Его адрес. Во всяком случае, прописан он именно здесь.

– Спасибо, – Ремизов прочитал Илюхины каракули. – Остоженка? Неплохое местечко. Как всегда, ты мне здорово помог. С меня причитается.

– Само собой, – Бурлаков широко улыбнулся. Затем, вспомнив что-то, спросил. – Ты беседовал с Феоктистовым?

– А? – мысли Ремизова были уже далеко. – С этим-то? Микробиологом? Еще нет.

Илья покачал головой:

– А зря. Обязательно поговори.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Ремизов. – Вот с Кольцовым разберусь, а следующий материал буду делать с ним. Обещаю.

Илья посмотрел на часы:

– Ну, все. Мне пора. Шеф устраивает совещание – я должен присутствовать. Пока, Андрюха. Я побежал. Звони, если что.

– Пока, – отозвался Ремизов. Они пожали друг другу руки, и Илья быстрым шагом направился к машине.

Ремизов поспешил домой – необходимо было зафиксировать и обработать полученную от Бурлакова информацию.

А потом – грамотно ее использовать.

* * *

Вернувшись домой, он опять налил кофе, сел за стол и закурил.

"Строго говоря", – размышлял он, пуская тонкие струйки дыма: "вариантов не так уж и много: либо печатать, либо не печатать. Если я напечатаю – поднимется скандал. Возможно, это приведет к тому, что на Берзона заведут уголовное дело. А может, и не заведут. Хотя мне почему-то кажется, что все эти документы, которые передал Кольцов, подлинные. Ну и что с того? Это не так уж и важно. Главный вопрос – зачем? Зачем Кольцову потребовалось скомпрометировать Берзона? Чтобы устранить конкурента? Но они – фигуры разного масштаба. Для Берзона Кольцов – мелкая сошка. Нет, они не конкуренты. Тогда, может быть, его кто-то использует? А он, в свою очередь, хочет использовать меня? Вполне возможно. Но кто этот всемогущий кто-то, который не боится спорить с самим Берзоном? Вот что самое интересное! Кстати, как этот хмырь вышел на меня? Откуда узнал мои координаты? Он ведь так и не сказал: все ходил вокруг да около, темнил. Ничего, друг. Мы с тобой сыграем наоборот. В обратную сторону. И проследим за твоей реакцией. Вот тогда и посмотрим, что ты на это скажешь."

Ремизов усмехнулся, достал документы, разглядел их, сделал на портативном ксероксе пару копий и положил их в ящик стола. Затем вышел из дома, сел в машину и помчался по

Садовому кольцу в сторону Крымского моста. Здесь он съехал на набережную, развернулся под мостом и оказался на Остоженке. Проехал немного вперед и свернул направо, в один из маленьких переулочков. Поставил машину во дворе пятиэтажного дома из красного кирпича и набрал номер мобильного Кольцова. В трубке послышались длинные гудки, и затем немного хриплый голос ответил:

* * *

КОЛЬЦОВ.

– Да!

– Здравствуйте, Сергей Иванович! Ремизов вас беспокоит.

– А, Андрей Владимирович! Здравствуйте! А я все жду, когда вы позвоните. Ну что, вы сделали все, что хотели? – Кольцов почему-то сильно волновался; у него даже вспотели ладони.

– Сергей Иванович, именно поэтому я вам и звоню. У меня возникло очень много вопросов, и я хотел бы встретиться с вами, чтобы прояснить кое-что. По телефону, как вы сами понимаете, такие вещи не обсуждают, – Ремизов говорил подчеркнуто строгим тоном.

– Да, конечно. Давайте встретимся, – Кольцов засуетился. – Когда и где?

– Когда? – с легким оттенком презрения переспросил Ремизов. – Да чем скорее, тем лучше. Для всех лучше, – подчеркнул он. Взглянул на часы: половина седьмого. – Где вы сейчас находитесь? – Ремизов не давал Кольцову опомниться.

– Я? Дома...

– Поверьте, меня не интересует ваш точный домашний адрес. Я имею в виду, где это территориально? Какая ближайшая станция метро?

– "Кропоткинская"... – растерянно ответил Кольцов.

– Жду вас через полчаса у выхода из метро "Парк культуры" – радиальная, что на пересечении Остоженки и Садового кольца. Я буду стоять рядом с магазином "Букинист". Вы даже пешком успеете дойти за полчаса. Все. До встречи, – отрезал Ремизов и положил трубку. Он закрыл машину и направился к назначенному месту. Там он зашел в глубокую тень, под эстакаду, соединяющую Комсомольский проспект с Остоженкой поверх Садового кольца, и стал ждать, наблюдая за выходом из метро.

* * *

Кольцов был застигнут врасплох. Он не ожидал, что Ремизов будет его торопить. Он думал, что если Ремизов не позвонил в течение рабочего дня, то позвонит завтра, но никак не сегодня вечером. К чему такая спешка? Что за срочность? Кольцов недоумевал.

"Макаев уверял, что документы настоящие, подлинные, заинтересуют кого угодно. А Надья сказала, что этот Ремизов – самый лучший. Так в чем же дело? Что случилось?"

Он прикинул, стоит ли вызывать телохранителя: а вдруг Ремизов что-то задумал? Кольцов был немного трусоват, но называл это осторожностью.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что телохранителя вызывать все-таки не стоит: во-первых, все равно он не успеет приехать, а во-вторых, Макаев же предупредил, что водитель обо всем докладывает Прокопенко. Может быть, и телохранитель тоже? Нет, надо идти одному. Общение с журналистами – это его часть работы.

Кольцов оделся: просто и неброско – в джинсы и свитер и вышел на улицу. Хотел было поймать такси или "частника", но потом передумал – действительно, чего уж тут идти? Заодно и прогуляется перед сном.

На встречу с Ремизовым он пришел вовремя.

Ремизов заметил его издали: убедился, что рядом нет ни шофера, ни охранника, перебежал дорогу и оказался рядом с Кольцовым.

– Еще раз здравствуйте, Сергей Иванович! Пойдемте, прогуляемся по набережной. Нам нужно о многом поговорить, – сразу заявил Ремизов.

Кольцов несколько насторожился, но все же согласился. Они спустились к набережной и, не торопясь, медленно пошли вдоль гранитного ограждения.

– Я изучил и тщательно проверил те документы, которые вы мне вчера передали, – начал Ремизов. И замолчал. Надолго.

Он ждал, когда Кольцов его спросит: "Ну и что?", выдав тем самым свое волнение.

Но Кольцов тоже прекрасно это понимал. И тоже молчал.

Так они прошли метров пятьдесят. Первым все-таки заговорил Кольцов. Но не о документах.

– Вам нравится эта статуя? – спросил он, показывая на исполинского бронзового Петра. Ремизов удивленно посмотрел на него, потом на статую. Он понял, что немного переиграл.

– Сначала не нравилась, а сейчас нравится. Монументальные сооружения, подобные этому, были всегда, есть и будут. Так что глупо говорить о том, нравится ли мне монументальная скульптура сама по себе или нет. Другое дело, что фигура Петра, и композиция в целом пропитаны сочным кавказским колоритом. Но это и понятно, ведь автор – грузин. Он, безусловно, личность, и имеет право на собственный взгляд. Лет через двести на это никто уже не обратит внимания, настолько все станет привычным. Для сравнения, почти все исторические здания Санкт-Петербурга построены иностранцами: Трезини, Растрелли, Монферран... И ничего, никто не сетует на засилье инородцев. Но среди памятников Петру мне лично больше всего нравится тот, что установлен в Петропавловской крепости. Работы Михаила Шемякина. Его, правда, тоже очень сильно ругали, и в первую очередь – мой телевизионный коллега Саша Неврозов. Но... На состоянии бронзы это, к счастью, никак не отразилось, – он улыбнулся. – Извините, отвлекся. Ведь я вас пригласил поговорить о деле.

– Я вас внимательно слушаю, – отозвался Кольцов. – Вы сказали, что тщательно проверили те документы, что я вам передал.

– Да, – подтвердил Ремизов. – Проверил, и мне они кажутся... м-м-м, – он замялся, словно подбирая нужное слово. – Правдоподобными... Но быть абсолютно уверенным в их достоверности я не могу – чтобы это доказать, требуется срок, значительно больший, нежели одни сутки. Поэтому публикация этих документов в ближайшее время невозможна, – он смотрел на Кольцова, наблюдая за его реакцией.

Кольцов задумался.

– Ну хорошо, – после паузы сказал он. – А когда она будет возможна?

– Ну, – Ремизов задрал подбородок и прищурился, – приблизительно месяца через три. Не раньше.

Кольцова это настолько поразило, что он даже остановился:

– Через три месяца? Нет, это очень поздно. Через две недели – максимум. А не то это теряет всякий смысл.

– Ну почему же? – на губах у Ремизова играла ехидная усмешка. – Разоблачить преступника никогда не поздно. Или вы имеете в виду, что выборы к тому времени уже состоятся? Бойтесь, что ставленники Берзона пройдут в питерскую Думу?

Кольцова несколько смутила его прямота.

– В общем... Я, конечно... Не только из-за этого... Но ведь и это тоже немаловажно – в городской Думе должны сидеть люди с незапятнанной репутацией. Не допустить криминал во власть – это общая задача.

– Скажите, – Ремизов вдруг остановился и повернулся всем телом к нему. – А вы что, тоже баллотируетесь на этих выборах?

– Я?! Нет! – с жаром воскликнул Кольцов. – Нет, я далек от политики.

– Тогда почему же вы тогда так настойчиво хотите устроить скандал вокруг Берзона и тех кандидатов, которых он поддерживает?

– Ну как вы не понимаете? – Кольцов всплеснул руками. – Почему вы не доверяете мне? Почему вы думаете, что я непременно преследую одни лишь собственные шкурные интересы? Я, конечно, рискую показаться сентиментальным, но мой любимый фильм – "Белое солнце пустыни". А любимая фраза – "за державу обидно". Понимаете? Нет, я вижу, вы мне не верите, – он махнул рукой. – Вы не хотите допустить такую простую вещь, что человека могут волновать интересы его собственной страны. Его родины, если угодно. Можете считать меня романтиком или даже сумасшедшим, но меня – волнуют. Меня очень тревожит судьба нашего несчастного, всеми обманутого и обворованного народа.

– Постойте, постойте, – перебил его Ремизов. – Вы что, все это серьезно? Вы так распалились, словно с трибуны выступаете. Можете сильно не стараться, я не записываю наш разговор, – он похлопал себя по карманам. – Диктофон нигде не прячу. Успокойтесь, и давайте не будем юродствовать.

– Юродствовать? – Кольцов выглядел обиженным. – Тогда я хотел бы, в свою очередь, спросить: а почему вы занимаетесь журналистикой такого рода? Почему не пишете про искусство или путешествия, а только все про скандалы и разоблачения? Исключительно ради денег? Или все-таки вы немного патриот, но стесняетесь это показать, вот и напускаете на себя непроницаемую завесу холодного цинизма?

– Какой стиль! "Завеса холодного цинизма"! – Ремизов довольно похихикал. – Чувствуется университетское образование. Я, кстати, тоже заканчивал МГУ. Но не химический факультет, как вы, а факультет журналистики. Правда, в аспирантуре я не учился, – он следил за реакцией Кольцова. – Пусть вас не удивляет, что я осведомлен о некоторых фактах вашей биографии: ею я тоже поинтересовался. Кстати, насчет патриотизма. Если хотите знать мое мнение – пожалуйста. Патриотизм – это особая форма человеконенавистничества. Попытка облагодетельствовать сразу многих неизменно оборачивается преступлением против кого-нибудь одного. Но коли вы непременно хотите облагодетельствовать весь народ, мой вам совет: для этого существует только один способ – это изо дня в день проявлять заботу о каждом конкретном человеке. Это, конечно, тяжелее – зато действеннее. Парадокс, но сегодня лишь одна идея в состоянии объединить людей – это идея частности человеческой жизни, то есть идея, по сути дела, разъединяющая. Только за это и надо бороться: за ценность человека потому, что он – человек, а не потому, что он – член общества. Что касается лично меня, то мне глубоко противно, что нас постоянно обманывают всех скопом: кто-то ворует у миллионов людей нефть, кто-то – газ, кто-то – металлы и так далее. Когда на вокзале вас обманывает цыганка и забирает десять рублей, это одно. Это не так обидно, потому что она отнеслась к тебе, как к человеку. Но если тебя обманывают как часть всеобщего быдла, вот это – действительно обидно. Поэтому можете считать мою писанину, или, как вы изящно выразились, "журналистику такого рода", борьбой за то, чтобы к человеку относились как к самоценному существу, а не как к части общего целого. А деньги? Конечно, деньги мне нужны. Как и всем. Платят неплохо. Да и работа интересная. Люблю, знаете ли, общаться с разными людьми. Единственный минус – какими бы разными они поначалу ни выглядели, в конце концов большинство оказывается законченными мерзавцами. Вот так-то, – он отвернулся, оперся на каменные перила и стал смотреть на воду.

– Послушайте, – разгневанно сказал Кольцов и нервно дернул головой. – Вы пригласили меня поговорить о деле. Я пришел, но вместо делового разговора вынужден выслушивать всякую ерунду. Давайте конкретно: вы будете печатать эти документы или нет?

– Нет, – не оборачиваясь, ответил Ремизов.

– Почему?

Ремизов повернулся и, глядя Кольцову прямо в глаза, медленно отчеканил:

– Потому что вы мне не нравитесь. Потому что не можете внятно объяснить, откуда вы взяли эти документы. Потому что скрываете истинные цели, которых вы хотите добиться этой публикацией. И, наконец, потому, что вы не являетесь самостоятельной фигурой. За вашей спиной кто-то стоит и дергает за веревочки. А вы хотите манипулировать мной. Но быть игрушкой в руках игрушки – это не для меня. В общем, получите и распишитесь, – Ремизов достал из внутреннего кармана злосчастные документы и протянул Кольцову.

Кольцов взял сложенные листы, повертел их в руках, и сунул в задний карман джинсов. Ремизов внимательно следил за каждым его движением.

– Денег не хотите мне предложить? – поинтересовался он. – Сто тысяч, как договаривались.

Кольцов возмущенно фыркнул в ответ:

– Даже не подумаю. Вы и десяти не стоите.

– Как хотите, – Ремизов не отреагировал на его выпад. – Ну ладно, я, с вашего позволения, пойду. От реки очень холодный ветер – боюсь простудиться. Вы тоже долго не гуляйте. Будьте здоровы, – и он пошагал прочь, в сторону Крымского моста.

Кольцов задышался от злости. Несколько мгновений он смотрел Ремизову вслед, затем ожесточенно плюнул в воду и отправился домой.

Все получилось совсем не так, как он рассчитывал. Он-то ожидал, что Ремизов уцепится за этот компромат, будет стремиться как можно скорее опубликовать его, но не тут-то было: журналист торговался и вообще всячески издевался над Кольцовым. Оказалось, что напечатать подобный материал не так-то просто: нужны либо деньги, либо хорошие знакомства. О том, чтобы потратить на эту статью целых сто тысяч, не могло быть и речи – слишком дорого. Десять – еще куда ни шло. Нет, надо было действовать по-другому. Но как по-другому – Кольцов не знал.

Он пришел домой и долго не находил себе места – не мог придумать, что же делать дальше. Затем немного успокоился и решил не торопить события: совершенно спокойно можно подождать до завтра. Ничего от этого не изменится. А завтра он снова встретится с Надей, поговорит, может, она посоветует что-нибудь дельное. В конце концов, Ремизов не единственный журналист в Москве. Не хочет он – так напишет кто-нибудь другой.

* * *

Ремизов же, напротив, остался очень доволен встречей – он добился почти всего, чего хотел: вывел Кольцова из себя, спровоцировал его на поспешные решения и необдуманные поступки, при том, что документы остались в его полном распоряжении. Если бы Кольцов вздумал угрожать или давить на него, Ремизов сразу обратился бы к Берзону: рассказал, что к чему, объяснил, откуда исходит угроза и, скорее всего, получил бы защиту. Словом, Ремизов повел себя правильно и теперь был хозяином положения – по крайней мере, до тех пор, пока эти документы все-таки не появятся в печати.

Вот если бы он сразу согласился напечатать компромат, тогда никаких преимуществ у него не было бы.

Но Ремизов был опытным и хитрым охотником за материалами и сенсациями: сейчас его больше интересовал не возможный скандал вокруг Берзона, а те люди, которым этот скандал был нужен. Он собирался во что бы то ни стало выяснить, кто они, каковы их цели и, если поднимется шумиха, выступить с громким разоблачением разоблачения.

Так умели работать немногие: поэтому-то Надя была совершенно права, когда говорила, что он – лучший.

* * *

У майора Прокопенко был ненормированный рабочий день. Он всегда допоздна задерживался на работе, а в последнее время стал прихватывать и выходные. Информация, стекавшая к нему со всех сторон, требовала немедленного и тщательного анализа. Что-то можно было поручить заместителям и помощникам, но многие вещи должны были быть известны как можно более узкому кругу лиц.

На прошлой неделе водитель Кольцова Сергей доложил майору о личном контакте между своим шефом и Макаевым, прошедшем на квартире у последнего. Прокопенко отметил про себя этот факт, но большого значения ему не придал. Однако вчера вечером Сергей доложил о встрече Кольцова в закусочной "Макдональдс" с неизвестным мужчиной. Он подробно описал внешность мужчины, отметив, что, по всей видимости, Кольцов передал ему какие-то бумаги, потому что ходил на встречу с тонкой картонной папкой. Ничего больше он рассказать не смог, но и это настораживало. Прокопенко совсем не нравилась такая непонятная активность Кольцова; он ломал голову над вопросом: "А есть ли между этими двумя встречами какая-то связь?". Точнее говоря, он был абсолютно уверен, что есть: чутье, выработавшееся за многие годы службы, подсказывало ему, что случайных совпадений не бывает. Напрашивался вывод: Кольцов пошел на сближение с "чеченцами". Это было нежелательно. Майор должен был принять какие-то меры.

Прокопенко еще раз перечитал отчет водителя. Затем подумал и запер его в сейф.

У майора имелись свои интересы и планы. Он играл в свой детектив.

* * *

В тот самый момент, когда совершенно расстроенный Кольцов решил было напиться и таким проверенным методом успокоиться, когда он достал бутылку любимого виски "Джек Дэниэлс", насыпал в ведерко лед и распечатал толстую гаванскую сигару, запищал мобильный. Он подумал и снял трубку.

Звонил Макаев:

– Але, Сережа! Здравствуй! Ты сейчас дома или где-то гуляешь?

– Дома, – ответил Кольцов. – Чего мне гулять?

– Сережа, ты что-нибудь нашел? Какие-нибудь выходы?

Кольцов нахмурился:

– Почти. Я работаю над этим. Сегодня вот встречался с одним человеком... Это, оказывается, не так просто...

– Я понимаю, – согласился Макаев. – Понимаю. Сережа, прошу тебя, завтра будь в офисе пораньше – в девять. Нам надо поговорить. Хорошо?

– Ну конечно, Зива. Я буду вовремя, – с готовностью отозвался Кольцов.

– Ну ладно. Тогда до завтра.

– До завтра.

* * *

На следующее утро, ровно в девять, Макаев переступил порог кольцовского кабинета: подтянутый, чистый и ухоженный. Он сдержанно улыбался. Кольцов поднялся ему навстречу. Они пожали друг другу руки.

– Ну что, с кем ты вчера встречался? – спросил Макаев.

– А, – махнул рукой Кольцов. – Мне сказали, что он – лучший журналист в Москве, а он – козел какой-то. Сначала документы взял, видимо, с кем-то советовался, проверял. А потом – вернул. Позвонил на следующий день. Мы встретились. Говорит, материал интересный, очень правдоподобный, но печатать не буду.

– Как его фамилия? – перебил Макаев.

– Ремизов.

– О-о-о, – Макаев понимающе кивнул. – Я о нем слышал. Довольно известная личность.

– Не знаю, – пробурчал Кольцов, – я газет не читаю.

– Я тоже. Так, просматриваю иногда, – поддержал его Макаев. – Но фамилия Ремизов мне знакома. Так, значит, он вернул тебе документы?

– Да, – кивнул Кольцов. – Вернул и сказал, что печатать не будет, потому что я ему, видите ли, не нравлюсь. Денег требовал. Сто тысяч.

Макаев рассмеялся:

– Ну а ты?

– А я говорю, мол, ты и десяти не стоишь.

Макаев снова улыбнулся:

– Так он же не себя оценивал, а степень твоей заинтересованности. Он размышлял так: раз ты к нему пришел, значит, тебе это нужно. А насколько нужно – это видно по тому, сколько ты готов заплатить. Понимаешь?

– А-а-а, – Кольцову раньше эта мысль в голову не приходила. – Пожалуй, что действительно так. А ведь ты прав, Зива.

Макаев снисходительно усмехнулся:

– Конечно, прав. Он заломил нереальную цену и смотрел за твоей реакцией. И если ты хотя бы на секунду задумался, он сразу догадался, насколько для тебя важно, чтобы этот материал был напечатан. Элементарная психология. Искусство обращения с людьми.

Кольцов сокрушенно покачал головой:

– Точно. А я думал, он торгуется. Просит денег побольше.

– Да ладно, забудь, – Макаев похлопал его по плечу. – Я нашел другой способ. Будь готов: в конце этой недели... Или нет, лучше в начале следующей – поедешь в Питер. Там есть для тебя дело.

Кольцов удивился: поездка в Питер в его планы не входила.

– Надолго? – спросил он.

– Как справишься, – развел руками Макаев. – Дело надо делать, Сережа. Дело – это главное. Ну что, договорились?

– А как же Прокопенко? – забеспокоился Кольцов. – Что ему говорить?

– Ничего не надо ему говорить. Я сам с ним все улажу.

– А что это за дело?

– Я попозже объясню. Сначала мне надо слетать в Грозный, – уклончиво ответил Макаев. – Главное – чтобы ты был готов. Хорошо?

– Ну конечно, – Кольцов понимал, что отказаться он не может: Макаев не просил, а приказывал – просто в мягкой форме, давая тем самым Кольцову возможность сохранить лицо и некую видимость их мнимого равноправия.

– Ну ладно. Я тебе позвоню, когда все окончательно будет ясно. Тогда снова встретимся и все обсудим. А сейчас я поеду, у меня еще дела, – и он вышел: так же стремительно и бесшумно, как и появился.

Кольцов закурил и надолго задумался: если уж ему приходится уезжать из Москвы, то надо использовать это время – с максимальной пользой. Сделать то, что давно пора было сделать. Но – втайне от всех, так, чтобы об этом не знали ни Макаев, ни Прокопенко.

* * *

ЕФИМОВ. НАПИСАНО КАРАНДАШОМ НА ОБОРОТЕ МАШИНОПИСНЫХ ЧЕР-
НОВИКОВ.

Милая моя! Ты страдаешь раздвоением личности, хотя наверняка этого не замечаешь.

С тех самых пор, когда я впервые тебя увидел, ты существуешь в двух лицах: одна живет с мужем, ходит в магазин, ездит на работу и болтает с подружками, а другая – только моя, всегда рядом со мной и принадлежит только мне.

Я люблю вас обеих. Ты, наверное, удивишься, но я всегда подолгу разговариваю с тобой, выслушиваю твои милые насмешки и остроумные замечания.

Ты всегда естественна, проста и изящна. Твои суждения глубоки и правильны. Мы можем беседовать на любые темы, и нам это никогда не надоедает. Я не знаю других людей, которые бы так подходили друг другу, как мы с тобой. Ты сама это увидишь. Очень скоро.

У тебя прекрасное лицо – такое милое и спокойное. Я никогда специально не всматривался в его черты и, тем не менее, отлично помню изгиб твоих бровей, изумительные закругления маленького розового ушка, ямочки на бледных щеках и слегка скошенный подбородок.

Как это пишут в любовных романах? "Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстало ее прекрасное лицо..." Мне не надо закрывать глаза, чтобы вспомнить твое лицо. Оно всегда передо мной. Я смотрю на окружающий мир сквозь твое лицо, и если до сих пор моя жизнь не кажется мне совсем уж невыносимой, то это только благодаря тебе.

Вообще все, что происходит во мне и вокруг меня, происходит благодаря тебе. Даже, пожалуй, так: благодаря тебе и закону всемирного тяготения. Я не случайно поставил вас в один ряд: точно так же я не могу тебя потрогать, но постоянно ощущаю твое близкое присутствие, даже во сне; точно так же не в моих силах ни отменить этот закон, ни разлюбить тебя; точно так же человек, удаляющийся от земли, непременно упадет и разобьется – поэтому и мне нельзя жить без тебя, ни единого дня.

Когда я думаю, говорю или пишу о тебе, я чаще других употребляю слова "всегда" и "никогда", эти временные абсолюты, хотя по натуре своей я человек мягкий и не категоричный; но моя любовь к тебе так велика, что вряд ли я смогу исчерпать ее за то время, что мне отпущено.

Я – как султан Брунея в сельской продуктовой лавке: и рад бы потратить часть своих несметных сокровищ, да нечего больше купить.

В последнее время я часто думаю о смерти. Не потому, что боюсь ее, а потому что любой нормальный человек должен думать об этом. Все знают, что смерть неизбежна, но делают вид, словно заключили эксклюзивный договор с Господом Богом. И при этом суеются, стараются чего-то добиться, кем-то стать... Хотя с уверенностью можно утверждать только одно: что каждый рано или поздно станет покойником.

Так почему бы не начать готовиться к смерти заранее? Если ты чувствуешь себя художником, если ты хоть немного причастен к мировой гармонии, то постарайся сделать так, чтобы твоя смерть подвела итог всей прожитой жизни, чтобы она явилась ее прямым следствием и прозвучала бы мощно и значительно, как завершающий аккорд какой-нибудь симфонии Бетховена.

Я мечтаю умереть у тебя на руках; тогда бы я смог сказать, что моя смерть стала продолжением моей жизни, ее закономерным исходом, ее единственно возможным логичным концом.

* * *

Наверное, тебе покажутся очень грустными и мрачными эти мысли: не печалься, их никто не увидит.

В литературе не остается ничего из того, что написано карандашом: даже этот маленький стишок, который я начеркал в блокноте за пять минут, дрожа и замирая от радости, что слова все еще могут приходить ко мне запросто, как к старому доброму знакомому, даже он истлеет и обратится в прах; он очень мил, но вряд ли заслуживает другой участи. Однако же он не настолько плох, чтобы мне было стыдно посвятить его своей возлюбленной – вот послушай:

Ради Нади, Нади ради,
Был вчера я при параде,
В ослепительном наряде
В славном граде Петрограде.

Побывал и в зоосаде,
Видел там слона в ограде:
Слон не ел, а только гадил —
Я ушел в большой досаде.

Плыл корабль по водной глади,
Я стоял, на север глядя,
Мимо проходили бляди,
Ветерок им спины гладил...

Ох, умаялся я за день!
Но... Представлен был к награде:
Я пишу стихи в тетради
И целую ручки Наде.

Конечно же, это безделица и вещь никчемная. Я просто хотел тебя позабавить интересной формой – выдержанный хорей при повторяющейся женской рифме. Обещаю, что больше не буду отвлекаться на такие пустяки: по крайней мере, пока не допишу...

* * *

"КРОВАВОЕ ЗОЛОТО." НАПЕЧАТАНО НА МАШИНКЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Топорков мчался по Можайскому шоссе – узкому и извилистому. Он торопился к своему Учителю – человеку, который сделал из долговязого щуплого паренька по имени Валера того опытного, закаленного бойца, которого все знали как Стреляного.

Генерал КГБ Штоповров Савелий Кузьмич жил в небольшом дачном поселке недалеко от Москвы. Вообще-то, можно было бы написать: "генерал КГБ в отставке", но люди искушенные хорошо знают – не бывает офицеров безопасности в отставке. Они не уходят со своего поста: человек, который так много знал, не может все забыть в один день. К тому же наработанная агентурная сеть продолжает действовать, изощренный мозг продолжает придумывать хитроумные комбинации, а руки не хотят терять былую твердость и уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.